

Новосибирский государственный аграрный университет

Д. А. Севостьянов

ПРОТИВОРЕЧИЕ И ИНВЕРСИЯ

Монография

Новосибирск

2015

УДК 113/119
ББК 87/061
С 281

Рецензенты: д-р филос. наук, проф. *Н. Е. Буланкина*
д-р техн. наук, проф., чл.-корр. РАН *Д. А. Новиков*
д-р филос. наук, проф. *С. И. Черных*

Севостьянов Д. А.

С 281 **Противоречие и инверсия:** монография / Д. А. Севостьянов;
Новосиб. гос. аграр. ун-т. – Новосибирск: ИЦ НГАУ «Золотой ко-
лос», 2015. – 245 с.

ISBN 987-5-94477-172-8

Монография посвящена проблеме изучения внутрисистемных противоречий. В работе представлены результаты междисциплинарного исследования на стыке философии, общей теории систем, антропологии, филологии и ряда других дисциплин. В ней развит новый подход к анализу внутрисистемных противоречий, который заключается в том, что противоречия в иерархической системе проявляют себя в виде инверсивных отношений. Под инверсивными отношениями понимаются ситуации, когда некоторый элемент в иерархии формально занимает подчиненное положение, но фактически претендует на главенствующую позицию. Теоретические выкладки в работе подкреплены большим количеством примеров всевозможных системных противоречий, а также, для большей наглядности, различными коллизиями из художественных литературных произведений.

Показана роль разрешающихся инверсивных отношений в поступательном развитии системы на примере человеческой активности. В связи с этим представлена оригинальная модель развития иерархических систем, так называемая модель «развития через ступеньку».

Данная работа представляет интерес для ученых различных специальностей, для преподавателей вузов, а также для студентов, изучающих естественно-научные и гуманитарные дисциплины.

УДК 113/119
ББК 87/061

ISBN 987-5-94477-172-8

© Севостьянов Д.А., 2015

© Новосибирский государственный
аграрный университет, 2015

Посвящается светлой памяти
Виталия Епифановича Ларичева,
ученого, руководителя, учителя,
друга

Кто хочет познать наибольшие тайны природы, пусть рассматривает и наблюдает минимумы и максимумы противоречий и противоположностей.

Джордано Бруно¹

Противоречие – вот что на самом деле движет миром, и смешно говорить, что противоречие нельзя мыслить.

В. Ф. Г. Гегель²

ВВЕДЕНИЕ

С самого своего появления философская мысль обращается к проблеме противоречий. Противоречия были и остаются одной из главных тем философских изысканий. Они составляют основу диалектики, и без их анализа немислима диалектическая логика. Способность оперировать противоречиями востребована во многих предметных областях, и потому изучение противоречий составляет необходимую часть современного образования. Противоречие трактуется как «присущее любому предмету в любом его аспекте, т.е. как универсальная философская категория»³, и уже этим одним обусловлена непреходящая актуальность исследования противоречий. Какова же причина, заставившая вновь обратиться к данному вопросу? Таких причин несколько.

¹ Бруно Дж. Философские диалоги: О Причине, Начале и Едином; О бесконечности, вселенной и мирах. М.: Алтейа, 2000. С. 150.

² Гегель В. Ф. Г. Наука логики // Энциклопедия философских наук. Т. 1. М.: Мысль, 1974. С. 280.

³ Батищев Г. С. Противоречие как категория диалектической логики. М.: Высшая школа, 1963. С. 3.

Во-первых, философская наука в целом не стоит на месте, и многие трактовки противоречий, удовлетворявшие авторов даже недавнего прошлого, теперь выглядят в лучшем случае односторонними, а иногда и попросту архаичными. В современной философии актуален ряд направлений, которые заставляют по-новому взглянуть на проблему противоречий. Кроме того, сама история познания есть не что иное, как история разрешения всевозможных противоречий и одновременного выявления все новых и новых.

Во-вторых, изменениям, причем весьма стремительным, подвергается не только философская мысль, но и весь окружающий нас контекст реальности. Мы сегодня живем не в таком мире, в котором жили вчера, и потому противоречия приобретают качественно новые черты. Грандиозная саморазвивающаяся система, частью которой все мы являемся, претерпевает новый, весьма важный этап развития, который попросту не просматривался еще несколько десятилетий тому назад. Эта ситуация предъявляет весьма серьезные требования к нашим познаниям в области природы противоречий.

В-третьих, значительная часть исследований, посвященных проблематике противоречий, была выполнена философами-марксистами, главным образом уже советского периода. Но их труды, хотя и содержат немало интересных мыслей, страдают вынужденной ограниченностью.¹ Любая критика в адрес основоположников марксизма в тот период была невозможна, любое объективное, а не апологетическое их рассмотрение, мягко говоря,

¹ См., например: Диалектическая логика / под ред. З. М. Оруджева, А. П. Шептулина. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1986. 298 с.; Ильенков Э. В. Проблема противоречия в логике // Философия и культура. М.: Политиздат, 1991. С. 308-320; Кумпф Ф. Диалектическая логика: основные принципы и проблемы / Ф. Кумпф, З. Оруджев. М.: Политиздат, 1979. 286 с.; Нарский И. С. Диалектическое противоречие и логика познания. М.: Наука, 1969. 246 с.

не приветствовалось, и это надолго превратило философскую науку в нашей стране в своеобразный аналог богословия. Дозволялось лишь применять к существующим общественным отношениям положения классиков марксизма, толковать их произведения, но ни в коем случае не подвергать сами эти труды критическому анализу (точно так же ученый богослов, что бы он ни писал, фактически лишен права критически анализировать Священное писание). По прошествии двух с половиной десятилетий, когда страсти, неизбежные при смене того, что сами марксисты называли общественно-исторической формацией, несколько улеглись, уместно вернуться *sine ira et studio*¹ с критической меркой к произведениям марксистов и, в частности, к концепциям противоречия, которые были представлены в этих работах. Это не являлось самоцелью при написании данной работы, но применительно к тематике противоречий все же представляется необходимым.

В-четвертых, исследование противоречий сохраняет актуальность просто потому, что противоречия буквально раздирают человеческие общности, служат разделению и противопоставлению народов, наций, религиозных конфессий. В жизни людей противоречия приобретают форму всевозможных конфликтов, которые чреватые, в частности, огромными материальными и человеческими потерями, а также невозможными моральными издержками.

В-пятых, особое значение приобретает проблема противоречий в саморазвивающихся системах, изучаемых в контексте синергетики и постнеклассической рациональности. В связи с этим роль противоречий в процессе саморазвития систем становится важнейшей самостоятельной темой для исследования.

¹ *Sine ira et studio* (лат.) – без гнева и пристрастия.

Наконец, в-шестых, данная книга представляет собой не историко-теоретический обзор, а претендует на развитие авторской концепции, согласно которой противоречия находят реальное выражение в форме так называемых инверсивных отношений. **Под инверсией понимается форма отношений в иерархии, при которой нижележащий (подчиненный) элемент приобретает в данной системе главенствующее значение, не покидая своей прежней (невысокой) иерархической позиции.** Налицо противоречие – в данном случае, противоречие между *местом*, формально занимаемым данным иерархическим элементом, и его реальной *ролью* в иерархической системе. Хотя на первый взгляд такое противоречие выглядит как некая частность, реальная распространенность данной формы проявления противоречий такова, что позволяет считать ее практически универсальной. Концепции инверсивных отношений главным образом и посвящена эта книга.

Вследствие этого своей основной задачей автор считает не составление историографии противоречия и не обзор современных мнений по данному вопросу, а некоторое позитивное развитие анализа инверсивных отношений как инструмента познания ранее существовавших, действующих и будущих противоречий. Практическое приложение теории инверсивных отношений наиболее наглядным образом проявило себя в художественном повествовании, в построении литературных фабул; без противоречий нет художественного текста и нет литературы. Этому вопросу посвящен специальный раздел.

Наконец, часть этой книги отведена важнейшей проблеме, связанной с функционированием саморазвивающихся систем. В частности, показано, что в проблеме саморазвития до настоящего времени оставался ряд вопросов, не разрешенных удовлетворительным образом; меж-

ду тем, применение анализа инверсивных отношений вполне позволяет это сделать.

Анализ инверсивных отношений обещает стать универсальным исследовательским методом, равно применимым во всех предметных областях, где присутствуют сложные иерархические системы и присущие им статические формы отношений, а также формы внутренней динамики. Инверсии как проявление противоречий имеют настолько широкое распространение, что составляют предмет целого ряда обширных исследований, и этой относительно небольшой работы явно недостаточно, чтобы сколько-нибудь полно исчерпать данную тему. Но читатель, получив в руки данный познавательный инструмент, вправе сам использовать его в интересующей его предметной области.

Примечательно, что возможность развития инверсий прямо зависит от сложности той или иной системы. Чем сложнее система, тем обыкновенно больше в ней можно обнаружить всевозможных инверсивных отношений (или хотя бы предпосылок для их развития). Самые сложные системы – такие, как «человек» или «общество» – пронизаны инверсиями буквально сверху донизу, и если игнорировать инверсии, представляющие собой реализованную форму противоречий, невозможно получить действительную картину, отражающую положение дел в той или иной сложной системе.

Инверсивные отношения представляют собой одно из главнейших проявлений *кризисов* той системы, в которой они представлены. Ситуация в современном мире, частью которого являемся мы сами, примечательна именно тем, что в ней разворачивается целая череда системных кризисов – экзистенциальных, экономических, ценностных, социальных. Поэтому не будет преувеличением сказать, что исследование инверсий приобрело ре-

альные черты именно тогда, когда в нем назрела необходимость.

Таким образом, предпринятая здесь попытка исследования противоречий может считаться актуальной не потому, что автора обуяло праздное любопытство. Противоречия как таковые, противоречия «вообще», в отвлеченной форме, представляют научный интерес именно в силу того, что весьма часто они находят отображение в реальной жизни – и притом в весьма значимых для нас областях, где они приобретают поистине драматическое звучание. В частности, как уже упоминалось, такими областями могут быть названы системы наиболее сложные – «человек» и «общество». Инверсивные отношения составляют отображение тех форм противоречий, которые играют столь заметную роль в этих, самых значимых для нас системах.

Данное положение не является априорным; оно основано на анализе огромного количества фактических материалов, лишь небольшая часть которых представлена в данной книге в виде примеров (иллюстраций). Анализ противоречий не может *ограничиваться* перечислением некоторых частных случаев¹, но неизбежно должен *сопровождаться* ссылками на конкретные примеры; в противном случае все изложение приобретет чрезмерно отвлеченный характер и станет родом схоластики. Примеры могут подтверждать действенность той или иной концепции противоречия, при том естественном условии, что эта концепция была уже сформулирована. Как и все обобщенные понятия, противоречие неаддитивно и не сводимо к сумме своих проявлений в частностях.

Вместе с тем, как уже говорилось, в данной работе просто невозможно отобразить все стороны жизни, в ко-

¹ Батищев Г. С. Противоречие как категория диалектической логики. М.: Высшая школа, 1963. С. 4-6.

торых противоречия проявляются в форме инверсивных отношений. В связи с этим здесь будут проанализированы только некоторые примеры, другие же подобные случаи лишь обозначены или вовсе оставлены без внимания. Так, познавательная сфера человека насквозь пронизана противоречиями, которые проявляются именно как инверсивные связи; но затрагивать их означало бы удалиться от философского дискурса в предметную область психологии. То же самое касается инверсивных отношений сознания и бессознательного, которые нашли отражение в трудах психоаналитиков. Противоречиями в форме инверсий насыщены и социально-экономические отношения, которые, однако, также составляют содержательное наполнение отдельной предметной области. Наконец, инверсивные отношения составляют самую суть *игры*, особого вида деятельности, в которой внешняя цель становится менее значимой, нежели сам процесс.¹ Но и изучение игры не является задачей данной работы. Таким образом, возможные примеры инверсий в своей массе поистине бесконечны, и целью представленного здесь исследования является не раскрытие всего контекста инверсивных отношений (это вообще невозможно), а исследование наиболее общих закономерностей системных противоречий средствами анализа инверсивных отношений в иерархиях.

Приведенные в этой книге примеры инверсивных отношений в отдельных предметных областях частично были уже ранее опубликованы в книге «Инверсивное тело: философский анализ»² (тираж которой уже совершенно разошелся), а также в виде ряда журнальных статей. Однако малые тиражи, разобщенность этих статей и

¹ Хейзинга Й. *Homo ludens* // *Homo ludens*. В тени завтрашнего дня. М.: Издат. группа «Прогресс», «Прогресс-Академия», 1992. С. 5-240.

² Севостьянов Д. А. *Инверсивное тело (философский анализ)*. Новосибирск: ООО «Реклам.-издат. фирма Новосибирск», 2009. 186 с.

недостаточная доступность для научной общественности многих современных журналов (даже и при тех безграничных возможностях, которые ныне предоставляет Интернет), а также назревшая необходимость в систематическом изложении накопленных материалов побудили вновь к ним обратиться. Они и представлены здесь, с некоторыми дополнениями и изменениями.

Рассматриваемый в данной книге материал дает повод лишний раз подчеркнуть, что междисциплинарные границы в науке расставлены более или менее произвольно, и считать их фетишем не следует. В самом деле, исследованиям *отношений* в системах посвящена общая теория систем, а исследованием *противоречий* традиционно занимается философия, причем противоречия и составляют одну из основополагающих форм отношений в разнообразных системах. В то же время перспективы общей теории систем изучает, среди прочего, такая отрасль философии, как онтология и теория познания. Известно, что наиболее плодотворными сегодня представляются изыскания на стыках различных научных дисциплин, и философский анализ противоречий не составляет здесь исключения. Поэтому автор считает необходимым в данном исследовании опираться и на источники, которые не относятся собственно к философии в ее традиционно понимаемых рамках.

Из уже сказанного понятно, что результаты данного исследования предполагают определенную практическую значимость. Действительно, философия не должна оставаться «игрушкой для философов»; философский анализ противоречий востребован во множестве предметных областей, формально весьма далеких от философского курса.

И напоследок. Философское (как и естественнонаучное) осмысление окружающего нас мира всегда

включало в себя построение тех или иных когнитивных моделей (конструктов), в большей или меньшей степени соответствующих эмпирической реальности. Однако общее требование к подобным моделям всегда включало их внутреннюю непротиворечивость. Когнитивная модель не должна противоречить самой себе. Вместе с тем внутренняя непротиворечивость модели отнюдь не исключает ее способности отражать реальные противоречия в моделируемом предметном пространстве. При этом приходится констатировать, что ныне действующие модели, описывающие сущность противоречий, порой сами нагружены внутренними противоречиями, разрешить которые можно лишь посредством построения некоторой новой модели. Судить об успешности этой попытки предстоит читателю.

1. ИНВЕРСИВНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ИЕРАРХИЯХ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ПРОТИВОРЕЧИЙ

1.1. Определение инверсий

Существуют разные подходы к изучению противоречий. Одно дело – анализировать сущность противоречий, и совсем другое – просто констатировать их наличие в тех или иных предметных отраслях. И если первому посвящен весьма значительный пласт литературы, то область второго вообще необъятна и не подлежит систематическому рассмотрению на этих страницах. Так, например, Серен Кьеркегор, предтеча и основатель экзистенциализма, полагал противоречие сердцевиной экзистенции, многократно выявлял наличные противоречия, но это вовсе не означает, что его труды имеют отношение непосредственно к исследованию самого явления противоречий.¹ И если основоположник анархизма Пьер Жозеф Прудон (1809-1865) вынес слово «противоречие» в заголовок своего основного труда «*Système des contradictions économiques ou Philosophie de la misère*»,² и действительно очень много рассуждал там об экономических противоречиях, это не значит, что в исследованиях самих противоречий он продвинулся хотя бы на шаг. Противоречие в таких трудах исходно берется в качестве целостного, «готового», не подлежащего дальнейшему анализу конструкта.

Однако и сами противоречия могут быть рассматриваемы двояко. С одной стороны, это противоречия, возникающие и выявляемые среди *понятий о предметах*, а с

¹ См., например: Кьеркегор С. Беседы / пер. с датского А. В. Лызлова; предисл. протоиерея А. Уминского. М.: Свято-Владимир. изд-во, 2009. 288 с.

² «Система экономических противоречий, или философия нищеты».

другой стороны – противоречия, выявляемые *в самих предметах*. Разумеется, рассуждение о противоречиях невозможно вне абстрагирования, и оно само есть представление некоторой абстрактной схемы. Но исследование противоречий всегда опирается на некоторое определенное целеполагание. Одно дело, если мы исследуем противоречия как таковые, вне их прикладного контекста; совсем другое, если изучение противоречий служит основой для формирования адекватных конструктов, описывающих действительные отношения в реальных системах. В первом случае мы оперируем в области «чистого» мышления и не собираемся оттуда возвращаться; во втором – совершаем множественные «короткие» экскурсии от конкретного и абстрактному и обратно, перемещаясь при этом с одного уровня обобщений на другой. Первый подход был исторически необходим, поскольку в свое время он означал осознание самой способности к отвлеченным операциям. Но теперь, когда эта способность уже давно стала общим местом, целесообразно начать разговор с анализа систем, в которых возникают противоречия, а также с рассмотрения тех реальных форм, которые эти противоречия приобретают.

Окружающий нас мир состоит из множества иерархических систем и сам представляет собой грандиозную систему, вершину которой в массовом сознании занимает фигура небесного Творца. Мы сами, как часть этого мира, не составляем исключения: система «человек» есть также система иерархическая. Кроме того, и отдельные компоненты системы «человек» могут рассматриваться как относительно автономные (и также иерархические) системы. Например, это активность человека, или иммунитет человека, или общение человека, или, наконец, его система ценностей.

Итак, в настоящее время известно, что наиболее широко представленной формой отношений в разнообразных системах является иерархическое устройство.¹ Некоторые авторы считают даже, что вне иерархических отношений невозможно существование какой-либо реальной системы, и что система сохраняет свою жизнеспособность только в том случае, если ей присуще иерархическое строение.² Другие формы системной организации, такие, как холлархии³ и гетерархии⁴, являются прямыми производными от иерархических систем; наконец, сетевая организация системы, лишенной всяких иерархических отношений, может рассматриваться скорее как теоретическая крайность, нежели как реальная форма действующей системы.⁵ Не будет преувеличением сказать, что иерархические системы имеют всеобъемлющее значение в окружающем нас мире. Как уже сказано, иерархическая форма устройства присуща и системе «человек», как полноправной части этого мира. Инверсивные же отношения есть та форма отношений, без изучения которых невозможно составить сколько-нибудь полное представление об иерархических системах. Следовательно, анализ инверсивных отношений становится и неотъемлемой частью наук о человеке. Присуща иерархическая организация также и обществу, и потому можно сказать, что и в

¹ См.: Воронин А. А., Мишин С. П. Оптимальные иерархические структуры. М.: ИПУ РАН, 2003. 214 с.

² См.: Турчин В. Ф. Феномен науки: Кибернетический подход к эволюции. Изд. 2-е. М.: ЭТС. 2000. 368 с.

³ Холлархия – форма системной организации, в которой каждый элемент имеет собственную индивидуальную ценность.

⁴ Гетерархия – форма системной организации, при которой в системе преобладают не вертикальные связи, а связи, обеспечивающие координацию (горизонтальные и диагональные).

⁵ Сетевая система – форма системной организации, при которой все элементы имеют исходно равную значимость, и между ними потенциально могут возникнуть любые формы связей. См.: Новиков Д. А. Сетевые структуры и организационные системы. М.: ИПУ РАН, 2003. 102 с.

общественных науках анализ инверсий тоже способен сыграть значительную роль. Иерархические системы обладают рядом общих свойств, присущих самым разным иерархиям; одно из таких свойств и состоит в способности к формированию инверсивных отношений.

Следует сделать оговорку: если на страницах этой работы иерархический принцип признается всеобщим и универсальным принципом системной организации, то это еще не значит, что в научной литературе царит по этому поводу полное единодушие. Особенно это касается оценки социальных систем, функционирование которых в наибольшей степени затрагивает собственно человеческие интересы. Так, Jonathan K. Whitmer и Kimberly A. Jameson с соавторами рассматривают иерархические отношения в животных и человеческих сообществах, как вполне закономерное явление.¹ Hillard S. Kaplan, Paul L. Hooper и Michael Gurven трактуют социальную иерархию как естественный результат эволюционного развития общества.² В то же время Gouranga P. Chattopadhyay и Ashok Malhotra, напротив, считают социальную иерархию пережитком архаической феодальной социальной системы, которая получила особенно наглядное выражение в индийской системе каст.³

¹ Whitmer J. K. The emergence of social hierarchies, or “how to win fights and influence people”. URL: http://guava.physics.uiuc.edu/~nigel/courses/569/Essays_Fall2006/files/whitmer1.pdf (дата обращения 23.08.2015); Jameson K., Appleby M.C., Freeman L.C. Finding an appropriate order for a hierarchy based on probabilistic Dominance // *Animal Behaviour*. 1999. N57. P. 991-998.

² Kaplan, H. S. Hooper P. L., Gurven. M. The evolutionary and ecological roots of human social organization. URL: <http://www.anth.ucsb.edu/faculty/gurven/papers/kaplanetal2009.social%20organization.pdf> (дата обращения 16.08.2015).

³ Chattopadhyay G. P., Malhotra A. Hierarchy and modern organisation: a paradox leading to human wastage // *Indian Journal of Social Work*. 1991. Vol. 52(4). P. 561-584.

Конечно, кастовая система архаична и постепенно упраздняется (что, по итогам по крайней мере трехтысячелетнего существования каст, не может произойти быстро). Однако, выступая против одного, по сути своей частного проявления иерархичности, данные исследователи оставляют за пределами своего научного интереса все остальные ее проявления, как социальные, так и всевозможные иные. В связи с этим необходимо отметить, что выступления против всеобщего характера иерархического системного устройства в последние годы часто носят политически обусловленный характер и не слишком аргументированы. Так, виднейший американский теоретик менеджмента Питер Ф. Друкер называл все разговоры о «конце иерархии» просто чушью.¹

Конечно, значение иерархической организации в тех или иных системах нельзя оценивать лишь при помощи ссылок на чье-либо авторитетное мнение. В любой системе имеются те или иные различия между отдельными элементами, и эти различия уже служат основанием для иерархического подразделения. Если даже представить себе, что все эти элементы абсолютно одинаковы сами по себе, то неравным останется, например, их пространственное расположение: некоторые будут находиться на периферии системы, другие – вблизи ее центра, и между ними будет складываться та же форма отношений, что и между столичными жителями и провинциалами. А всюду, где отсутствует равенство, можно говорить об иерархическом устройстве системы. Абсолютное равенство элементов любой системы вообще недостижимо; равны элементы могут быть лишь в каком-то отдельном отношении. Поэтому, когда говорят, что в той или иной системе нет иерархических отношений, это свидетельствует

¹ Друкер П. Ф. Задачи менеджмента в XXI веке / пер. с англ. Н. Макаровой. М.: Изд. дом “Вильямс”, 2007. 286 с.

лишь о том, что говорящий так этих отношений в данный момент просто не различает или не хочет их видеть.

Выше уже говорилось о том, что противоречие в разнообразных его формах составляет один из главных объектов философских исследований. Заметим еще раз: противоречия являются значимыми и актуальными потому и только потому, что они встречаются в жизни, в реально существующих формах системных отношений. Для того, чтобы анализ противоречий представлял интерес не для одних лишь философов, а имел широкую практическую значимость, рассматривать противоречия следует не в отдельности, не в вырванном из контекста реальных отношений виде, а именно в самом этом контексте. В этом случае очевидно, что анализ таких реальных отношений прежде всего подразумевает наличие системного подхода, изучение всевозможных целостных систем, а основной формой системной организации является иерархия. Следовательно, основной интерес представляет форма противоречий именно в иерархических системах.

Каждая иерархия имеет определенную упорядоченную форму и включает ряд уровней, составленных из некоторых элементов; отношения уровней и отдельных элементов между собой – это важнейшая характеристика иерархической системы. Форма внутрисистемных связей в целом более важна, чем индивидуальность отдельных элементов в системе; элементы могут выпадать и заменяться, но система при этом сохраняет свою целостность.

Сама форма иерархии подразумевает вертикальное соподчинение, наличие уровней *высших* и *низших*. И взаимоотношения элементов, занимающих те или иные уровни в иерархиях, составляют содержательное наполнение внутрисистемных противоречий.

Однако заметим: правильная, предельно упорядоченная, «идеальная» форма иерархии никаких внутрен-

них противоречий не подразумевает. Высший элемент занимает здесь главенствующую позицию, низший, соответственно – лишь подчиненную. На первый взгляд, для каких-либо противоречий тут просто отсутствует почва. Однако в реально существующих системах противоречия существуют; мало того – составляют весьма существенную часть системных связей; и мало того – они подчас, что называется, вопиют.

Исходный, идеальный порядок в иерархии требует собственного наименования. Здесь и далее такая форма отношений, изначально не предполагающая никаких внутрисистемных противоречий, будет обозначаться как отношения *ордера*.¹ Данный термин применялся и прежде и не является каким-либо чрезвычайным новшеством. Он существует в латинской лексике, используется в ряде значений и в русском языке. В англоязычной литературе термин «order», применительно к иерархиям, применяется в значении «порядок», «последовательность». От него происходит ряд однокоренных слов, как в русском, так и во многих европейских языках (орден, ординар и т.п.). Так, в статье, которую представил J. M. Van Der Meer,² понятие «ордер» применяется к порядку физических причинно-следственных связей, к последовательности в передаче генетической информации в биологических системах, к системе логической аргументации, и даже к отношениям человека и божества. В подобном контексте рассматривает данное понятие видный американский логик и философ Хилари Патнэм.³ В аналогичном смысле используют это понятие и психологи.⁴

¹ Ордер (от лат. ordo) – в значении «порядок, взаимоотношение».

² Van Der Meer, J. M. Order. URL: <http://www.enotes.com/science-religion-encyclopedia/order> (дата обращения 12.04.2013).

³ См.: Putnam H. Pragmatism and realism / Edited by James Conant and Urszula M. Zeglen. London and New York: Routledge, Taylor & Francis e-Library, 2005. 242 p.

⁴ См.: Аксеновская Л. Н. Ордерное понимание организационной культуры // Психологический журнал. 2009. Т. 30, №4. С. 25-32.

Но идеальные формы системных отношений потому и могут быть названы идеальными, что практически они недостижимы. В реально же действующих иерархических системах нередко отношения, которые и обозначаются в данной работе как *инверсии*, или *инверсивные связи*¹.

Как уже говорилось, *инверсией* здесь называется форма отношений, при которой нижележащий элемент в иерархии приобретает в ней главенствующее значение. Но что особенно важно – он оставляет за собой свое прежнее невысокое (подчиненное) положение в иерархии, никуда с него пока не перемещаясь. Тем самым, вектор отношений между соподчиненными элементами меняется на противоположный. Например, если направленность внутрисистемных связей ранее была «сверху вниз», то связь, претерпевшая инверсию, будет уже направлена «снизу вверх». Инверсии затрагивают не все связи в иерархической системе, а лишь некоторые – там, где для этого сформировались условия, а также подействовала некоторая производящая причина. Одни системные свойства при этом усугубляются, другие утрачиваются.²

Можно привести следующий пример инверсивных отношений в иерархии: в некотором производственном коллективе имеется директор, который всем руководит и управляет. Но один из низовых работников этого коллектива имеет на директора сильное влияние (скажем, на личной почве). В этой ситуации центр власти в организации будет уже не вверху, а внизу, хотя формально этот низовой работник не обладает никакими властными полномочиями, и распоряжения его лишены какой-либо юридической силы. Между тем те сотрудники организации, которые не лишены известной оборотливости и ад-

¹ Инверсия (от лат. *inversio*) – в значении «перестановка, переворачивание».

² Имянитов Н. С. Взаимная обусловленность развития и деградации. Принцип сопряженного изменения свойств. URL.: <http://filosofia.ru/70522/> (дата обращения 10.08.2015)

министративного чутья, будут решать свои проблемы не с формально действующим руководителем, а как раз с тем подчиненным сотрудником, который обладает столь значительным влиянием на администрацию.

Следует отличать инверсию от простого перемещения элемента вверх или вниз по иерархической лестнице. Разумеется, у этих двух актов есть нечто общее: оба они представляют собой некоторое проявление активности внутри системы. Но есть между ними и различия. Если элемент в иерархии приобретает главенствующее положение просто потому, что он переместился на новую (высшую) позицию, то в этом случае в системе не возникает никаких противоречий: в ней остаются, как и прежде, лишь действующие отношения ордера. Например, в социальной иерархии (скажем, опять-таки среди сотрудников производственного коллектива) произошло такое перемещение – а попросту, совершается чей-то карьерный рост. Некоторый субъект, ранее работавший на невысокой должности, занял теперь высшую позицию, а его предшественник на высоком посту смещен и понижен в должности. Однако единственное изменение, которое реально произошло – это смена соподчиняющихся персонажей; сама же система соподчинения остается незыблемой, в ней не возникло противоречий, и векторы отношений в ней по-прежнему направлены сверху вниз.¹

Отметим еще один момент. Известно, что в иерархических системах противоречия могут возникать не только по вертикали, но и по горизонтали, между элементами, формально занимающими в иерархии равное положение. Эта форма связей дополняет возможности вертикальных связей в системе (или, напротив, создает в ней ситуацию

¹ Отсутствие противоречий в этой ситуации будет закономерно лишь в том гипотетическом случае, если в данной иерархической системе действует единственный организационный принцип (см. далее).

деструктивного конфликта).¹ Казалось бы, наличие «горизонтальных» противоречий означает, что инверсивная форма противоречий не обладает универсальностью. Но на деле такое положение лишь означает, что между элементами, которые стали субъектами противоречий, в реальности в любом случае существуют как иерархические, так и инверсивные отношения – они просто до сих пор оставались без внимания. Существующая между ними связь может рассматриваться как горизонтальная только в условиях формализованной иерархии. Иными словами, в действительности в данной системе между этими элементами есть иерархические отношения и развились отношения инверсивные, но в рамках той модели иерархии, которая служит когнитивным конструктом при рассмотрении данной системы, эти формы отношений просто упускаются из виду, и потому вступающие в противоречие элементы системы формально признаются равными. Сам факт того, что между некоторыми двумя элементами в системе возникают противоречия, уже говорит о том, что данные элементы равны не во всем, что между ними существует неравенство, а следовательно – иерархические отношения. А поскольку иерархические отношения сами по себе, в форме ордера, никаких противоречий в себе не содержат, речь здесь идет также и об инверсивных отношениях. Исходя из этого, нет оснований сомневаться в том, что инверсивные отношения являются универсальной формой действия внутрисистемных противоречий.

¹ См.: Гилев С. Е., Леонтьев С. В., Новиков Д. А. Распределенные системы принятия решений в управлении региональным развитием. М.: ИПУ РАН, 2002. 52 с.

1.2. Инверсивные связи

До настоящего времени при исследованиях иерархических систем основное внимание обыкновенно уделялось отношениям ордера. В тех же случаях, когда инверсии все-таки привлекали интерес исследователей, анализ их носил частный характер. Недоставало лишь одного: именно системного осмысления подобных частных. Напрямую это касается и истории философского знания.

Для исследования инверсивных отношений имеются серьезные основания. В самом деле, иерархические системы встречаются повсеместно, и инверсивные отношения в них отнюдь не являются редкостью – скорее наоборот. Специалист в любой частной отрасли знания встречался с такими отношениями множество раз. В трудах известных философов, а также ученых, работающих в различных специальных областях, регулярно встречаются упоминания о проявлениях инверсивных отношений. Впрочем, следует помнить, что оценить реальную роль инверсивных отношений в иерархических системах средствами контент-анализа невозможно. Другими словами, нельзя судить о значении инверсий, скажем, на основании простого подсчета упоминаний термина «инверсия» в специальной литературе. Во-первых, нередко то, что в действительности представляет собой инверсивные отношения, обозначается каким-либо другим термином. Во-вторых, само слово «инверсия» очень часто употребляется в значениях, не имеющих прямого отношения к иерархическим системам и системам вообще. Но если рассматривать не термины, а скрывающуюся за ними

суть, то инверсии обнаруживаются в самых разных отраслях знания и описаны (под разными наименованиями) у множества авторов.

Например, инверсивные отношения проявляются в структуре ценностей. Иерархия ценностей предполагает, что некоторая ценность низшего порядка, формально оставаясь в подчиненном качестве, может выйти на первое место по своей значимости.

Далее, инверсивные отношения в социальных системах раскрываются при анализе манипулятивного общения.¹ Известно, что манипуляция представляет собой скрытую форму управления субъектом, при которой управляемый пребывает в убеждении, что все ответственные решения принимает он сам, в то время как им «вертит» кто-то другой. Если руководитель просто отдает приказ подчиненному, то это манипуляцией не является, и никакой инверсии эти отношения не содержат. Но вот если подчиненный своим поведением буквально заставляет руководителя принимать те или иные решения – это, безусловно, манипуляция, и одновременно – пример инверсивных отношений. Бывает и так, что начальник манипулирует подчиненными, принуждая их как бы по собственному почину совершать те или иные поступки, т. е. в социальной иерархии не все манипуляции являются инверсивными отношениями, но среди инверсивных отношений значительная доля принадлежит именно манипуляциям. Наконец, роль бессознательного, которая чрезвычайно высоко оценивалась Зигмундом Фрейдом и его последователями, также отражает суть инверсивных отношений в системе «личность» (в то время как сам Фрейд относил термин «инверсия» главным образом к девиациям в половой сфере). И это – далеко не полный

¹ См.: Грачев Г. В., Мельник И. К. Манипулирование личностью. М.: Эксмо, 2003. 384 с.

перечень. Описаны всевозможные инверсии в лингвистике, в физике, в метеорологии, и даже в органической химии. Имеются указания на инверсии в иерархической системе потребностей (знаменитой «пирамиде» А. Маслоу).¹ Таким образом, во многих специальных исследованиях анализ инверсивных отношений оказался не только уместен, но и необходим.

В то же время как общее явление, как самостоятельная форма системной организации инверсивные отношения до настоящего времени практически не изучались. А ведь именно они представляют собой ту форму противоречий, которую можно наблюдать в реально действующих иерархических системах.

Исключение до настоящего времени составляли в основном лишь работы американского математика Томаса Саати (Thomas L. Saaty); в его работах инверсивные отношения отражены уже именно как системное явление.² Но применять раскрытые им отношения как основу для анализа противоречий, к сожалению, нельзя. Саати не делает различия между *инверсивными отношениями* и *обратной связью* (а это вещи все-таки разные). Кроме того, Саати уделяет инверсивным отношениям лишь сугубо второстепенную роль: он прямо заявляет, что «правильно построенная иерархия будет в большинстве случаев хорошей моделью реальности, даже если возможные обратные связи игнорируются».³

Если мы сами мысленно конструируем (создаем, что называется, с нуля) какую-либо систему, то в ней, как правило, изначально и не предполагается никаких инвер-

¹ Kunc N. et al. The Need to Belong: Rediscovering Maslow's Hierarchy of Needs, 1992. URL: <http://broadreachtraining.com/articles/arnaslow.htm> (дата обращения 10.08.2015).

² Саати Т. Принятие решений. Метод анализа иерархий / пер. с англ. Р. Г. Ванчадзе. М.: Радио и связь, 1993. 316 с.

³ Там же, С. 17.

сивных отношений, а представлены одни отношения ордера. Однако как только наша система начнет реально функционировать, инверсивные отношения, вероятнее всего, не замедлят проявиться, причем вне зависимости от воли и желания того, кто эту систему создавал. В каждый конкретный момент существования данной системы инверсивные отношения, наряду с отношениями ордера, формируют ее облик, отображают ее текущее наличное состояние. Наконец, если инверсивные отношения претерпевают дальнейшее развитие, то это означает, что в системе нарастают внутренние противоречия. Как только инверсивные отношения станут по своей значимости сравнимы с исходными отношениями ордера, система потеряет свои первоначальные свойства и должна либо рухнуть под тяжестью этих накопившихся противоречий, либо претерпеть акт качественной трансформации, в ходе которого вышеуказанные противоречия будут разрешены. Иными словами, развитие инверсивных отношений знаменует собой прохождение различных фаз жизненного цикла системы. Данный процесс неоднократно находил отражение в трудах философов; например, *трагическая диалектика* Артура Либерта как раз приобрела наименование «трагической» под влиянием осознания кризисных ситуаций в системе «общество», отображающих заметное развитие в данной системе инверсивных отношений.¹

В то же время, нельзя не признать вторичный характер инверсивных отношений. Для того, чтобы эти отношения возникли, отношения ордера должны уже какое-то время существовать, хотя бы и *in statu nascendi*.² А имея некоторый, хотя бы и минимальный, стаж существова-

¹ См.: Мудрагей Н. С. Концепция трагической диалектики А. Либерта // Современные зарубежные концепции диалектики. Критические очерки / Под ред. В. А. Лекторского. М.: Наука, 1987. С.11-45.

² *In statu nascendi* (лат.) – в момент возникновения.

ния, отношения ордера обыкновенно становятся за это время объектом познавательного интереса. Именно поэтому, в частности, отношения ордера всесторонне рассматривались очень многими исследователями иерархических систем¹, в то время как инверсивные отношения, как отношения системные, игнорировались.

Есть на то и другая причина. Реальное применение системного подхода практикуется в тех предметных областях, в которых он способен принести немедленную материальную пользу: в бизнесе, военном деле, в социальном управлении.² Это как раз те области, где системы больше конструируются, нежели анализируются как данность. Однако никто не стремится создавать некоторую систему, заранее проектируя и раздирающие ее противоречия. Напротив, в проектируемой системе обыкновенно предусматривается отсутствие (или хотя бы минимизация) противоречий.³ Отношения ордера подвластны управлению, они есть результат строго упорядоченных воздействий, в то время как инверсии трактуются как стихийное, неуправляемое зло, ведущее к разрушению и хаосу. Естественно стремление видеть первое и не замечать второе.

Наконец, причина видимого пренебрежения инверсивными отношениями при системных исследованиях заключается в чрезмерной абстракции и отдаленности объ-

¹ См., например: Новиков Д. А. Сетевые структуры и организационные системы. М.: ИПУ РАН, 2003. 102 с.; Саати Т., Кернс К. Аналитическое планирование. Организация систем: пер. с англ. М.: Радио и связь, 1991. 224 с.

² См.: Калман Р. Э., Фалб П. Л., Арбиб М. А. Очерки по математической теории систем / под ред. З. Я. Цыпкина; предисл. Э. Л. Наппельбаума. М.: Едиториал УРСС, 2004. 400 с.; Социальные технологии управления обществом: региональный уровень / под ред. Я. А. Маргуляна. СПб.: Изд-во С.-Петербург. акад. управления и экономики, 2010. 436 с.; Франчук В. И. Основы общей теории социального управления. М.: Ин-т организацион. систем, 2000. 180 с.

³ См., например: Щедровицкий Г. П. Деятельность проектирования и социальная система. URL: <http://www.fondgp.ru/gp/biblio/rus/60> (дата обращения 10.08.2015).

ектов подобных мыслительных операций от какого бы то ни было «живого», реального объекта. Как указывал Г. С. Батищев, «когда плоды познания берутся в таком омертвленном и отчужденном виде, тогда они выступают как застывшие результаты разрешения живых противоречий, *совершенно оторванные и изолированные от самих этих противоречий*. Изоляция рвет всякую связь «готового знания» породившими его противоречиями, и потому уже кажется, будто оно вовсе им ничем не обязано и возникло не из них и даже не благодаря им, а напротив, вопреки им и посредством их голого, абстрактного отрицания. Противоречия умерщвляются и предаются забвению».¹

Обыкновенно инверсивные отношения воспринимаются как своего рода «порча» системы, от которой, в видах сохранения этой системы, следует решительно избавляться. Однако парадокс заключается в том, что устранение уже возникших инверсивных связей не означает разрешения всех противоречий. Инверсия, возникшая в системе, как правило, очень скоро включается в нее на правах «законной» и неотъемлемой формы отношений. Система адаптируется к существованию инверсий и может отныне функционировать уже только при их наличии. Инверсия в этом случае уже не может быть устранена без разрушения самой системы. Насильственный возврат в состояние ордера может стать для системы фатальным. Примечательно, однако, что и сохранение инверсивных отношений, сопряженное с дальнейшим их ростом, также чревато грядущей гибелью системы. Инверсии, как уже говорилось, есть не что иное, как внутрисистемные противоречия; срачиваясь с системой, противоречия встраиваются в нее и составляют отныне часть ее идентичности.

¹ Батищев Г. С. Противоречие как категория диалектической логики. М.: Высшая школа, 1963. С. 32.

Однако диалектическим противоречиям свойственно двигаться к своему разрешению, «снятию». Будучи сращены с системой, они и «снимаются» вместе с системой. Противоречия в системе разрешаются, система при этом гибнет. Вероятно, никакая существующая система не является вечной. Не всякое прекращение болезни означает выздоровление организма; прекращением болезни является также и смерть его.¹

Таким образом, инверсивные связи представляют собой специфическую, и притом чрезвычайно широко распространенную форму выражения противоречий. Но противоречия, кроме всего прочего, составляют естественный двигатель внутрисистемной активности. В любой системе проявления внутрисистемной активности бывают обусловлены наличием противоречий и ничем иным; реализуются же эти противоречия главным образом в форме инверсивных отношений.

¹ «Снятие», разрешение противоречий – вопрос настолько серьезный, что требует особого рассмотрения в отдельном подразделе.

2. ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ПРИНЦИПЫ И ПРОТИВОРЕЧИЯ

2.1. Что такое организационные принципы

Порядок в иерархии обусловлен некоторыми *организационными принципами*. Каждый элемент в иерархии занимает высшее либо низшее положение не «просто так», а на строго определенных основаниях; организационный принцип и есть то, что, собственно, эти основания составляет и образует. В ряде случаев таких оснований существует несколько (по крайней мере, более одного): высший элемент может возглавлять иерархию одновременно по многим причинам, и тогда можно говорить, что в данной системе актуально сразу несколько организационных принципов. Среди реальных, а не умозрительных систем, как правило, встречается именно такой вариант. Например, глава организации может занимать свой пост потому, что он наиболее компетентен в вопросах управления, и потому, что он работает в данной организации дольше других, и потому, что он – наиболее подходящая кандидатура по некоторым формальным признакам, например, по профилю полученного образования или ученой степени. Наконец, он просто назначен на этот пост чьим-то волевым решением.

Итак, организационные принципы практически никогда не выступают в иерархических системах поодиночке; как правило, в одной системе их несколько, и к тому же не все они проявляют себя настолько явно, чтобы полный перечень таких принципов был очевиден с первого взгляда. Выявить абсолютно все действующие в системе организационные принципы не всегда представляется возможным.

Множественность организационных принципов чрезвычайно важна. Наличие одновременно нескольких организационных принципов в той или иной системе, как будет показано далее, есть неперемнное условие возникновения в ней противоречий. Противоречия же, среди прочего, составляют основу для всякого поступательного развития.

Каким образом организационные принципы, определяющие порядок расположения соподчиняющихся уровней и отдельных элементов, связаны с понятием противоречия? Такая связь есть, и заключается она в следующем: весьма часто *организационные принципы в рамках одной системы противостоят друг другу, способствуя образованию инверсивных связей, и в этом как раз и находят свое выражение внутрисистемные противоречия.* А поскольку любое противоречие, если не рассматривать его в форме крайней абстракции, действует в какой-либо системе, то отсюда понятно, какое значение приобретает анализ инверсивных связей. Эти-то связи и олицетворяют собой противоречия внутри системы. Согласно одному принципу, элемент в иерархии сохраняет подчиненные позиции, однако, согласно другому принципу, элемент этот должен главенствовать. Это, собственно, и есть *противоречие.*

В качестве примера можно привести организационные принципы в социальной иерархии, описанные в свое время известным русско-американским социологом П. А. Сорокиным (1889-1968). Итак, на каком основании отдельный человек занимает в общественной табели о рангах то или иное место? Во-первых, писал Сорокин, люди экономически дифференцированы: среди них встречаются разные уровни материального достатка, и реальность факта экономического неравенства ничто не в состоянии изменить и затушевать. Затем, люди подразде-

ляются в отношении авторитетов и престижа, званий, почестей; среди них выделяются управляемые и управляющие. Это означает, что они политически дифференцированы. Наконец, люди разделены на профессиональные группы, и при этом некоторые профессии считаются более престижными, чем другие. Это значит, что люди профессионально дифференцированы.¹ Перед нами три (как минимум) организационных принципа. В реальных жизненных ситуациях между этими формами дифференциации могут возникать (и возникают) противоречия.

Допустим, водитель такси получает существенно меньше денег, чем рабочий у станка. Это, однако, не означает, что работа станочника более престижна, чем работа таксиста. Наоборот, в профессиональном отношении таксист располагается в иерархии намного выше: он ездит по всему городу и в свое рабочее время пользуется относительной свободой, в то время как рабочий проводит свой рабочий день, будучи, что называется, прикован к своему станку. Поэтому ни один таксист по доброй воле не согласится стать рабочим, ибо воспринимает это как понижение в статусе. Таким образом, организационные принципы в отношении этой сравниваемой пары действуют разнонаправленно, что и составляет проявление инверсивных отношений в социальной иерархии. Если бы таксист занимал высшее положение по отношению к станочнику на основании всех рассматриваемых организационных принципов, то в иерархии действовали бы только отношений ордера, и в этом отдельно взятом отношении не наблюдалось бы противоречий.

¹ Сорокин П. А. Социальная стратификация и мобильность // Человек. Цивилизация. Общество. М.: ИПЛ, 1992. С. 302-303.

2.2. Сущностные и атрибутивные принципы

Организационные принципы, действующие в системе и вступающие в противоречия друг с другом, могут быть с большей или меньшей степенью условности подразделены на *сущностные* и *атрибутивные*. Сущностный принцип определяет размещение элементов в иерархии на основании наличия у них некоторого имманентного, облигатного, неотъемлемого признака. Атрибутивный принцип руководствуется наличием у этих элементов некоторого внешнего, изменчивого, факультативного свойства.

Например, этажи в здании размещены в иерархическом порядке. Верхний этаж потому и называется верхним, что расположен в пространстве выше нижнего. Следовательно, в данной системе «дом» действует *пространственный* организационный принцип. Это принцип атрибутивный, ибо никакой предмет (теоретически) не привязан намертво к определенной точке пространства. Однако этот принцип в данной системе – не единственный. Дом представляет собой неразъемную конструкцию, из которой невозможно вынуть один или несколько этажей, не разрушив само здание. Следовательно, в данной многоэтажной иерархии действует еще один организационный принцип – назовем его *морфологическим*. Этот принцип – сущностный, поскольку, например, второй этаж, будучи неразрывно связан и с третьим, и с первым этажом, никогда ни с одним из них не поменяется местами.

Действие этих двух принципов в данном случае совпадает. Они задают в системе векторы отношений, имеющие одинаковую направленность. Каждый этаж в здании занимает свое место на основании обоих этих принципов.

Если же добиться того, чтобы атрибутивный принцип противоречил сущностному (пространственный – морфологическому), то для этого здание придется повалить или перевернуть. Теперь второй этаж будет находиться не выше первого, а рядом с ним или даже под ним. Но сама система «дом» при этом все равно окажется разрушенной.

Теперь представим себе домик из кубиков. Кубики ничем не скреплены между собой и не образуют сплошной неразъемной конструкции; следовательно, морфологический (сущностный) принцип в данном случае не действует. А пространственный (атрибутивный) принцип – действует, ибо кубики в данной конструкции только тем и отличаются друг от друга, что один находится выше другого. Вследствие этого в системе допустимы перемещения: мы можем как угодно менять расположение отдельных элементов, перестраивая систему «домик из кубиков», и от этого в самой системе не произойдет ровно никаких качественных изменений. Ведь, повторим, в этом случае один кубик ничем, кроме месторасположения, не отличается от другого кубика.

Если в системе актуален один-единственный сущностный принцип (или несколько сущностных принципов), эта система не содержит никаких внутренних противоречий; более того – она и не имеет предпосылок для какой-либо внутренней активности, для динамики, для дальнейшего развития или распада. Она незыблема и вечна, словно египетская пирамида, никогда не рухнет сама и может быть разрушена лишь каким-либо воздействием извне.

Если в системе актуален один-единственный атрибутивный принцип, противоречий в ней также нет, хотя видимые проявления внутренней активности могут иметь место. Это происходит, когда отдельные элементы пере-

мещаются в иерархии вверх либо вниз (правда, собственных причин для таких перемещений данная система не имеет, поскольку не имеет и противоречий, которые бы следовало разрешать; однако под влиянием внешних, внесистемных воздействий подобные перемещения вполне возможны). Следует отметить, что подобные типы систем, лишенные внутренних противоречий, представляют собой теоретическую крайность и едва ли могут встретиться в реальной жизни.

Если же в иерархии актуальны как сущностные, так и атрибутивные принципы (хотя бы по одному из каждой категории), то в данной системе возникает почва для противоречий. Два таких организационных принципа могут действовать однонаправленно – в этом случае противоречий нет (хотя предпосылки для них имеются). Но атрибутивный принцип может обернуться против сущностного и противоречить ему. При этом источником возникновения этих противоречий, в результате которых возникают различные формы внутрисистемной активности, служит как раз атрибутивный принцип, в то время как сущностный принцип создает для такой активности точку опоры. В таком случае, например, некоторый элемент занимает низшую позицию на основании сущностного принципа, но если исходить из атрибутивного принципа, то место его, напротив, во главе иерархии. Это и есть инверсивные отношения; разрешение же данной инверсии будет означать, что противоречие снято.

Если в системе действуют лишь два атрибутивных принципа, то и в этом случае почва для возникновения противоречий налично. Два атрибутивных принципа также могут действовать однонаправленно, но могут и противоречить друг другу. В этом случае источником внутрисистемной активности чаще становится тот принцип, у которого менее стабильный атрибут. Иными словами, то

внешнее, переменчивое свойство, на котором основано распределение элементов в иерархии согласно атрибутивному принципу, обладает большей изменчивостью у одних принципов и меньшей – у других. И снова мы будем наблюдать инверсивные отношения: согласно одному атрибутивному принципу, элемент находится на подчиненной позиции, согласно другому – призван главенствовать в системе.

Однако деление организационных принципов на сущностные и атрибутивные – это деление лишь самое грубое, предварительное. Так, атрибутивные принципы, в свою очередь, могут быть поделены на принципы с цельным и градуальным атрибутом. Что это значит?

Цельный атрибут может принадлежать элементу в иерархии, а может у него и отсутствовать (именно как целое). Например, в социальной иерархии есть люди, которые являются автовладельцами, и есть другие, которые никогда не имели собственной автомашины и не сидели за рулем. Данный признак отличается цельностью: прием положение, что нельзя быть автовладельцем только наполовину или на одну треть.

Атрибутивный принцип с градуальным атрибутом построен иначе. Градуальный атрибут является, в принципе, принадлежностью любого элемента в иерархии, но только в большей или меньшей степени. Таким атрибутом могут считаться, например, деньги. Едва ли найдется в современном обществе человек, который не имеет к деньгам решительно никакого отношения. Деньги так или иначе есть у всех дееспособных граждан. Различается лишь их количество: от мелочи в шляпе нищего до миллиардов на банковском счету финансового воротилы. На финансовой состоятельности базируется имущественный организационный принцип. И данный атрибутивный

принцип является в социальной системе одним из весьма значимых.

2.3. Краткий перечень организационных принципов

Можно перечислить довольно много разнообразных организационных принципов, сущностных и атрибутивных, которые встречаются в разнообразных иерархиях и служат основой для возникновения всевозможных внутрисистемных противоречий. Так, например, выше были названы **пространственный** и **морфологический** принципы. Однако к существующему перечню принципов всегда могут добавляться новые и новые – по мере их выявления. Следует отметить, что эти принципы могут применяться не только к элементам в иерархии, но и к самим организационным принципам. Будучи более или менее важными для данной иерархии, они сами образуют иерархическую систему второго порядка.

Конституциональный организационный принцип – распределение элементов в зависимости от имманентного свойства, которое обеспечивает сам факт формирования данной системы, по принципу наибольшего соответствия общесистемному свойству, без которого эта система не смогла бы стать тем, чем она является. Этот принцип по своей природе является делимым, в нем могут быть выделены множественные соподчиненные принципы. Данный принцип как раз в наибольшей степени применим к иерархиям второго порядка, составленным из организационных принципов.

Хронологический организационный принцип – действует, когда элемент в иерархии занимает высшую (или, наоборот, низшую) позицию в зависимости от времени своего появления в иерархии. Например, хронологический принцип действует в социальной иерархии, ко-

гда старший по возрасту субъект занимает в ней более высокое положение, нежели младший. Этот принцип – сущностный, поскольку в нашей системе координат время не может потечь вспять.

Генетический организационный принцип отображает тот факт, что элементы в иерархии могут быть связаны происхождением один от другого. В этом случае, например, производящий элемент может стоять в иерархии выше, чем произведенный. Скажем, в социальной иерархии отец и сын связаны генетическим организационным принципом (а также и **хронологическим**, поскольку отец всегда старше сына). И этот принцип – сущностный: взаимосвязь отца и сына, по происхождению, составляет неотъемлемое свойство того и другого. Сын не может занять место отца – и наоборот. Иерархию, которая строится по такому принципу, Т. Саати и К. Кернс называли *неогенетической*.¹

Таксономический организационный принцип показывает, что один элемент входит в состав другого (элемент низшего порядка есть часть элемента высшего порядка). Например, таксономическим принципом определяются отношения воинских частей и подразделений в армии: солдат входит в состав отделения, отделение – в состав взвода, взвод – в состав роты, а рота – в состав батальона. Таксономическим принципом обусловлены отношения всякого гиперонима по отношению к гипониму: гипероним выражает собой надмножество, или более общее понятие, а гипоним – подмножество, или понятие более частное. Нечто подобное наблюдается в биологической классификации: вид входит в состав рода, род – в состав семейства, семейство – в состав отряда, и так далее. Т. Саати и К. Кернс называют такую иерархию, ос-

¹ См.: Саати Т., Кернс К. Аналитическое планирование. Организация систем: пер. с англ. М.: Радио и связь, 1991. 224 с.

нованную на этом принципе, *модулярной*, или «*китайским ящиком*».¹ Таксономический принцип также является сущностным.

Количественный организационный принцип относится к атрибутивным. В самом деле, этот принцип позволяет строить иерархию на том основании, что разные элементы в иерархии имеют некоторые количественные, а не качественные различия. Например, в социальной иерархии один субъект может быть богат, другой, напротив – беден. Но богатство и бедность – не постоянные свойства человека: кто-то может разбогатеть, кто-то, наоборот, разориться. Более того: человек может объективно богатеть, но при этом его социальный статус будет не повышаться, а понижаться, потому что его соседи в это время богатеют быстрее. В голодном осажденном городе богач – тот, у которого есть лишняя корка хлеба, в то время как в обычной, благополучной жизни такое имущественное различие не играет никакой роли. Вообще, богатство и бедность, как и любые другие выражения количественного принципа, есть соотносительные понятия; они проявляются лишь в ряду сравниваемых величин. Относительность количественных различий проявляется не только применительно к имуществу. Например, мы говорим, что у больного человека высокая температура тела не потому, что температура эта высока сама по себе, а лишь потому, что у других (здоровых) лиц она ниже. Таким образом, количественный организационный принцип получает большое количество частных выражений: так, только в социальной иерархии мы можем говорить об **имущественном принципе** (в делении на богатых и бедных), об **интеллектуальном принципе** (интеллект возможно измерять, ранжируя по этому признаку членов производственного коллектива или обучающихся в учеб-

¹ Там же.

ном заведении, и в результате этого формируется иерархия); наконец, даже о **дигестивном принципе** (если решим зачем-либо подразделить некоторую человеческую общность на толстых и тощих).

Функциональный организационный принцип – это также принцип атрибутивный; в данном случае иерархия выстраивается из элементов в зависимости от исполняемых ими функций (или – в производственном коллективе – функциональных обязанностей). Тот, кто управляет, находится в иерархии на верхней позиции; тот, кем управляют – внизу. Нетрудно заметить, что в такой иерархии возможны перемещения вверх и вниз, даже и при наличии довольно частого феномена потомственных управляющих. Тот, кто сегодня управляет, завтра может занять подчиненное положение – и наоборот. Данный принцип актуален не только в социальных иерархиях, но и в автоматических системах управления и контроля (где он сочетается с морфологическим принципом), и даже в человеческом организме, где различаются многоуровневые управляющие структуры и эффекторы.

Содержательный организационный принцип – атрибутивный принцип, который определяет, что один из элементов в иерархии определяет содержание другого. Так, в иерархии «учитель-ученик» учитель обеспечивает содержательное наполнение головы ученика. Однако может случиться и наоборот – ученик может обогнать своего учителя, и в этом случае сам учитель сможет многому научиться у своего бывшего воспитанника (поэтому данный принцип и следует считать атрибутивным).

Каузальный организационный принцип отражает общее представление о том, что объект А (или функция А) может быть причиной возникновения объекта Б (или функции Б). Каузальный принцип рассматривается отдельно от генетического принципа. Это – уже атрибутив-

ный, а не сущностный принцип, поскольку причина и следствие способны зачастую меняться местами. Например, большие потери на войне могут быть причиной военного поражения. В то же время военное поражение само может стать причиной больших потерь. Такая взаимозависимость причин и следствий может порождать положительную обратную связь, которая чревата разрушением системы.

Телеологический организационный принцип показывает, напротив, что объект (или функция) А имеет цель в создании объекта (или обеспечении функции) Б.

Композитарный организационный принцип обуславливает высшее положение более сложного по структуре элемента по сравнению с элементом более простым.

Мажоритарный организационный принцип касается, например, таких понятий, как *ценности*. Известно, что ценности образуют иерархию; наиболее значимые из них занимают ведущие позиции, другие носят подчиненный характер. Однако ценности по природе своей социальны, и значимость их определяется, в частности, тем, какое количество членов общества их разделяет. Согласно мажоритарному принципу, главенствует та ценность, приверженность которой показывает больше людей. Данный принцип может рассматриваться и как частное выражение количественного организационного принципа.

Прагматический организационный принцип определяет, насколько данный элемент полезен для элементов данной системы (и обыкновенно, как следствие, для системы в целом). Это – атрибутивный принцип, поскольку польза в одних обстоятельствах оборачивается вредом в других.

Данный перечень организационных принципов, как уже говорилось выше, по определению не является пол-

ным. В него всегда могут быть внесены другие, дополнительные, вновь выявленные организационные принципы.

Общее же правило, обеспечивающее наличие противоречий в системах, может быть сформулировано так: *Чем большее разнообразие организационных принципов действует в иерархии, тем больше представлена почва для всевозможных противоречий (и, соответственно, для развития инверсивных отношений)*. Наиболее сложные системы – такие, как «человек» и «общество» – демонстрируют в этом отношении прямо-таки беспредельные возможности. Их существование и развитие целиком обусловлено характером их внутренних противоречий (иначе – инверсивных отношений). Этим и обусловлена роль противоречий и их значимость в качестве объекта познания – как в философской науке, так и в окружающей и формирующей нас (и формируемой нами) действительности.

2.4. Свойства организационных принципов в иерархии

1. Непостоянство статуса организационных принципов. Выше было замечено, что деление организационных принципов на сущностные и атрибутивные не лишено известной доли условности. Можно сказать, что сущностный организационный принцип – то же самое, что атрибутивный принцип с абсолютно стабильным атрибутом, в то время как у других атрибутивных принципов этот атрибут менее стабилен.

Кроме того, возможен переход от факультативности некоторого признака к его сущностному, неотъемлемому статусу. Например, в дореволюционной России общественная иерархия строилась, в частности, по сословному принципу. Этот принцип – сущностный: так, принадлеж-

ность к дворянскому сословию рассматривалась как неотчуждаемое, неотъемлемое качество субъекта. Но принадлежность эта означала на деле лишь одно: некто из предков этого субъекта когда-то *стал* дворянином. Дворянство было пожаловано ему, заслужено им, но в любом случае *приобреталось* как некоторый внешний атрибут, изначально к данной личности не относящийся. Принадлежность к дворянству могла быть даже *куплена* (например, известный заводчик Демидов стал дворянином благодаря купленному в Италии титулу князя Сан-Дonato, и литературный граф Монте-Кристо также купил там свой графский титул). Но вот после обретения дворянского статуса принадлежность к этому сословию могла рассматриваться уже как имманентное, сущностное свойство, распространяемое в некоторых случаях не только на данного человека, но и на всех его потомков. Впоследствии сложилось так, что дворянин мог нигде не служить (т. е. не выполнять тех обязанностей, ради которых дворянское сословие и создавалось), мог иметь низкий материальный достаток (т. е. попросту быть бедным), но принадлежность к дворянскому сословию оставалась за ним, как и прежде. Однако затем произошла революция, и дворянство как сословие было упразднено (вместе с понятием царского двора и с самим сословным принципом). Отныне данное имманентное свойство перестало действовать и уже не означало какого-либо места субъекта в социальной иерархии, а противоречие было снято (ценой изрядного количества индивидуальных трагедий).

Другой пример касается принятой в нашей стране системой ученых степеней и званий. Субъект, занимающий *должность* доцента (или профессора), после увольнения с этой должности доцентом быть перестает. Но субъект, имеющий *звание* доцента, остается доцентом даже и в том случае, если временно нигде не работает

или вышел на пенсию (и даже после своей кончины). Однако доцентом этот субъект не рождается, а становится; он приобретает это звание в результате ряда весьма серьезных процедур. Пока звание приобретается, оно может рассматриваться как внешний атрибут; будучи приобретено – становится неотъемлемым свойством.

Наконец, рассмотрим такой социальный атрибут, как наличие (или отсутствие) высшего образования. Человек получает высшее образование на определенном этапе своей биографии (или же не получает его). Следовательно, на этом этапе высшее образование может рассматриваться именно как внешний атрибут. Получив же диплом, этот субъект отныне и уже до конца своих дней будет считаться человеком образованным; наличие высшего образования встраивается в его личностную идентичность на правах неотъемлемого (и теперь уже сущностного) признака. Мало того, даже и дети, родившиеся в семье образованных людей, обладают некоторыми свойствами личностной идентичности, которых нет у выходцев из семей необразованных. Но это еще не все. В настоящее время знания устаревают быстро, и повсеместно насаждается система непрерывного образования. Это означает, что свой статус образованного человека необходимо постоянно подкреплять. Тем самым единовременно полученное образование вновь постепенно превращается во внешний атрибут, который может быть утрачен, если его не возобновлять своевременно.

Таким образом, принадлежность организационных принципов в иерархии к сущностным или атрибутивным составляет важнейшую характеристику, благодаря которой организационные принципы и становятся фактическими носителями противоречий в иерархии. Но принадлежность эта не является незыблемой или безусловной,

хотя в каждой конкретной иерархии обозначается достаточно определенно.

Граница между атрибутивными принципами с цельным и градуальным атрибутом также не является непроходимой. Возьмем тот же пример с высшим образованием: можно подразделить людей на тех, кто имеет диплом, и на тех, кто не имеет его. В этом случае диплом есть цельный атрибут. Но обретение такого внешнего атрибута стало в настоящее время дробным (на это направлены такие нововведения, как система академических кредитов, или зачетных единиц, которые обучающийся может получать в разное время, в разных учебных заведениях и по частям). Образование же, как говорилось выше, растягивается теперь на всю жизнь. Тем самым и этот атрибут становится градуальным.

2. Обратимость организационных принципов. Организационный принцип может становиться источником противоречий не только потому, что он способен противостоять направленности других принципов. В разных иерархических системах организационный принцип может противоречить и сам себе, т. е. задавать разную направленность взаимоотношений соподчиняющихся элементов. Иногда такое противоречие возникает и в пределах одной и той же системы. Так, например, рассмотрим систему «университетская библиотека». Книги в библиотеке могут быть подразделены на старые и новые (следовательно, здесь действует хронологический организационный принцип). Согласно ныне действующим требованиям, студенты университета должны быть обеспечены книгами, изданными не более 5 лет назад. С этой точки зрения, наибольшей ценностью обладают свежееизданные книги, а книги, изданные десять и более лет назад, особой ценностью уже не являются и подлежат списанию. Вместе с тем, в библиотеке могут храниться книги XIX и

даже XVIII вв. Они представляют лишь историческую ценность, но с этой точки зрения они гораздо ценнее книг, изданных буквально накануне. Таким образом, хронологический организационный принцип может действовать в обоих направлениях: согласно этому принципу, высшую позицию в иерархии может занимать как самый новый, так и самый старый из представленных в ней элементов. Происходит это потому, что хронологический принцип может выступать не самостоятельно, а представляясь сцепленным с другими организационными принципами: в первом случае, с принципом, который можно назвать **модернизационным** (ценно то, что соответствует потребности в модернизации), во втором случае – с принципом **историческим** (ценно то, что наиболее глубоко погружено в историческое прошлое).

3. Сцепленность организационных принципов подразумевает их совместное действие.

Организационные принципы связаны друг с другом, в том числе и причинно-следственными связями, если один организационный принцип порождает другой. Так, если в обществе действует в качестве главного имущественный организационный принцип (причем вне зависимости от того, какими путями тот или иной субъект приобрел материальный достаток), то неизбежно окажется, что в данном обществе действует инвертированный моральный принцип. Лицо с наименее выраженными моральными устоями (или, деликатно выражаясь, с наиболее гибкой моралью) быстро займет в таком обществе главенствующие позиции. Данные отношения порождаются именно действием имущественного организационного принципа, а не чьей-либо злой волей; буржуазно-демократические революции, которые несли на своих знаменах требования отмены сословного принципа, отнюдь не декларировали стремления к нигилизму в отно-

шении морали (лозунги «свободы», «равенства», «братства» ничего подобного, естественно, не предусматривали).

4. Разная значимость организационных принципов. Задействованные в системе организационные принципы имеют неравное значение. Тем самым, как уже указывалось, формируется иерархия второго порядка, то есть иерархия организационных принципов в данной системе. Один организационный принцип может быть более важным, чем другой. Причем нередко бывает так, что свойства самих организационных принципов не играют никакой роли, а к неравной значимости организационных принципов приводит характер выраженности того или иного свойства элементов, составляющих данную систему. Так, возможна следующая ситуация: лидирующий принцип обладает большей дифференцирующей способностью (обуславливает более значимые различия между соподчиненными элементами). Очевидно, действует и обратная закономерность: если между элементами иерархии имеются лишь незначительные различия по какому-либо свойству, то соответствующий организационный принцип действует в ней очень слабо. Так, хронологический организационный принцип мало представлен в сообществе, все члены которого имеют почти одинаковый возраст. А в государстве, в котором реализуется идея имущественного равенства, имущественный организационный принцип уступает в своем действии другим принципам. Следует сразу оговориться, что разная дифференцирующая способность организационных принципов – не единственное основание для иерархических отношений между ними. Например, неравная значимость организационных принципов, как об этом уже упоминалось, может опираться на конституциональный организационный принцип, действующий в иерархии второго порядка. То

есть на первое место по значимости в системе выходит организационный принцип, обеспечивающий самый факт существования этой системы; если же это не так, то данная система обречена на распад. Но и в этой иерархии организационных принципов (иерархии второго порядка) возможны проявления активности: один организационный принцип может сначала занимать в системе первое место, а впоследствии уступить лидирующие позиции другому принципу. Характер противоречий, которые возникают в системе между организационными принципами, в значительной мере зависит от того, какой именно из принципов занимает сейчас первое место.

Необходимо отдельно рассматривать два понятия: разная значимость организационных принципов и выраженность инверсивных отношений. Так, допустим, в иерархической системе действуют одновременно сущностный и атрибутивный принципы, и с некоторых пор атрибутивный принцип противоречит сущностному, то есть налицо инверсивные отношения. Но в иерархии второго порядка (отражающей взаимную значимость организационных принципов) сущностный принцип значит несравненно больше, чем атрибутивный (скажем, по конституциональному организационному принципу, представленному в иерархии второго порядка). В то же время интенсивность различий между элементами, обусловленная и сущностным, и атрибутивным принципом в иерархии, существенно не различается. В этом случае инверсивные отношения большой роли играть не будут, хотя противоречие и имеет место. Но если значимость сущностного принципа уменьшится, а значимость атрибутивного принципа возрастет, то вместе с этим возрастет и значимость инверсивной связи, а одновременно – и напряженность противоречия в системе.

Другая подобная ситуация: в иерархии действуют по-прежнему два принципа – как сущностный принцип, так и атрибутивный, который ему противоречит. Значимость сущностного и атрибутивного принципа (по тому же конституциональному принципу в иерархии второго порядка) для существования данной системы формально равная. И тот, и другой принцип равно необходимы для существования системы. Но вот со временем система приходит к состоянию, при котором выраженность отношений, описываемых тем и другим принципом, неодинакова. Будучи размещенными в иерархии согласно сущностному принципу, соподчиненные элементы очень сильно отличаются друг от друга. В то же время, различия тех же элементов, но выстроенных уже согласно атрибутивному принципу, не особенно велики или вовсе уже незаметны. В этом случае в системе формально также имеет место противоречие между двумя организационными принципами. Однако значимость противоречия невелика, и инверсивная связь сильно уступает по своему значению отношениям ордера. Если же характер различий, определяемых атрибутивным принципом, изменится, и интенсивность этих различий возрастет, то возрастет и роль инверсивных отношений; следовательно, в системе обозначатся серьезные противоречия, и она будет поставлена перед угрозой краха.

Взаимная значимость организационных принципов (иерархия второго порядка) является результатом внешних воздействий на систему, а выраженность иерархических различий в ней, в пределах действия того или иного организационного принципа порождается также и внутрисистемными процессами, которые лишь опосредованно отражают внешние воздействия.

5. Спонтанность и управляемость организационных принципов. До появления разума, как явления,

формирующего ноосферу, спонтанно действующие организационные принципы были единственной формой системной регуляции. Однако с момента появления человеческого сознания и формирования идеальных форм бытия появилась иная форма управления системами, которой не знала вся предшествующая эволюция. Отныне появилась возможность сознательного вмешательства в управление иерархическими системами – и даже искусственного, также вполне сознательного, формирования таких систем, что называется, «с нуля». Это, однако, никак не отменяет спонтанного действия организационных принципов.

Следует различать организационные принципы, которые действуют в той или иной иерархической системе просто в силу наличия в ней соподчиненных элементов, обладающих определенными свойствами, и те организационные принципы, которые насаждаются в той или иной системе под влиянием некоторого управляющего воздействия. Но это управляющее воздействие само строится на взаимодействии нескольких иерархий.

Например, в иерархической системе человеческого общества действуют определенные организационные принципы, которые определяют, кого считать главенствующим, а кого – подчиненным. Вместе с тем в этом же обществе действует иерархическая система ценностей, в которой тоже действует несколько организационных принципов.¹ Вторая система (аксиологическая) действует на первую (социальную), определяя тем самым, какой из организационных принципов в ней будет значительнее. Поскольку ценность есть понятие социальное, одним из важнейших организационных принципов в аксиологической системе является принцип мажоритарный; он пока-

¹ См., например: Бем-Барвек Е. Основы теории ценности хозяйственных благ. М.: Директмедиа Паблишинг, 2008. 190 с.

зывает, какие ценности в обществе поддерживаются большинством, а какие разделяет лишь меньшинство. Однако в современном обществе мнение большинства, как правило, формируется под воздействием тем или иным образом ангажированных средств массовой информации. Таким образом, в обществе формируется представление о «правильных» ценностях, и от этого в значительной мере зависит фактическая картина в социальной иерархии.

Сказанного достаточно, чтобы понять: инверсивные отношения в иерархических системах предстают в виде достаточно сложной и многообразной формы отношений. Они составляют реальное, жизненное наполнение всевозможных противоречий, которые приводят к развитию и распаду всевозможных иерархических систем. С этими системами мы так или иначе взаимодействуем (или мы включены в них сами, или же эти системы включены в нас самих).

Теперь, когда сущность инверсивных отношений уже обозначена в общих чертах, целесообразно вернуться к традиционно трактуемым формам противоречий и проследить, каким образом они могут быть отождествлены с инверсивными отношениями.

3. ПРОТИВОРЕЧИЕ. ОПРЕДЕЛЕНИЕ И ПОСТАНОВКА ВОПРОСОВ

3.1. Краткая историческая справка

Приступая к анализу противоречий, следует кратко коснуться истории вопроса. Воспроизвести здесь всю историю осмысления противоречий не представляется возможным. Однако есть ряд фактов и имен, которые непременно должны быть упомянуты в связи с анализом противоречий и исследованием их места в истории философской мысли.

Так, обращаясь к первоначальной форме диалектики, нам непременно следует обратиться к учению Гераклита Эфесского (ок. 544 до н. э. – ок. 483 до н. э.). Но, к сожалению, из его трудов уцелели лишь небольшие фрагменты; извлечь из них сколько-нибудь систематическую модель противоречия невозможно, тем более что даже современники отзывались о сочинениях Гераклита как о «крайне темных».¹ Во всяком случае, в сочинениях Гераклита так или иначе ставился вопрос о допустимости противоречий в мышлении,² что и стало, по всей видимости, первым шагом в осознании сходств и различий формально-логических противоречий, как атрибута мышления, и диалектических противоречий, отражающих противоречивость всего сущего.³ Как указывает Д. Грэхем, в античной интерпретаторской традиции Гераклит известен пятью доктринами, которые важны для его общей интерпретации: (1) огонь есть ἀρχή или первоначальная материальная причина мира; (2) существуют периодические эпизоды мирового пожара (ἐκτύρωσις), в которые космос

¹ Гераклит Эфесский: все наследие: на языках оригинала и в рус. пер.: крат. изд. / подгот. С. Н. Муравьев. М.: ООО «Ад Маргинем Пресс», 2012. С.57.

² Хайдеггер М. Гераклит. СПб.: Владимир Даль, 2011. 512 с.

³ См.: Кессиди Ф. Х. Гераклит. М.: Мысль, 1982. 200 с.

уничтожается, чтобы затем возродиться (что имеет несомненное значение как интерпретация разрешения накопившихся противоречий); (3) все есть поток; (4) тождество противоположностей; и (как следствие (3) и (4)), (5) нарушение Гераклитом закона противоречия. Впрочем, отмечает Грэхем, эпоха современных интерпретаций начинается с согласованной атаки на приписывание Гераклиту каждой из этих доктрин.¹

Истоки осмысления противоречий нередко также связывают с именем Зенона Элейского (ок. 490 до н. э. – ок. 430 до н. э.), который впервые, насколько об этом можно судить, поставил вопрос о противоречивости движения. Однако на основании тех скудных данных, которые нам известны о философских воззрениях Зенона, также невозможно отнести к его заслугам какое-либо особо значимое исследование противоречий. Скорее следует говорить о том, что Зенон констатировал их наличие как данность, не различая при этом формы противоречий как таковых.²

На этих двух примерах видно, что из сочинений досократиков едва ли получится выделить фрагменты, достаточные для анализа их взглядов на природу противоречия; тем более что практически все их сочинения дошли до нас лишь отрывочно, чаще всего преломленными в позднейших источниках.

Сократ (ок. 469 г. до н. э. – 399 г. до н. э.), как известно, после себя письменных источников не оставил.

¹ Graham D. W. Heraclitus' criticism of Ionian philosophy // Oxford Studies in Ancient Philosophy. Vol. XV / Ed. by C.C.W. Taylor. Oxford: Clarendon Press, 1997. P. 1-50.

² См.: Анисов А. М. Апории Зенона и проблема движения // Труды научно-исследовательского семинара Логического центра Института философии РАН / РАН. Ин-т философии, Обществ. ин-т логики, когнитологии и развития личности. М.: ИФРАН, 2000. Вып. 14. С. 139-153; Комарова, В. Я. Учение Зенона Элейского: попытка реконструкции системы аргументов. Л.: Изд-во ЛГУ, 1988. 264 с.

Однако именно ему достоверно принадлежат операции с противоречиями. Такие операции вошли в философию в форме «майевтики», диалогической полемики, которую, в частности, практиковал Сократ и которая затем нашла отражение в «Диалогах» Платона (428 или 427 до н. э. – 348 или 347 до н. э.). Противоречия были широко представлены в те времена и в полемике софистов. Но если Платон демонстрирует первоначальные попытки анализа противоречия как явления, то у софистов противоречию был придан исключительно формальный характер; оно применялось только лишь в целях своеобразной уличной риторики и порой приобретало вид преднамеренного нагромождения нелепостей, в результате игры словами и подмены понятий. Манипуляции противоречиями сводились у софистов к стремлению переговорить и запутать собеседника.¹ А. Ф. Лосев указывает, что «эти мыслители разъезжали по городам, за плату обучали “добродетели” (под которой понималось искусство спорить и “слабейший аргумент делать сильнейшим”, имели шумный успех и щеголяли своим анархизмом и нигилизмом. Они действительно оттачивали логические способности своих учеников и этим волей-неволей служили новой эпохе критцизма, пришедшей на смену устаревшей натуралистической философии».²

Чтобы получить представление о майевтике как полемическом методе, следует обратиться прежде всего к «Диалогам» Платона; главным образом через них мы узнаем о становлении и развитии майевтики, и в них представлены как взгляды Платона (ученика Сократа) на сущность противоречия, так и практическое использование противоречий в построении аргументов. Следует

¹ Батищев Г. С. Противоречие как категория диалектической логики. М.: Высшая школа, 1963. С. 36.

² Лосев А. Ф. История античной эстетики. Софисты. Сократ. Платон. М.: Ладомир, 1994. С. 14.

помнить, что сократический диалог не есть дословная передача разговоров Сократа с его собеседниками; это скорее воспроизведение полемического метода, позволяющего извлечь скрыто пребывающее у собеседника положительное знание. Выбирая фрагменты для анализа из сочинений Платона, нужно учитывать, что широта охватываемых обсуждением предметов в его сократических диалогах весьма велика, и потому приходится извлекать из них (в большей или меньшей мере искусственно) те части, в которых обсуждается именно противоречие – после того, как мысль великого полемиста обратилась к ним, но до того, как она оказалась перенесена на иной предмет. В частности, проблеме собственно противоречий частично посвящен диалог «Евтидем»¹, а также «Лисид»².

В сочинениях Аристотеля (384 г. до н. э. – 322 г. до н. э.) анализ противоречий представлен более подробно. Аристотель демонстрирует уже не иллюстративно-полемическое, а подлинно систематическое изложение материала. В этом отношении представляет несомненный интерес его трактат «Категории»³, а также «Метафизика»⁴. Так, в трактате «Об истолковании» Аристотелем приводится мысль о том, что из двух противоречащих друг другу высказываний об общем, взятых как общие, одно с необходимостью истинно, другое – ложно.⁵ Особое значение применительно к исследованию противоречий в высказываниях приобрели представленные Аристотелем формы силлогизмов. Основания формальной логики, которыми мы пользуемся до сих пор, заложены Ари-

¹ Платон. Евтидем // Собр. соч. в 4 т. М.: Мысль, 1990. Т. 1. С. 175-176.

² Платон. Лисид // Собр. соч. в 4 т. М.: Мысль, 1990. Т. 1. С. 330-331.

³ Аристотель. Категории // Собр. соч. в 4х т. Ред. З. Н. Микеладзе. М.: Мысль, 1978. Т. 2. С. 85-86.

⁴ Аристотель. Метафизика /Аристотель. Соч. в 4 т. М.: Мысль, 1976. Т.1. С. 125.

⁵ Аристотель. Об истолковании /Аристотель. Соч. в 4 т. М.: Мысль, 1978. Т.2. С. 97-98.

стотелем. Впоследствии изучение силлогизмов и их критика получили развитие в трудах Теофраста (ок. 370 до н.э. – ок. 288-285 до н.э.), Клавдия Галена (ок. 129-131 – ок. 200-217), Секста Эмпирика (160 – 210), Марциана Капеллы (первая половина V в. н.э.), Боэция (480 – ок. 524-526), византийца Михаила Пселла (1018 – ок. 1078), создавшего «логический квадрат»,¹ и других философов античности и средневековья.

Таким образом, влияние взглядов Аристотеля на сущность противоречия, как известно, распространились далеко за пределы античности. Сочинения средневековых авторов мало что прибавили в этом отношении; изменился лишь контекст, в котором рассматривались противоречия – теперь он был наполнен христианской богословской проблематикой и пребывал в отрыве от начатков естествознания.

В сочинениях Фомы Аквинского (1225-1274) проблема противоречий приобретает именно эту направленность; встречается, в частности, такой оборот: «Ведь там, где значение [слова] различно, утверждение и отрицание не противоречат друг другу: ибо при одноименности (*aequivocatio*) противоречие невозможно. Но католик, говоря, что идол – это не Бог, противоречит язычнику, говорящему, что идол – это Бог. Следовательно, в обоих случаях [имя] Бог сказывается однозначно».² Противоре-

¹ Логический квадрат устанавливает отношения между четырьмя типами высказываний: А – общеутвердительными, Е – общеотрицательными, I – частноутвердительными и О – частноотрицательными (они образуют углы квадрата). Так, между высказываниями А и Е устанавливаются отношения контрарные, в парах А–I и Е–О – отношения подчиненности, а между I и О – субконтрарные отношения. Эти отношения образуют четыре стороны квадрата. Наконец, диагональ (между высказываниями А и О и между высказываниями Е и I) соответствует контрадикторным отношениям. См.: *The Traditional Square of Opposition* // *Stanford Encyclopedia of Philosophy*. URL: <http://plato.stanford.edu/entries/square/> (дата обращения 19.08.2015).

² Фома Аквинский. *Онтология и теория познания (фрагменты сочинений)* / перевод, вступ. ст., коммент. В. П. Гайдено. М.: ИФРАН, 2001. С. 146.

чия активных и пассивных свойств элементов Фома Аквинский рассматривал в сочинении «О смешении элементов».¹

К этому периоду относятся, если можно так выразиться, эксперименты с противоречиями. Так, Раймонд Луллий (1235-1315) – философ, поэт и миссионер из Каталонии, создал своего рода «бумажный компьютер», или «машину истины». Машина эта состояла из концентрических окружностей, между которыми были размещены обозначения различных отвлеченных понятий. Внутри центральной окружности расположенные на ней понятия соединяются линиями, составляющими треугольники. «Первый треугольник состоит из различия, согласия и противоречия и включает в себе все, что существует, согласно своему виду. Ибо все, что существует, существует также в различии, согласии и противоречии. И вне этих принципов ничего нельзя найти».² Примечательно, что Луллий отделяет различие от противоречия.

Следующий автор, на работы которого по данной тематике следует обратить внимание – выдающийся деятель Возрождения Николай Кузанский (1401-1464); в плане исследования противоречий заслуживает упоминания его сочинение «О неинном».³ Затем необходимо также вспомнить произведение Джордано Бруно (1548-1600) «Изгнание торжествующего зверя», где теме противоречий посвящено несколько страниц в диалоге.⁴

Онтологию совпадающих противоположностей Николая Кузанского и Джордано Бруно воспроизвел впо-

¹ Фома Аквинский. О смешении элементов. URL: http://www.odinblago.ru/zapadnoe_bogoslovie/akvinsky/ (дата обращения 19.08.2015).

² Луллий Р. Краткое искусство // Антология средневековой мысли. Теология и философия европейского средневековья / Неретина С. С., ред. СПб.: Изд-во РХГИ, 2002. Т.2. С. 191.

³ Николай Кузанский. О неинном. Соч. в 2 т. М.: Мысль, 1980. Т.2. С. 187.

⁴ Бруно Дж. Изгнание торжествующего зверя. Самара: АГНИ, 1997. С.121-128.

следствии Ф. В. Й. Шеллинг (1775-1854).¹ В сочинениях Шеллинга примечательно его высказывание о линейных противоречиях: «Два противоположных направления снимают друг друга, уничтожают, – следовательно, борьба как будто не может продолжаться. В этом случае возникла бы абсолютная бездеятельность; ибо поскольку Я есть не что иное, как стремление быть равным самому себе, то единственным основанием, определяющим Я к деятельности, является сохраняющееся противоречие в нем самом. Между тем каждое противоречие само по себе уничтожает само себя. Оно может быть сохранено только *посредством* стремления сохранить, или мыслить, его; этим третьим в противоречие привносится своего рода тождество, отношение друг к другу двух противоположных членов».²

Наконец, особого внимания заслуживает исследование противоречия в трудах Г. В. Ф. Гегеля (1770-1831). Диалектическое противоречие развивается у Гегеля по ступеням: тождество – различие – разность – противоположность – противоречие. Различие, как напоминает Гегель, может происходить не в форме мысли, а в форме чувства, созерцания, представления, т. е. «в формах, которые должно отличать от мышления как формы».³ Гегель называет критерием такого различия то, что особенностью чувственного служит единичность, в отличие от мышления, которому присуща форма всеобщности.⁴

Исследование противоречий получило дальнейшее развитие в трудах философов-марксистов; в первую очередь следует упомянуть в этом отношении деятельность

¹ Батищев Г. С. Противоречие как категория диалектической логики. М.: Высшая школа, 1963. С. 42.

² Шеллинг Ф. В. Й. Система трансцендентального идеализма. Соч. в 2 т. М.: Мысль, 1987. Т. 1. С. 277.

³ Гегель В. Ф. Г. Наука логики // Энциклопедия философских наук. М.: Мысль, 1974. Т. 1. С. 85.

⁴ Там же, С. 112-113.

самого Карла Генриха Маркса (1818-1883), который, впрочем, оперировал противоречиями главным образом при анализе трудовых и товарно-денежных отношений¹. Несомненно, заслуживают внимания работы ряда философов советского периода, в первую очередь, упоминавшегося ранее Г. С. Батищева (1932-1990)², а также Э. В. Ильенкова (1924-1979)³, И. С. Нарского (1920-1993)⁴ и З. М. Оруджева (р. 1932).⁵ Из зарубежных авторов недавнего прошлого, чьи работы представляют интерес в рамках данного исследования, нельзя не отметить Карла Поппера (1902-1994).⁶ Заметим, что здесь названы лишь некоторые имена; множество других, также весьма значимых, пропущены по соображениям краткости. Составление исчерпывающей антологии исследования противоречий, как уже говорилось, невозможно в рамках одной книги, просто потому, что фактически она будет охватывать всю известную историю философской мысли. Тем не менее, следует сказать, что сочинения названных здесь авторов, а также многих неназванных, составляют необходимую теоретическую базу для представленного здесь исследования противоречий.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. М.: ГИПЛ, 1960-1964. Т. 23-26.

² Батищев Г. С. Противоречие как категория диалектической логики. М.: Высшая школа, 1963. 120 с.

³ Ильенков Э. В. Проблема противоречия в логике // Философия и культура. М.: ИПЛ, 1991. С. 308-320.

⁴ Нарский И. С. Диалектическое противоречие и логика познания. М. : Наука, 1969. 246 с.

⁵ Оруджев З.М. К. Маркс и диалектическая логика. Баку: Азерб. гос. изд-во, 1964. 196 с.

⁶ Поппер К. Р. Логика и рост научного знания. Избр. работы: пер. с англ. М.: Прогресс, 1983. 605 с.

3.2. Внутренняя и внешняя сторона противоречия

Обратимся теперь к той концепции внутрисистемных противоречий, которая получила развитие на страницах этой книги. Выше было указано, что в иерархических системах (а принадлежность к таким системам есть не исключение, а правило), противоречия реализуются в форме инверсивных отношений. Но все же мы не можем сказать, что инверсия есть синоним противоречия; понятие инверсии составляет по отношению к понятию противоречия известного рода конкретизацию. В то же время мы не можем рассматривать противоречие по отношению к инверсии как гипероним.¹ В этом случае нам пришлось бы признать существование системных противоречий вне инверсивных отношений, чего, по-видимому, не бывает. Таким образом, речь здесь идет не о формах взаимодействий как они есть, а об их привычной трактовке. Если инверсия традиционно, в разнообразных отраслях знания описывалась как *частное* понятие (хотя в реальности это понятие позволяет достичь высокого уровня обобщения), то противоречие сразу, изначально выступает как понятие *общее*, и это можно наблюдать применительно ко всей философской традиции. Вот почему, описывая становление обоих понятий, пришлось бы, по существу, составлять две разные историографии. В том пункте, в котором постулируется фактическое тождество противоречий и инверсий, эти два подхода должны объединиться.

Объективная значимость противоречий раскрывается при осознании их реальной роли в ныне действующих системах. При этом следует помнить, что эти противоречия не носят вымышленный характер; они не есть следствие логических ошибок, а присущи вещам и процессам

¹ Гипероним (греч.) – слово с более широким значением, которое выражает общее понятие по отношению к какой-либо частности.

объективного мира вне зависимости от того, знаем мы о них или нет, мыслим мы их или нет. Именно противоречие, как указывает Л. Е. Балашов, «делает» материю движущейся, а движение – материальным.¹ Таким образом, всеобщность противоречия раскрывается через отношение к категориям, а priori считающихся всеобщими: материя и движение.

Исследование противоречия предполагает получение ответа на ряд вопросов. Некоторые из этих вопросов затрагивают внешнюю сторону противоречия: каково оно? что оно делает? что благодаря ему осуществляется? Именно на эти вопросы чаще всего отвечают исследователи, берущиеся за проблему противоречия. При этом само понятие противоречия уже не подвергается обсуждению; представляется, что с этим понятием «и так все понятно»; оно трактуется как исходный пункт, не подлежащий анализу. Но, кроме того, существует и внутренняя сторона противоречия, которая раскрывается при анализе внутрисистемных отношений. Здесь уже приходится анализировать именно само данное понятие, его содержание, его суть.

Динамическая характеристика противоречия наиболее полно раскрывается при анализе внутрисистемной активности. При этом особое значение приобретает форма активности, которая способна приводить к изменениям самой системы (что и происходит при развитии инверсивных отношений), в отличие от простых перемещений отдельных элементов в иерархии, которые в целом оставляют систему тождественной самой себе.

¹ См.: Балашов Л. Е. Противоречие (категориально-логический портрет) // Полигнозис, 1998. № 3. С. 3.

3.3. Формально-логическое и диалектическое противоречие

Традиционно принято отличать противоречие как *формально-логическое* понятие, от противоречия в рамках *диалектической логики* (и даже противопоставлять одно другому).¹ Если в первом случае речь идет о противостоянии некоторого утверждения и противостоящего ему отрицания, то во втором случае противоречие выражается в наличии в рамках определенного реального предмета некоторых взаимоисключающих сторон, качеств, сил. Возможно и другое, отчасти перекликающееся с предыдущим (но отнюдь не тождественное ему) деление: в первом случае перед нами отношения *контрадикторности*², при которых одно из понятий является отрицанием другого и между ними не может быть третьего, среднего варианта. Во втором случае речь идет об отношениях *контрарности*, при которых одно из двух понятий отрицает или исключает другое, но между ними допускается некоторый средний вариант³ (данное деление было представлено еще в «Метафизике» Аристотеля⁴;

¹ См.: Ильенков Э. В. Проблема противоречия в логике // Философия и культура. М.: Политиздат, 1991. С. 308-320.

² В русских источниках термин «контрадикторность» имеет смысловые отличия от термина «противоречие». В англоязычной литературе contradiction и есть противоречие (а также антагонистичность, полное несоответствие, противоположность, расхождение, опровержение). Для большей ясности, чтобы указать, что имеется в виду не противоречие вообще, а именно противоречие в высказывании, И. Д. Кулаков предлагает ввести термин «контрадиктивный», «контрадиктивность» (от лат. contra – против, dictionis – высказывание). См.: Кулаков И. Д. Контрарность суждений и «контрадикторность». URL: <http://sibac.info/index.php/2009-07-01-10-21-16/1364----lg> (дата обращения 12.08.2015).

³ См.: Батищев Г. С. Противоречие как категория диалектической логики. М.: Высшая школа, 1963. С. 29.

⁴ См.: Аристотель. Метафизика /Аристотель. Соч. в 4 т. М.: Мысль, 1976. Т.1. С. 143.

более подробно эти формы отношений будут рассмотрены далее).

Вместе с тем понятие *противоречия* отличается от понятия *противоположности*. Противоположность отображает статику, противоречие подразумевает динамику. Так, правое не противоречит, а противолежит левому; но движение вправо противоречит движению влево. И здесь мы можем сослаться на Аристотеля: «Так как всякое изменение происходит между противолежащими, а противолежащими могут быть противоположности [в собственном смысле слова] и противоречия, причем в противоречии нет ничего среднего, то ясно, что промежуточное может быть только между противоположностями».¹ Отсутствие среднего между противоречащими сторонами, в трактовке Аристотеля, показывает нам, насколько важна в этом вопросе терминологическая определенность.

Известно, что формально-логическое и диалектическое противоречия представлены в разных предметных областях: если первое охватывает собой исключительно сферу мыслительных операций, то второе приложимо к законам окружающего нас мира. Одно дело, если в некоторой концепции *отражаются* реально существующие противоречия, и совсем другое, когда в самой концепции *имеются и обнаруживаются* внутренние противоречия. Образно выражаясь, противоречия могут быть делом рук Создателя, но создатель теории или иной когнитивной модели лишен права творить противоречия. Так, видный отечественный философ В. Н. Сагатовский (р. 1933) первым этапом оценки состоятельности теории считает дедуктивную проверку: система, построенная в соответствии с допущенной (гипотетически предположенной) последовательностью категорий, оказывается непротиворе-

¹ См.: Аристотель. Физика /Аристотель. Соч. в 4 т. М.: Мысль, 1981. Т.3. С. 52.

чивой. А уже следующим этапом предполагается эмпирическая проверка, в ходе которой выявляется, что непротиворечивая система (последовательность категорий) соответствует фактической последовательности категориального расчленения различных объектов.¹ Противоречивая же *внутри себя* модель мира или его части сразу, еще на первом этапе ее проверки, признается утратившей релевантность. Итак, одно дело – противоречия в самой системе, и другое – противоречия в когнитивной модели этой системы.

Таковы истоки противопоставления этих двух форм противоречий. Противоречие в модели (конструкте) – это то, что леворадикальный философ Теодор Адорно (1903-1969) обозначал как «знак неистинности тождества»; с его точки зрения, противоречивость благодаря имманентной сущности сознания приобретает характер «железной, роковой закономерности».² Однако было бы совершенно неправильным определять противоречие лишь как особенность построения когнитивных конструктов, отображающих нечто изначально непротиворечивое. Когнитивные конструкты реальности – вовсе не то же самое, что и сама реальность.

В. А. Эльканович формулирует это различие так. «Противоречия действительно появляются – об этом свидетельствуют многочисленные факты как из истории науки, так и из обыденной жизни. И эта закономерность отражена в основных положениях теории диалектики. Но, с другой стороны, противоречия недопустимы, так как они нарушают законы и принципы «правильного» мышления. Таким образом, имеем проблему: Противоре-

¹ Сагатовский В. Н. Основы систематизации всеобщих категорий. Томск: Изд-во ТГУ, 1973. С.15.

² См.: Адорно Т. В. Негативная диалектика. М.: Научный мир, 2003. 374 с.

чия должны быть. И противоречий не должно быть».¹ В действительности же, как только что показано, проблемы нет никакой.

По мнению англо-немецкого философа Эдварда Конзе (1904-1979), можно ли считать истинным или ложным принцип, согласно которому противоречия недопустимы – зависит от точки отсчета: считаем ли мы себя, например, лишь чувственными или же разумными существами, считаем ли мы себя творцами мира или созданиями небесного творца.² Однако противоречия как результат действия сил, и противоречия в форме логического изъяна сходны лишь лингвистически, как «одно и то же слово», но в данном случае слово это обозначает разные понятия. Формально-логическое противоречие есть свойство противоречивого в себе разума; диалектическое противоречие является свойством являющегося этому разуму мира. Если не разделять эти два понятия, это заставляет ставить под сомнение состоятельность самого аристотелевского принципа логической непротиворечивости.³

Таким образом, законы формальной логики охватывают отнюдь не сами противоречия как таковые, их наличие или отсутствие, а только их отображение в высказывании. Г. С. Батищев указывал, что так называемый закон (или принцип) непротиворечивости, как и другие формально-логические законы, «могут быть рационально поняты лишь как относящиеся к оперированию матери-

¹ Эльканович В. А. Противоречие. URL: <http://elkanovich.ucoz.ru/index/0-19> (дата обращения 12.08.2015).

² Conze E. The Objective Validity of the Principle of Contradiction // *Philosophy*, 1935, Vol. 10, No. 38. P. 205-218.

³ См., например: Dean C. L. Absurdities or meaninglessness or irrationality is no hinderance to something being 'true': rationality: or freedom from contradiction or paradox is not a necessary and/or sufficient condition for 'truth': mathematics and science examples. Australia, West Geelong: Gamahucher Press, 2003. 22 p.

альными носителями мышления – языковыми формообразованиями».¹

В «Логико-философском трактате» Людвиг Витгенштейна (1889-1951) это отражено следующим образом: «Среди возможных групп условий Истинности может быть два экстремальных случая. В одном случае Пропозиция является истинной для всех истинностных Возможностей Элементарной Пропозиции. Мы говорим, что условия Истинности *тавтологичны*. В другом случае Пропозиция для всех истинностных Возможностей является ложной: условия истинности *контрадикторны*. В первом случае мы называем Пропозицию Тавтологией, во втором случае – противоречием... Пропозиция обнаруживает то, что в ней говорится, Тавтология и Противоречие – то, что в них не говорится ничего. Тавтология не имеет условий Истинности, ибо она является безусловно истинной; а Противоречие не является истинным ни при каких условиях. Тавтология и Противоречие являются бессмысленными (подобно точке, из которой две стрелки расходятся в противоположных направлениях)».²

Почему же, когда говорят о противоречиях, зачастую сосредотачиваются главным образом на формально-логической их стороне? Г. С. Батищев объясняет это так: «Когда сама познавательная деятельность в форме научного труда все больше становится отчуждающейся, тогда диалектический разум превращается во все большей степени в *изуродованный отчуждением разум* – в рассудок. Приобретая рассудочный характер, мышление подчиняется своим имманентным диалектическим законам лишь окольным, опосредованным путем и в *превращенной*

¹ Батищев Г. С. Противоречие как категория диалектической логики. М.: Высшая школа, 1963. С. 17.

² Витгенштейн Л. Логико-философский трактат // Л. Витгенштейн. Избранные работы / пер. с нем. и англ. В. Руднева. М.: Изд. дом «Территория будущего», 2005. С. 127.

форме – через законы его выражения в *языке*. Поэтому отчуждение в науке означает *фетишизацию языка* как носителя информации». Заметим, что в данном случае мы наблюдаем не что иное, как одно из проявлений инверсивных отношения в системе познания, что и характеризует наличие определенной кризисной ситуации.

Действительно, в когнитивной системе превращенные формы разума представляют собой служебные, иерархически подчиненные компоненты; язык как таковой также занимает в этой системе подчиненную позицию, в частности на основании функционального организационного принципа. Его главенствующая позиция соответствует состоянию инверсии. Подобная тенденция возобладала как в структурной антропологии, так в работах постструктуралистов.¹ Отдал дань этой тенденции и только что упоминавшийся виднейший представитель аналитической философии Людвиг Витгенштейн.²

Рассмотрим вопрос несколько шире. Любое высказывание есть не что иное, как некоторая, отображенная в краткой и сжатой форме когнитивная модель или конструкт. Любая когнитивная модель, для того чтобы ее вообще можно было рассматривать и применять, не должна нести в себе внутренних противоречий, т. е. одна ее часть не должна противоречить другой части. Это, однако, совершенно не означает, что такая модель не должна отображать в себе реально действующих противоречий той действительной ситуации, которой данная модель соответствует.

¹ Лич Э. Культура и коммуникация: Логика взаимосвязи символов. К использованию структурного анализа в социальной антропологии. Пер. с англ. М.: Восточная литература РАН, 2001. 142 с.; Барт Р. Введение в структурный анализ повествовательных текстов / пер. Г. К. Косикова // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX-XX вв.: трактаты, статьи, эссе. М.: МГУ, 1987. С. 387-422.

² Витгенштейн Л. Философские работы. / составл., вступ. статья, примеч. М. С. Козловой, пер. с нем. М. С. Козловой и Ю. А. Асеева. М.: Гнозио, 1994. Ч. 1. 521 с.

Г. С. Батищев определял диалектическое противоречие как «форму эвристического движения мышления от содержательной антиномии (между тезисом и антитезисом) к ее разрешению в синтезе третьего, нового понятия».¹ Таким образом, в данном случае рассматриваются различные стадии существования противоречия в мышлении, а не в мыслимых вещах. Мы имеем здесь не развитие противоречия как такового, а лишь этапы познания противоречия. В то же время тождество диалектики развития процесса познания и диалектики познаваемых предметов в их развитии означает самоидентичность самого понятия диалектики развития.

Противопоставление формально-логического и диалектического противоречия, как своего рода сопоставимых величин, не вполне состоятельно. Как справедливо указывает Т. А. Ростовцева, формально-логическое противоречие связано только с одной из сторон познавательной деятельности – со способом выражения (существования) знания. Оно представляет собой фиксацию нарушения принципа формальной непротиворечивости, который наряду с другими законами формальной логики отражает внешний процесс формирования знания, только одну из сторон его развития – состояние тождества. Едва ли возможно достаточно полно выявить сущность диалектического познавательного противоречия, представляющего познание *в целом*, соотнося его лишь с *частью* этого процесса.²

На самом деле названные две позиции – формально-логическое и диалектическое противоречие – не просто и не только составляют некоторую противоположность

¹ Батищев Г. С. Противоречие как категория диалектической логики. М.: Высшая школа, 1963. С.100.

² Ростовцева Т. А. Об основном содержательном противоречии социального познания // Проблема диалектического противоречия (методологический аспект): межвуз. сб. Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1987. С. 54.

друг другу. Помимо этого, они олицетворяют собой разные этапы осмысления реально существующих противоречий. В данном случае первый этап может быть обозначен как простое абстрагирование – некоторое понятие обособляется из паттерна действительности; в выстроенной таким образом системе отношений выявляются лишь две позиции – А и не-А. Однако понятие не-А строится с позиций отрицания, а не утверждения, и потому фактически оказывается содержательно пустым. Вторым этапом в данном процессе осмысления противоречий становится *дивергенция* – выявление равноправных противоположных сторон как противостоящих друг другу абстрактных понятий, каждое из которых формулируется уже с позиций утверждения, а не отрицания. В результате между отделенными друг от друга крайностями возникают отношения контрастности, что позволяет выстраивать между ними некоторый *континуум* – постепенную градацию изменений.

Однако, выделяя эти противоположные стороны, мы находимся в рамках определенных ограничений, которых не было при первоначальном простом абстрагировании. Два выделенных полюса должны находиться в одной предметной области. Например, черное может противостоять белому, а холодное – горячему, но холодное не может противостоять черному. Таким образом, контрастность строится на результатах ранее выявленной контрадикторности – прежде всего, следовало абстрагировать такое качество, как «цвет» (противопоставив ему все, что «не цвет»), а уж затем, в рамках выделенной таким образом предметной области, оперировать далее с отношениями контрастности. Как писал еще Платон, «даже белое в чем-то подобно черному, твердое – мягкому и так все остальные вещи, по-видимому, совершенно противо-

ложные друг другу»,¹ и это подобие проистекает из наличия некоторой общей основы, некоторого элемента тождества. Следует запомнить это обстоятельство, так как оно будет востребовано в дальнейшей цепи рассуждений.

Обнаруживая в реальных предметах взаимоисключающие стороны, мы, как правило, имеем дело с некоторой формой качественных отношений, которые, в свою очередь, могут базироваться на количественных различиях (известный диалектический переход количества в качество), что и позволяет проследить между крайними позициями А и В некоторую постепенную градацию изменений. Эта градация может трактоваться как некоторый вектор чисто количественного перехода, если мы рассматриваем ее изолированно; она же может изучаться в качестве ряда последовательных качественных переходов, если эта градация изучается в контексте функционирования данной системы. Разницы тут особой нет: в просто в первом случае мы наблюдаем один-единственный качественный переход от крайней позиции А к крайней позиции В, обусловленный количественными накоплениями; во втором – цепочку из нескольких последовательных качественных переходов, так или иначе все равно приводящих от А к В.

В связи с этим при дальнейшем анализе противоречий возникает лишь один вопрос: что же дальше? Очевидно, что противоречия в реальных системах выходят за рамки подобных упрощенных схем; очевидно также, что познание системных отношений невозможно без построения релевантных когнитивных конструктов, позволяющих производить моделирование систем на разных уровнях абстракции. То, что в любой теоретической или прикладной области обыкновенно называют противоречием, существенно отличается и от отношений контра-

¹ Платон. Протагор // Собр. соч. в 4 т. М.: Мысль, 1990. Т.1. С. 441-442.

дикторности, и от примитивно понимаемых отношений контрастности. Таким образом, следует говорить о том, что противоречия могут быть разных порядков: от наиболее абстрактного уровня, рассматриваемого обыкновенно в рамках формальной логики, до противоречия между реально существующими субъектами в их различных проявлениях.

Осмысливая природу противоречий, мы фактически совершаем те же шаги, которые приводят нас к осознанию факта *дивергенции* (выявления крайностей, крайних противоположных позиций) и наличия *континуума* (постепенной градации изменений от одной крайности к другой) в любой содержательно наполненной предметной области. Таким образом, оказывается, что одну крайнюю точку некоторого континуума занимает «чистое» формально-логическое противоречие, противоположную же занимает противоречие диалектическое (в данном случае правильно будет говорить не о самом диалектическом противоречии как о живом, многогранном явлении, а о *понятии* диалектического противоречия). Иными словами, познавая противоречие как явление, мы мысленно проходим через те же этапы развития данного понятия, как и при изучении любого другого понятия; при познании противоречий прослеживается такое же развитие противоречия – данное понятие ничем не хуже и не лучше любого иного и не составляет в этом отношении никакого исключения.

3.4. Л. Е. Балашов. Попытки моделирования¹

Для познания противоречия мы нуждаемся в его категоризации, которая, в свою очередь, реализуется в построении когнитивных моделей. Мы не можем мыслить и обсуждать какой-либо предмет, не относя его компоненты к некоторой системе категорий.²

Для того, чтобы подчеркнуть значимость изложенной далее градации, приводящей от линейной к многомерной схеме противоречия, достаточно указать, что до настоящего времени противоречия рассматривались главным образом лишь в простейшем, линейном измерении. Однако предпринимались и попытки построения многомерных конструкций. Так, Л. Е. Балашов предлагает следующую несложную классификацию противоречий. Только что было показано, что наличие противоречия подразумевает наличие как тождества, так и противоположности. При этом, как представляется этому автору, что-то одно в этой паре может преобладать; исходя из этого, Л. Е. Балашов подразделяет противоречия на тип «Р», где превалируют противоположности, и на тип «Q», в котором преобладают отношения тождества.³ Данное деление едва ли может считаться состоятельным, поскольку изначально строится на количественных отношениях таких понятий, которые вообще нельзя подвергать количественному сравнению. Если бы речь шла о *тождестве* и *различии*, которые могут рассматриваться как антонимы, такое сопоставление было бы, по крайней

¹ Материалы этого и следующего подраздела представлены в статье: Севостьянов Д. А., Лисецкая Е. В. Иерархическая модель противоречий // Обсерватория культуры. 2013. №6. С. 19-23.

² Батищев Г. С. Противоречие как категория диалектической логики. М.: Высшая школа, 1963. С. 98. См. также: Брунер Дж. Психология познания. М.: Прогресс, 1977. С. 15.

³ См.: Балашов Л. Е. Мир глазами философа. (Категориальная картина мира). М.: АCADEMIA, 1997. С. 148-151.

мере, возможным; но противоположность есть особый, и притом весьма специфический вид различий. А кроме того, речь должна идти не о количественных, а о качественных различиях противоречий.

Видимо, осознавая недостаточность такой градации противоречий, Л. Е. Балашов предлагает еще два подразделяющих критерия. Во-первых, он выделяет внешние и внутренние противоречия. По его мнению, внутреннее противоречие есть взаимопереход противоположностей, в то время как внешнее противоречие есть необратимый переход одной противоположности в другую. При этом внутренние противоречия обуславливают целостность, устойчивость, сохранение материальных тел, а внешние противоречия, вызывающие внешнее взаимодействие (столкновение) материальных тел, обуславливают их движение, изменение, разрушение или образование.¹ Однако и такая классификация не может считаться удовлетворительной. Связи, обеспечивающие целостность системы, отнюдь не всегда могут быть отнесены в противоречиям.² И наоборот, далеко не всякое внутреннее противоречие способно поддерживать целостность объекта или системы. Напротив, практика показывает, что большинство систем разрушается именно под тяжестью внутренних противоречий. Положение о том, что внутренние противоречия обеспечивают прочность системы, верно лишь отчасти, и обусловлено это тем обстоятельством, что инверсии, уже встроенные в порядок системы, уже не могут быть изъяты из нее без разрушения самой системы и могут рассматриваться в ней как своего рода стабилизирующий фактор (который, однако же, имплицитно содержит в себе и причину грядущего распада системы). В

¹ Там же, С. 154-165.

² Именно анализ инверсивных отношений позволяет в полной мере разграничить понятие *связи и противоречия* внутри системы. Связаны друг с другом *элементы*, противоречат же друг другу *организационные принципы*.

остальном это положение справедливым считаться не может. К примеру, положительный и отрицательный заряд в элементарных частицах, составляющих атом, плюс и минус в магните не противоречат друг другу, но взаимно друг друга обуславливают. Помимо этого, данный подход попросту не предусматривает саморазвитие каких-либо систем.

Кроме того, Л. Е. Балашов представил иерархическую форму противоречий, построенную на композитарном и таксономическом организационных принципах. Все противоречия при этом делятся на простые и сложные. Простые противоречия не составлены из каких-либо других противоречий, сложные – составлены из простых (внешних и внутренних). При этом сложное противоречие первой степени есть непосредственное взаимоотношение простых противоречий. Сложное противоречие второй степени, соответственно, представляет собой взаимоотношение непосредственных опосредствований внутреннего и внешнего противоречий и т. д.¹ Образуется иерархия с произвольным количеством уровней.

Представленная здесь система есть пример когнитивного конструкта, замкнутого «на себя». Если рассматривать данный конструкт исключительно изнутри, то, вероятнее всего, в нем не удастся выявить внутренних противоречий, и в этом плане такой конструкт может показаться ценным и привлекательным. Противоречий и не должно быть в подобном конструкте, если исходить из формально-логических требований: «Все, что противоречит самому себе, внутренне невозможно... При таком противоречии ясно, однако, что что-то должно стоять в логическом противоречии с чем-то, т. е. что должно от-

¹ См.: Балашов Л. Е. Противоречие (категориально-логический портрет) // Полигнозис. 1998. № 3. С. 3-33.

рицать то, что в том же самом в то же время утверждает-ся».¹

Однако нет никаких сомнений, что конструкт этот не сможет выдержать какой-либо эмпирической проверки (т. е. столкновения с реальностью) – хотя бы по уже приведенным выше причинам. Примеры подобных когнитивных конструктов были известны и прежде. Один из самых древних (и самых известных) таких примеров – уже упоминавшаяся выше пифагорейско-платоническая система мироустройства, которая, правда, не была специально посвящена вопросам построения противоречий. Мир провозглашался состоящим из четырех стихий – земли, воды, воздуха и огня. В геометрическом отношении земле соответствовала фигура куба, имеющего 8 вершин; воде – икосаэдр, имеющий 12 вершин; воздуху – октаэдр, имеющий 6 вершин, а огню – пирамида (тетраэдр), обладающая 4 вершинами. Между этими стихиями устанавливались таким образом отношения пропорций (геометрических, арифметических, гармонических) и музыкальные интервалы (тон, кварта, квинта и октава).² Система получилась филигранная, непротиворечивая внутри себя и совершенно курьезная по сути: она удовлетворяла только характеристикам того мира, который был выстроен в головах ее авторов, и решительно ничему в реальном мире, кроме музыкальных тонов, не соответствовала. Именно про подобные когнитивные конструкты Г. С. Батищев писал, что они «образуют замкнутую, в себе законченную, как бы завершенную систему, выражающую абстрактную сущность предмета в чистом ви-

¹ Кант И. Единственно возможное основание для доказательства бытия бога. Собр. соч. в 8 т. Т. 1. С. 399.

² Лосев А. Ф. История античной эстетики. Ранняя классика. М.: Ладомир, 1994. С. 250-275.

де».¹ Но одно дело – понятия, выражающие некоторую последнюю абстракцию, к которой можно прийти при анализе сущности предмета, и совсем другое – система последовательных приближений таких абстракций к релевантной когнитивной модели. Исходя из знания инверсивных отношений, которые составляют реальную форму противоречий в иерархических системах, попытаемся составить такую модель.

3.5. Многоуровневая модель противоречий

Мы называем противоречием весьма разные отношения: одно дело – противоречие типа «белое – не белое», и совсем другое – противоречие между природой и человеком, или между человеком и обществом, или между обществом и властью. Из тех реальных форм, которые приобретают противоречия в иерархических системах, могут быть выделены определенные порядки противоречий, к которым, в иллюстративных целях, отчасти применимы, как и в пифагорейско-платоновской системе, геометрические аналогии. Некоторые из этих противоречий общеизвестны и даже банальны; другие вскрываются только при анализе инверсивных отношений и потому составляют относительно новое понятие.

Не следует думать, что, рассматривая все более сложные формы противоречий и как бы нагромождая одни формы противоречий на другие, неизбежно приходится все дальше и дальше уходить в чисто умозрительную сферу. Как раз напротив. Путь от первого порядка противоречий к высшим (по сложности) порядкам – это также и путь от предельной абстракции к конкретике, к тем формам противоречий, которые существуют не только в

¹ Батищев Г. С. Противоречие как категория диалектической логики. М.: Высшая школа, 1963. С.99.

голове философа в виде максимально отвлеченных кон-
структов, но и реально определяют облик действительно
существующих систем, среди которых не последнее ме-
сто занимает система «человек». Противоречие первого
порядка, самое простое из всех, как раз сугубо умозри-
тельно и не может полностью соответствовать формам
отношений в каком бы то ни было действительном явле-
нии, ибо представляет такие отношения в предельно уп-
рощенном, а следовательно, в глубоко искаженном виде.
Противоречие высшего порядка в наибольшем прибли-
жении соответствует реально действующим формам про-
тиворечий. Выше было заявлено, что основной формой
противоречий во всевозможных системах являются ин-
версивные отношения. Рассматривая многоуровневую
модель противоречий, можно проследить, как данный
когнитивный конструкт восходит от своих простейших
форм, не имеющих отношения к инверсиям, к формам
высшим, наиболее близким к действительной картине
отношений в системах.

Итак:

1. Противоречие первого порядка. «А – не А». Не-
кое положительное утверждение, которому противостоит
отсутствие положительного. Из того, что нечто есть «не
А», не следует практически никакого реального знания о
данном предмете, а точнее сказать, в этой позиции со-
держится принципиально заложенное отсутствие таких
знаний. Поэтому мы не можем считать эти позиции про-
сто зеркальным отражением друг друга, как это постули-
руют некоторые авторы: «если для А его другим является
не-А, то для не-А его другим является А»¹. А и не-А не
зеркальны, а принципиально различны. Исходя из гео-

¹ См.: Попов В. В., Усатова Ю. Н., Щеглов Б. С. Переходные состояния в кон-
тексте социальных противоречий. URL:
<http://sisp.nkras.ru/issues/2011/3/popov.pdf> (дата обращения 23.08.2015).

метрических аналогий, такое противоречие может быть названо *точечным*: «А» – это есть точка в пустом пространстве, и все, что «не-А» – окружающая эту точку пустота. К аналогичному результату приводит и дихотомия «истинное – не-истинное (ложное)¹»: истинное есть нечто определенное, в то время как не-истинное такой определенностью не обладает. Как говорится, правда всегда одна. Одному-единственному истинному высказыванию может противостоять неисчислимое множество других высказываний, которые объединены лишь одним свойством: все они не-истинные. Именно поэтому, например, отрицательные знания не обладают никакой ценностью. Если я знаю только, что дельфин – *не* рыба, *не* рептилия, и *не* птица, то знаю ли я, что такое *есть* дельфин? Отрицательное в данном случае не есть зеркальное отображение положительного; если положительное обладает собственной определенностью, то пределом конкретности отрицательного является присовокупление к положительному (определенному) отрицательной частицы «не». Здесь мы имеем дело не с отрицательными величинами в декартовой системе координат, и не с тем гегелевским определением отрицательного, где оно тракту-

¹ Термин «ложное высказывание» имеет несколько смысловых оттенков. Ложное может трактоваться исключительно с негативных позиций, как отрицание истинного; в этом случае «ложное» и «не-истинное» – это, разумеется, одно и то же. Но ложное высказывание может быть и специально подготовленным средством для введения собеседника в заблуждение; очевидно, что для этого одни высказывания менее пригодны, нежели другие, и среди них может быть выделено наиболее подходящее для этого случая; прочие же высказывания, будучи тоже ложными, не достигнут желаемого эффекта, так как очевидно абсурдны. Тогда ложное высказывание будет трактоваться уже не с негативных, а с позитивных позиций, ибо обладает определенностью. Поэтому, чтобы избежать путаницы, в данном случае правильнее было бы употреблять термин «не-истинное»; «не-истинное», в противоположность истинному, определенностью не обладает.

ется как полный аналог положительного, но только с другим знаком.¹

Данная стадия осмысления любого понятия закономерна и неизбежна. Обособляя из паттерна действительности любой когнитивный конструкт, обладающий определенными свойствами, познающий субъект тем самым производит отрицание всего, что данной совокупностью свойств не наделено. Например, если мы констатируем, что в природе имеются живые существа, то тем самым мы утверждаем, что все остальное в ней является неживым.²

2. Противоречие второго порядка. «А – В». Здесь выделяется уже не одна, а две противостоящие друг другу точки. И точка А, и точка В описываются некоторыми положительными утверждениями.

Переход от первого порядка противоречий ко второму представлен во Второй аналитике Аристотеля: «Ведь противоположность есть *или* лишенность, *или* противоречие (выделено мною) в пределах одного и того же рода, как, например, в пределах чисел четное есть то, что не есть нечетное, поскольку одно следует из другого»³. Лишенность и противоречие – разные понятия. Лишенность

¹ Находим у Гегеля: «Различие в себе есть существенное различие положительного и отрицательного; первое есть тождественное отношение с собой таким образом, что оно не есть отрицательное, а второе есть различенное для себя таким образом, что оно не есть положительное. Так как каждое из них самостоятельно, поскольку оно не есть другое, то каждое из них светится видимостью в другом и есть лишь постольку, поскольку есть другое» (См.: Гегель, В. Ф. Г. Наука логики // Энциклопедия философских наук. М.: Мысль, 1974. Т. 1. С. 276). И видим далее: «В учении о противоречивых понятиях одно понятие называется, например, голубым (даже чувственное представление цвета называется в таком учении понятием), а другое – не-голубым, так что выходит, что это другое не есть некое утвердительное, например желтое, а фиксируется лишь как абстрактно отрицательное (Там же, С. 277).

² См.: Адэишвили Ш. Г. Логика, диалектика и реальное мышление. Тбилиси: Мецниереба, 1984. С. 43.

³ Аристотель. Вторая аналитика /Аристотель. Соч. в 4 т. Т.2. С. 265.

наблюдаем мы в противоречиях первого порядка: «А – не-А». Отношение между бесконечными множествами четных и нечетных чисел есть еще, вне всякого сомнения, противоречие первого порядка: возможность делиться нацело на два противостоит здесь простой невозможности это делать.

Второй порядок осмысления противоречий отображает отношения контрадикторности, при котором А полностью исключает В (и наоборот), но при наличии двух различных, противоположных и вполне определенных свойств. Никакого среднего утверждения между А и В не предусматривается. Исходя из геометрических аналогий, это – бинарное противоречие: речь идет о взаимодействии двух точечных объектов без всякого указания на то, каким образом эти объекты локализованы в условном пространстве. Соответственно, если бы мы захотели отобразить данное противоречие в виде условной схемы, нам пришлось бы разместить в пустом пространстве не одну, а две изолированные точки. В когнитивном плане это означает результат дивергенции, разведения и отделения друг от друга некоторых противостоящих свойств, что есть необходимый этап осмысления любых противоречий (но это не значит, что на этом этапе необходимо непременно особо останавливаться; в ряде случаев познающий субъект сразу же переходит к следующему этапу – противоречию третьего порядка).

3. Противоречие третьего порядка. «А ↔ В». По-прежнему как А, так и В содержат некоторую положительную информацию, и А противоречит В. В данном случае перед нами отношения контрарности.¹ Между А и

¹ Существует мнение, что «противоречие» – более узкий термин, чем «контрарность», поскольку он охватывает только один тип таких отношений, а именно отношения противостояния, противоположения, конфликта, в то время как «контрарность» – это универсальная черта действительности, заключающаяся

В, таким образом, может прослеживаться постепенная градация изменений. Геометрически это *линейное* противоречие, которое получено путем установления дивергенции и последующего выявления континуума между двумя крайними позициями. Его можно отобразить в виде отрезка прямой, причем А и В – это точки на концах отрезка. Дивергенция между двумя крайностями – А и В – технологически необходима нам при осмыслении любого конструкта, ибо таковы особенности нашего мышления;¹ и лишь затем мы уже можем проследить всю градацию изменений от А к В. Теперь мы вправе говорить, что эти два разных свойства могут под определенным углом зрения рассматриваться и как одно-единственное свойство, но представленное в разных пропорциях у двух субъектов противоречия. Так, свойство «быть молодым» противоречит свойству «быть старым», но и то и другое означает наличие какого-либо возраста, и только. На этом уровне осмысления, собственно говоря, и исчерпываются формы противоречий, которые принято рассматривать в рамках формальной логики, т. е. противоречия в предельно абстрагированной когнитивной модели, приведенной к форме логического высказывания.

Переместившись от второго к третьему порядку противоречия, мы не только получаем постепенную градацию какого-нибудь свойства. Говоря о противоречии, мы в этом случае отделяем само *свойство*, в котором коренится противоречие, от его *проявления* в субъекте противоречий.

в повсеместном наличии противоположностей (см.: Майданов А. С. Проблемы контрастности и их решение в чань-буддизме. URL: <http://iph.ras.ru/uplfile/evolep/majdanov-kontrarnost.pdf> (дата обращения 12.08.2015)). Однако здесь показано, что установление отношений контрастности в действительности составляет лишь предварительный этап осмысления противоречий.

¹ См.: Келли Дж. А. Теория личности: психология личностных конструктов. СПб.: Речь, 2000. С. 89.

Так, некоторое абсолютное свойство А противоречит абсолютному свойству В, и в этом случае никакого среднего между ними определяться не может. Но никакие свойства не существуют сами по себе, в безвоздушном пространстве. Все они суть атрибуты каких либо предметов, процессов, наконец, людей, которые и являются субъектами противоречий. Переходя от свойств к субъектам, мы совершаем очередной шаг от абстракции к конкретике. А вот уже субъекты противоречий, как носители свойств, могут занимать то или иное место в пределах некоторого континуума. Так, «добро», как абсолютная категория, противостоит «злу». Но эти категории в человеческом мире не существуют сами по себе, а лишь как свойства тех или иных людей. Свойства же людей выражаются в их поступках. При этом даже весьма злой человек наверняка совершал какие-либо добрые дела, и даже великий добряк числит за собой некоторые грехи, т. е. действия, причинившие кому-либо зло.

Например, Карл Поппер размещал все явления мира между двумя крайностями: «облаками» и «часами». Облака есть нечто хаотичное, капризное и непредсказуемое; часы, напротив, точны и предсказуемы; недаром говорят «работает как часы». Все же остальные вещи, естественные процессы и явления жизни К. Поппер размещал между этими двумя крайностями: облаками слева и часами справа.¹

Свойства предметов и явлений могут быть как дескриптивными (описательными), так и оценочными. Если описательные свойства вполне допускают ряд средних позиций между двумя крайностями, то оценочные свойства как раз и есть те самые абсолютные свойства, такие, как «добро» или «зло» (они сами по себе составляют не-

¹ Поппер К. Об облаках и часах // Логика и рост научного знания. М.: Прогресс, 1983. С. 380-391.

которую последнюю абстракцию). Поэтому вполне возможны описания таких свойств, которые, будучи сугубо описательными, сами по себе образуют континуум, но составляют противоречие применительно к определенным предметам. Например, от белого к черному прослеживается бесконечная палитра серых оттенков. Но утверждение «предмет X бел» противоречит высказыванию «предмет X черен». Впрочем, противоречие здесь только кажущееся, как и во всех подобных случаях применения соотносительных понятий. Например, утверждение «Луна белая» противоречит утверждению «Луна черная». Но Луна выглядит белой, потому что отражает часть солнечного света, в то время как космическая пустота вокруг нее не отражает ничего. И в то же время Луна может считаться черной, потому что она отражает вдвое меньше света, чем, например, чернозем (который, по общему мнению, черен). Но здесь мы уже не вмещаемся в данный порядок противоречий, ибо речь идет уже о другом уровне анализа и по крайней мере о двух разных измерениях одной и той же вещи (в данном примере – восприятие видимого цвета, с одной стороны, и его физическая оценка – с другой).

Таким образом, проявление свойства и оценка самого свойства приобретают противоположные черты. Если оценочное свойство А противоречит оценочному же свойству В, не допуская ничего среднего – это среднее проявляется при сопоставлении субъектов противоречий. Если дескриптивное свойство образует континуум между двумя крайними позициями, предусматривая постепенную градацию изменений, то противоречие создают проявления этих крайних свойств в субъектах противоречий. Таковыми они и останутся, если не осуществлять переход к дальнейшему анализу данных противоречий. Переход же к дальнейшим порядкам противоречий возможен

только в рамках уже более детального когнитивного конструктора, составленного в ходе анализа инверсивных отношений в иерархической структуре.

4. Противоречие четвертого порядка. Предусматривает взаимодействие не одного, а двух противоположных свойств. Возникает ввиду взаимодействия двух встречных (и параллельных) векторов. Схематически это может быть обозначено так:

$$\begin{array}{l} A \rightarrow B \\ C \leftarrow D \end{array}$$

Данный тип противоречий возникает, когда в иерархической системе один организационный принцип противоречит другому; иными словами, перед нами простейшая, схематическая форма инверсивных отношений в иерархии. На данном уровне абстракции, один организационный принцип, так сказать, ничем не лучше и ничем не хуже другого: формально они равны во всем, кроме направленности действия. Поскольку два параллельных, но противоположно направленных вектора (как и две параллельные прямые) располагаются в пределах одной плоскости, то, с геометрической точки зрения, это противоречие может быть обозначено как *плоскостное*.

Разнообразных противоречий, которые могут быть отнесены к данному порядку, можно привести очень много. Например, это (по Ф. Энгельсу) основное противоречие капитализма: противоречие между общественным характером производства и частнокапиталистическим характером присвоения.¹ Производство и присвоение представляют собой два самостоятельных действия,

¹ Энгельс Ф. Развитие социализма от утопии к науке // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч.: 2-е изд. М.: ГИПЛ, 1961. Т. 19. С. 228.

но одно носит общественный характер, а другое – частный; и то, и другое объединяется в рамках одного противоречия. Таково же по своей структуре противоречие, часто возникающее в современном управлении, между социальной справедливостью и экономической эффективностью.¹ Но, разумеется, это не значит, что подобные противоречия не нуждаются в дальнейшем анализе, и что для этого анализа нет необходимости переходить к моделям противоречия более высоких порядков.

Данное же противоречие представляет собой результат дальнейшего приближения к реальным объектам противоречия третьего порядка: третий порядок противоречия свидетельствует о противопоставлении некоторых свойств, но свойства не существуют сами по себе, вне своих носителей. Здесь мы видим переход от дефиниции абстрагированного свойства к определению принадлежности этих свойств кому-то или чему-то, какому-либо объекту (вещи, субъекту, явлению). Характеристикой данного порядка противоречий становится наличие у взаимодействующих объектов минимум двух свойств, которые объединены в предмете-носителе и одновременно создают возможность противоречия.

5. Противоречие пятого порядка. В данном случае имеют место три (или более) вектора, из которых хотя бы один направлен противоположно по отношению к остальным. Это соответствует инверсии в системе, в которой действует более двух организационных принципов. Переход от третьего порядка к четвертому – не просто количественный (стало на один вектор больше), но и качественный: возникают отношения транзитивности (два

¹ См.: Дьякова В. В. Противоречие между социальной справедливостью и экономической эффективностью в современном публичном управлении // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. 2009. Вып. 106. С. 225-230.

вектора, порознь противоречащие третьему, друг другу не противоречат).

Однако данная форма противоречий отражает статику, а не динамику, в ней не заложено предпосылок для ее дальнейших изменений. Все представленные в системе организационные принципы по-прежнему формально равны между собой. Геометрически же три параллельных вектора могут располагаться не только в одной плоскости, но и в пределах пространства. Все указанные здесь векторы параллельны друг другу, и пары, составленные из них, могут рассматриваться в пределах отдельной геометрической плоскости каждая, хотя вместе и могут образовывать пространственную структуру. Это говорит о том, что попарно данные организационные принципы имеют нечто общее друг с другом, какое-либо общее свойство, которое и создает почву для сравнений между самими принципами (сравнивать то, что не имеет общих свойств, невозможно по определению).

$$A \rightarrow B$$
$$C \leftarrow D$$
$$E \rightarrow F$$

Таким образом, данная форма противоречий может быть названа *пространственной статической*. Подобно противоречиям предыдущих порядков, этот порядок также может быть назван умозрительным: в нем нельзя указать даже ближайшие причины выявленных противоречий.

6. Противоречие шестого порядка. Организационные принципы, формирующие иерархию в системе, подразделяются на сущностные и атрибутивные. Это подразделение, как было показано ранее, играет чрезвычайно важную роль в самом факте возникновения противоречий

(поскольку сколь угодно большое количество одновременно действующих организационных принципов могут и не противоречить друг другу, а если все эти принципы сущностные – возникновение противоречий и в будущем попросту исключается). Однако возможность для актуализации противоречий появляется, как только в данной системе оказываются задействованными атрибутивные принципы. Таким образом, при переходе от пятого порядка противоречий к шестому формальное равенство организационных принципов (и обозначающих эти принципы векторов) упраздняется. А поскольку принадлежность организационных принципов к сущностным и атрибутивным не статична, а динамична (сущностный принцип может, при известных условиях, перейти в статус атрибутивного, и наоборот), то и сама данная форма противоречий также приобретает динамические черты. Однако эта возможность динамики носит пока еще сугубо потенциальный характер, поскольку подобные переходы атрибутивных принципов в сущностные (и обратно) возможны, но вовсе не обязательны. Таким образом, данная форма противоречий может быть обозначена как *пространственная, потенциально динамическая*.

$A \rightarrow B$ (сущностный)

$C \leftarrow D$ (атрибутивный)

$E \rightarrow F$ (атрибутивный)

7. Противоречие седьмого порядка. Между противоречащими друг другу векторами (и организационными принципами, которые они обозначают) возникают иные отношения, кроме транзитивности. В рамках данной системы организационные принципы приобретают разную значимость. Они (теперь можно говорить об этом) образуют иерархию второго порядка – иерархию организаци-

онных принципов. В этой иерархии, в свою очередь, также действуют свои организационные принципы. Итак, значимость разных организационных принципов, применительно к данной системе, теперь неодинакова, и порядок этой значимости обозначен цифрами на представленной схеме. При этом вторичная иерархия организационных принципов подчиняется тем же закономерностям, что и иерархия в данной системе в целом. На представленной ниже схеме организационные принципы пронумерованы по значимости:

1. $A \rightarrow B$ (сущностный)
2. $C \leftarrow D$ (атрибутивный)
3. $E \rightarrow F$ (атрибутивный)

Данная схема противоречий представляет собой наибольшее приближение к реализации противоречий в реальных системах. Такой схеме присуща внутренняя динамика, и уже не только потенциально: для динамических изменений в ней существуют все необходимые условия. В ней заданы и векторы дальнейших усложнений: вторичная иерархия организационных принципов подразумевает возможность третичной – и т. д. Поэтому можно сказать, что и седьмой порядок противоречий пределом не является. Кроме того, возможен количественный рост взаимодействующих организационных принципов. Итак, перед нами *пространственная динамическая* форма противоречий.

Таким образом, рассматривая любую когнитивную модель противоречий, мы должны отдавать себе отчет, каков уровень абстрактности или конкретности данной модели. Опорой для этого может послужить представленная здесь многоуровневая схема.

Исходя вышеизложенного, обратим внимание на другие стороны природы противоречия. Для этого следует рассмотреть свойства субъектов противоречий, ранее описанные формы противоречий, а также способы разрешения противоречий.

4. СВОЙСТВА ПРОТИВОРЕЧИЙ

4.1. Свойства субъектов противоречия

Рассмотрим, между какими *субъектами* (вещами, явлениями, свойствами) могут существовать противоречия. Для этого необходимо выяснить необходимые и достаточные условия, при которых мы вообще можем говорить о том, что там-то имеет место противоречие. Следует отметить, что речь здесь идет о не о формально-логических противоречиях в рамках высказывания (силлогизма), не об отображении противоречия в рамках того или иного когнитивного конструкта (который может быть совсем примитивным, как в противоречиях первого порядка, и гораздо более сложным в противоречиях высших порядков), а о диалектических противоречиях в реально действующих системах.

Противоречие следует отличать от отношений противоположности. Противоположность есть условие возникновения противоречий, условие необходимое, но отнюдь не достаточное. Нередко можно наблюдать ситуацию, при которой *противоположность* налицо, *противоречий* же вовсе нет. Так, северный полюс магнита противоположен южному; но никому в голову не приходит утверждать, что между полюсами магнита существуют какие-либо противоречия.¹ Однако для когнитивной мо-

¹ См. у Гегеля: «Обыкновенно думают, что в различии между положительным и отрицательным мы имеем абсолютное различие. Они оба, однако, в себе одно и то же, и можно было бы поэтому назвать положительное также и отрицательным и, наоборот, отрицательное – положительным... Северный полюс магнита невозможен без южного и южный – без северного. Если разрежем магнит на две половины, то мы не получим в одном куске северный полюс, а в другом южный. Вообще в противоположности различное имеет в качестве противостоящего себе не только некое другое, но свое другое» (Гегель В. Ф. Г. Наука логики // Энциклопедия философских наук. М.: Мысль, 1974. Т. 1. С. 278-279).

дели противоречия второго и даже третьего порядка такой противоположности уже достаточно. Это означает только одно: такие когнитивные модели ввиду своей чрезмерной упрощенности и абстрагированности включают в себя не только противоречие, но и те формы отношений, которые противоречием на самом деле не являются.

Первое требование к носителям противоречий состоит в их формальной и фактической определенности (самостоятельности, обособленности). Иными словами, противоречие возникает между *двумя* (как минимум) обособленными (самостоятельными) субъектами.

В связи с этим сразу же возникает промежуточный вопрос: а разве в *одном*, отдельно взятом предмете не могут существовать внутренние противоречия? Разумеется, внутренние противоречия возможны (и часто даже закономерны), но в данном случае мы не можем сказать, что этот *предмет* и есть *субъект противоречия*: вернее будет говорить, что он при подробном рассмотрении являет собой *систему*, в которую уже включены реально действующие субъекты противоречий.

Что же здесь имеется в виду под понятием определенности (обособленности, самостоятельности) субъекта противоречий? Если предмет, явление или процесс обладает одним-единственным свойством – противостоять другому подобному же предмету (явлению, процессу), сосуществующему с ним в рамках некоего высшего единства, и никаких иных собственных свойств в себе не несет, то такой предмет, явление или процесс нельзя назвать самостоятельным. Следовательно, в качестве субъекта противоречия он выступать не может (здесь как раз и следовало бы говорить не о *противоречии*, а о *противоположности*). Если же, помимо общей основы и способности противостоять своему антиподу, данный пред-

мет (явление, процесс) обладает некоторым собственным, составляющим его идентичность, комплексом свойств (или хотя бы одним-единственным таким свойством), то он, безусловно, уже может стать полноценным субъектом противоречия. Далее будет показано, что необходимые свойства предмета противоречия (т. е., в данном случае, его обособленности) делают возможными по отношению к нему операции символического мышления.

Гегель высказал сходную мысль в следующей форме: «Различие есть... непосредственное различие, разность, т. е. различие, в котором каждое различенное есть само по себе то, что оно есть, и равнодушно к своему отношению с другим, которое, таким образом, есть для него нечто внешнее. Вследствие равнодушия различенных к своему отличию последнее пребывает вне их в чем-то третьем, производящем сравнение».¹ Но «равнодушно к своему отношению к другим» может быть только то, что обладает некоторой самодостаточностью вне этого отношения.

Общая основа, объединяющая два и более предмета, таким образом, не может считаться подобным свойством, обеспечивающим собственную идентичность предмета. Эта общая основа в таксономическом отношении есть явление более высокого порядка, нежели способность одного предмета противостоять другому. Она отнесена не к уровню предмета, а к уровню всей системы. Собственные же свойства предмета отнесены именно к самому этому предмету, и как раз поэтому составляют его идентичность. При отсутствии такой идентичности субъект противоречия возникнуть не может.

Так, к субъектам противоречий не могут быть отнесены два формально противоположно направленных, но

¹ Гегель В. Ф. Г. Наука логики // Энциклопедия философских наук. М.: Мысль, 1974. Т. 1. С. 273.

целиком взаимообусловленных *процесса* (поскольку они фактически составляют *один* общий процесс, на единой общей основе). Такими взаимообусловленными процессами является, например, возникновение и уничтожение, имеющие общую основу – материю.¹ Понятия «анализ-синтез», «абстрагирование-обобщение», «опредмечивание-распредмечивание», «ассимиляция-диссимиляция» также не составляют в парах никакого противоречия. Действительно, без анализа нет синтеза. Без абстрагирования нечем было бы обобщать. Без опредмечивания исчезает самая основа для распредмечивания. Наконец, без ассимиляции организму просто нечего было бы диссимилировать (да и сам организм, конечно, неминуемо погиб бы, а точнее, не зародился бы вовсе). Разделение данных процессов на взаимоисключающие стороны в целом искусственно и возникает главным образом из-за потребности в категоризации, без которой не может строиться наше восприятие.² В данных формах отношений, очевидно, тождество стоит на первом месте – и не в количественном, а в качественном отношении, ибо, кроме этого тождества, противостоящие стороны не обладают ничем иным. В концепции Л. Е. Балашова именно такая форма отношений могла бы быть отнесена к противоречиям типа Q (т. е. к тем, в которых преобладают отношения тождества).³ В действительности же здесь вовсе не следует говорить о противоречиях. Одна сторона процесса противоположна другой, но она не противоречит ей.

¹ См.: Аристотель. О небе /Аристотель. Соч.: в 4 т. Т.3. С. 304-305.

² См.: Тихонов А. В. К вопросу о познании внутренней противоречивости живой природы в формировании теории естественного отбора // Проблема диалектического противоречия (методологический аспект): Межвуз. сб. Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1987. С. 49. См. также: Брунер Дж. Психология познания. М.: Прогресс, 1977. 412 с.; Солсо Р. Л. Когнитивная психология. СПб.: Питер, 2002. 592 с.

³ Балашов Л. Е. Противоречие (категориально-логический портрет) // Полигнозис.1998, № 3. С. 3-33; Балашов Л. Е. Мир глазами философа. (Категориальная картина мира). М.: АCADEMIA, 1997. С. 148-151.

Гегель усматривал осознание противоречия как некоторый дальнейший шаг после определения противоположности: там, где рассудок утверждает некоторое абстрактное «или-или», разум выявляет противоречие.¹ Однако этот шаг от противоположности к противоречию должен сопровождаться определенной конкретизацией противостоящих сторон; в противном случае мы так и останемся в пределах прежней абстракции. А для этого нам необходимо выявить определенность (самостоятельность) сторон противоречия.

Противоречащие процессы, предметы и явления действительно должны иметь некоторую общую основу (то есть элемент тождества, как в общем справедливо указывал Л. Е. Балашов), но не должны при этом совершенно обуславливать друг друга. Таким образом, процессы, имеющие общую основу, но не имеющие никакой определенности за пределами этой основы, противоречащими считаться не могут. Но и процессы, не имеющие такой общей основы, не могут противоречить один другому. Демократизация общества не может противоречить тепловому движению молекул газа. Необходимость тождества в рамках противоречия не есть лишь свойство мышления (и отражения в целом), вследствие которого, как считал Теодор Адорно, тождество и противоречие мышления «намертво приварены» друг к другу.² Данное тождество есть системное свойство отражаемого мира.

Таким образом, тот или иной *процесс, явление* или *предмет* может вступать с чем-либо в противоречие лишь при условии того, что он обладает реальной (а не на уровне нашего, по природе своей ограниченного, восприятия) обособленностью. *Человек*, например, такой обособленностью, по определению, обладает.

¹ См.: Гегель В. Ф. Г. Наука логики // Энциклопедия философских наук. М.: Мысль, 1974. Т. 1. С. 279-280.

² Адорно Т. В. Негативная диалектика. М.: Научный мир, 2003. 374 с.

В марксизме диалектическое противоречие трактовалось как «взаимодействие противоположных, взаимоисключающих сторон и тенденций предметов и явлений, которые вместе с тем находятся во внутреннем единстве и взаимопроникновении, выступая источником самодвижения и развития объективного мира и познания».¹ Повторенное многократно, это высказывание стало уже банальностью. Но, в свете вышесказанного, такое определение не может считаться удовлетворительным. Оно отражает, безусловно, необходимые, но не достаточные условия для того, чтобы возникло именно противоречие, а не простая противоположность. Догматичное представление подобных высказываний приводит к тому, что диалектическую логику называют самым спорным и наименее понятным аспектом и гегельянства, и марксизма.²

В качестве весьма любопытной иллюстрации можно привести выдержку из глубоко вторичной, но все же красноречивой работы «Великого кормчего» Мао Цзэдуна, написанной еще в 1937 г.: «...Противоречивые стороны не могут существовать изолированно друг от друга. Если отсутствует одна из двух противостоящих, противоречивых сторон, то исчезают условия существования и для другой стороны. Подумайте: может ли существовать отдельно какое-нибудь из противоположных друг другу явлений или противоположных по значению понятий, возникающих в сознании человека? Без жизни нет смерти; без смерти нет жизни. Без верха нет низа; без низа нет верха. Без беды нет счастья; без счастья нет беды. Без легкого нет трудного; без трудного нет легкого. Без по-

¹ Философский энциклопедический словарь / редкол.: С. С. Аверинцев, Э. А. Араб-Оглы, Л. Ф. Ильичев [и др]. 2-е изд. М.: Советская энциклопедия, 1989. С. 523.

² Sayers S. Contradiction and Dialectic – URL: http://www.academia.edu/3035424/Contradiction_and_Dialectic (дата обращения 12.08.2015).

мещика нет арендатора; без арендатора нет помещика. Без буржуазии нет пролетариата; без пролетариата нет буржуазии. Без империалистического национального гнета нет колоний и полукolonий; без колоний и полукolonий нет империалистического национального гнета. Так обстоит дело со всеми противоположностями. В определенных условиях они, с одной стороны, противостоят друг другу, а с другой – взаимно связаны, взаимно пронизываются, взаимно проникаются, взаимно зависят».¹

Среди примеров, которые перечислил здесь «Великий кормчий», есть вполне определенные субъекты противоречий, имеющие общую основу со своей диалектической парой, но не растворенные в этой основе. Например, разве свойства пролетариата целиком исчерпываются его отношением к буржуазии (а свойства буржуазии – ее отношением к пролетариату)? Отнюдь нет: и тот, и другой класс обладают разнообразными собственными свойствами, составляющими их характеристику (например, психологическими или культурными, или моральными, чему посвящены специальные исследования²), и на этом основании обладают определенной идентичностью. Вспомним, например, сюрреалистический фильм Луиса Бунюэля «Скромное обаяние буржуазии».³ В этом фильме представлен целый букет свойств буржуазной среды, но о взаимоотношениях буржуазии и пролетариата не сказано буквально ни единого слова. Некоторые другие приведенные Мао Цзэдуном примеры есть отображение противоположности, но не противоречия. Верх противоположен низу, но не противоречит ему. Таким образом,

¹ Мао Цзэдун. Относительно противоречия (1937 г.). URL: http://library.maoism.ru/on_contradiction.htm (дата обращения 12.08.2015).

² См.: Оссовская М. Рышарь и буржуа. Исследование по истории морали. М.: Прогресс, 1987. С. 177-459.

³ «Le Charme discret de la bourgeoisie» (1972 г.).

способность некоторого предмета (явления, процесса) быть субъектом противоречий исходит из комплекса свойств, которыми он обладает.

Традиционно принято считать, что противоречат друг другу определенные *вещи* (а также и *люди*, и социальные объекты). Вот одно из такого рода определений: «Всякое отношение объективно существующих вещей, в рамках которых вещи устанавливают и обнаруживают свои различия (свою противоположность)... есть противоречие».¹ Следует рассмотреть, насколько эта традиция обоснована. В связи с этим необходимо еще раз рассмотреть отдельные категории предметов, которые могут (либо не могут) вступать друг с другом в противоречия.

Могут ли противоречить друг другу *абсолютно разные вещи*, не объединенные в какой-либо одной системе? Как было показано выше, очевидно, нет, ибо именно в силу их разности между ними отсутствует необходимая общая основа (т. е. отношения тождества).

Могут ли противоречить друг другу *разные* вещи в рамках одной системы? Исходя из вышеизложенного, могут, и именно благодаря тому, если у них есть некоторые объединяющие свойства, вследствие чего они и находятся в пределах одной системы. Одни свойства объединяют, иные же друг другу противостоят; но при условии, что противостоящие свойства не являются в данном предмете единственными. Так от противоречия вещей (или систем) мы приходим к противоречию свойств. Однако далее нам следует вспомнить высказывание Иммануила Канта: «Что противоречит признаку вещи, противоречит и самой вещи (*repugnans notae repugnat rei ipsi*)».²

¹ Райбекас А. Я. К вопросу о природе диалектического противоречия // Проблема диалектического противоречия (методологический аспект): межвуз. сб. Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1987. С. 9.

² Кант И. Ложное мудрствование в четырех фигурах силлогизма / И. Кант. Собр. соч. в 8 томах. Т. 2. С. 26.

Исходя из понимания противоречия как инверсивных отношений в иерархических системах, уместно применить обратное высказывание, которое, очевидно, будет справедливым: «Что противоречит самой вещи, противоречит и [некоторому] признаку вещи». Это не простая перестановка: она подчеркивает, что наряду с тем признаком, по отношению к которому действует противоречие, у вещи есть и иные признаки, к данному противоречию отношения не имеющие.

Вещь выступает как некоторое высшее единство, обладающее свойством эмерджентности (т. е. несводимое к сумме составляющих его элементов, исходя из платоновского «принципа лица» (и в противоположность «принципу золота», декларирующему аддитивность). Золото, на какие бы компоненты мы его ни делили, все равно остается золотом; лицо человека, поделенное на части, уже не лицо.¹ Это соответствует структуре конъюнктивного понятия, в противоположность понятию дизъюнктивному. Платон рассматривал таким образом части добродетели, которая есть отвлеченное понятие; но в наше время свойство эмерджентности рассматривается как непременная принадлежность любой системы.

Противоречить друг другу могут разные *стороны* одной *вещи* (при системном анализе этой вещи эти стороны выступают как отображение организационных принципов). Иначе говоря, чтобы признать такую разносторонность, мы должны трактовать эту вещь уже как некоторую *систему*. А в системе существуют внутренние связи, в ней действуют силы, разные по своей природе, обладающие различными, формирующими идентичность этих сил, свойствами. Эти силы образуют единство в рамках этой системы, но и могут противостоять друг другу, составляя основу для противоречия. В то же время

¹ Платон. Протагор // Собр. соч. в 4-х т. Том 1. М.: Мысль, 1990. С. 418-476.

силы, действующие в рамках одной системы в противоположных направлениях, но имеющие при этом одинаковую природу, противоречия не образуют; при сложении таких сил в той или иной точке обретается их равенство, и в результате они «дают чистый нуль, состояние совершеннейшего покоя – полнейшей статики».¹ Находим у Иммануила Канта: «Сила, движущая тело в одну сторону, и равное стремление того же тела в противоположном направлении не противоречат друг другу и в качестве предикатов возможны в одном и том же теле одновременно. Следствие этого покой».²

Таким образом, для формирования противоречия требуется не одно только единство и не одно различие, но различие в рамках некоторого единства, при неизменном условии самостоятельности (обособленности) противостоящих сил. Иными словами, противоречие нельзя истолковать как два противоположно направленных вектора, исходящих из одной точки, либо одну общую ось координат; в этом случае в результате взаимодействия этих векторов и был бы получен «чистый нуль», вместо проявления активности в системе. Чтобы модель противоречия была адекватной, в ней должно быть отображено минимум два параллельных вектора, имеющих противоположное, встречное направление. Именно такую картину можно получить в результате схематизации инверсивных отношений: вектор одного организационного принципа в иерархии направлен против вектора другого организационного принципа; один вектор нацелен в иерархии вверх, другой – вниз. Данная схема становится очевидной при восхождении к противоречию четвертого порядка (см. подраздел 3.5), а в противоречиях более вы-

¹ Батищев Г. С. Противоречие как категория диалектической логики. М.: Высшая школа, 1963. С. 25.

² Кант И. Опыт введения в философию понятия отрицательных величин / И. Кант. Собр. соч.: в 8 т. Т. 2. С. 46.

соких порядков эта картина лишь получает дальнейшую детализацию.

Обыкновенно, краткости ради упрощая суть дела, мы говорим, что некоторый субъект отношений (индивид, предмет, явление) номер один противоречит субъекту (индивиду, предмету, явлению) номер два. В действительности так не бывает: сам по себе субъект субъекту противоречить не может, противоречат *свойства* данных субъектов, а сами субъекты вступают в противоречие друг с другом именно и только потому и постольку, поскольку они являются носителями этих противоположно направленных свойств (и могут быть *сравнимы*, исходя из контекста каждого данного свойства и общей системной принадлежности). Организационные принципы в иерархиях как раз и выражают наличие подобных свойств. Различия же природы самих этих свойств, присущих субъектам противоречия, предполагают, что в системе действует, по крайней мере, более одного организационного принципа (что мы и наблюдаем во всех реально действующих системах).

Каждый из таких принципов в отдельности выражает некоторые отношения контражности, т. е. по сути то же самое, что и взаимоисключающие стороны в рамках одного предмета (только здесь это – взаимоисключающие свойства в рамках одной *системы*). Однако диалектическое противоречие возникает не иначе, как в результате взаимодействия двух и более организационных принципов между собой. Свойства субъектов противостояния и составляют базу для тех или иных организационных принципов: сущностных принципов, если речь идет о неизменных и неотъемлемых свойствах, и атрибутивных принципов, если имеются в виду изменчивые и непостоянные свойства.

4.2. Антагонистические и неантагонистические противоречия

Необходимо сказать несколько слов в отношении декларированных марксистами антагонистических и неантагонистических противоречий. «После тысячелетнего существования общества, раздираемого антагонистическими противоречиями, – писал отечественный автор Г. М. Штаркс, – в результате социалистической революции складывается общественный строй, развитие которого связано с действием неантагонистических противоречий. Возникает качественно особый тип противоречий – по содержанию, формам развития и преодоления и всем другим отличительным признакам. Решающим и исходным пунктом для понимания неантагонистических противоречий социализма является присущее ему единство в экономических, социально-политических и идейных отношениях между социальными группами общества, между людьми».¹

Однако является ли указанный тип противоречия принципиально новым? В предыдущем подразделе было показано, что наличие общего базиса между субъектами противоречий подразумевается в буквальном смысле в любом, а не только в неантагонистическом противоречии. Это – вообще свойство всех, без исключения, противоречий; оно, как указывалось выше, заключается в том, что субъекты противоречия непременно имеют некоторую форму тождества, которая реализуется через их принадлежность к одной и той же системе.

Если говорить о том, чем отличаются антагонистические противоречия от неантагонистических, то здесь может быть представлено три толкования этих различий.

¹ Штаркс Г. М. Социальное единство и противоречия социалистического общества. М.: Изд-во МГУ, 1966. 144 с.

Первое заключается в том, что неантагонистические противоречия рассматривались всеми декларировавшими их авторами как атрибут социализма; следовательно, данный термин сформулирован вторично, как свидетельство преимуществ данного общественного строя. Рассмотрение и оценка таких преимуществ не входит в задачи данной работы; это означало бы уход из философской в общественно-политическую и идеологическую сферу. Показательно, что отечественными философами концепция неантагонистических противоречий по факту признавалась состоятельной исключительно постольку, поскольку применялась к социалистическому строю; в то же время содержательно близкая к ней концепция социального партнерства, которая рассматривалась применительно к капиталистическому строю, отвергалась как противоречащая классовой теории.¹

Второе толкование заключается в том, что отношения тождества в данных противоречиях преобладают над отношениями противоположности; воспользовавшись концепцией Л. Е. Балашова, можно снова обнаружить перед собой противоречия типа Q.² Однако анализ инверсивных отношений, в которых и находят практическое выражение противоречия, показывает: если понимать границу между антагонистическими и неантагонистическими противоречиями именно так, то в реальности граница эта становится весьма условной. Противостоящие друг другу организационные принципы, как упоминалось, по своей взаимной значимости неравны и образуют в системе собственную иерархию (иерархию второго порядка). Более того, эти принципы обладают не только *разной*, но и *непостоянной* взаимной значимостью. Сего-

¹ См.: Иванов С. А. Социальное партнерство как феномен цивилизации // Журнал социологии и социальной антропологии. 2005. Т. VIII, № 3. С. 79-99.

² См.: Балашов Л. Е. Мир глазами философа. (Категориальная картина мира). М.: АCADEMIA, 1997. С. 148-151.

дня один организационный принцип в данной системе значительнее всех других; завтра о нем никто и не вспомнит. Например, в России XIX в. социальную иерархию формировали сразу несколько организационных принципов, среди которых главнейшим был сословный принцип (сущностный), а сразу за ним следовал имущественный принцип (атрибутивный). Согласно первому принципу, «главнее» был тот, кто относится к более высокому сословию, кто более родовит; согласно второму принципу – «главнее» тот, кто более богат. Эти принципы были важнейшими, и основные общественные противоречия порождались тем, что направленность этих принципов зачастую не совпадала. Но уже февральская буржуазно-демократическая революция 1917 г. фактически похоронила сословный принцип, а имущественный принцип был значительно дезавуирован (на время) при строительстве социализма. На первое место в это время вышли иные принципы. Таким образом, некоторый организационный принцип, действующий в иерархической системе, противостоящий остальным и создающий тем самым противоречие, может в каждый момент времени как превосходить остальные организационные принципы по своему значению, так и уступать им. Это, в частности, зависит от внешних воздействий на данную систему и обуславливает внутренние процессы, протекающие в ней. В данной динамической среде мы уже не можем с точностью определить, тождество или различие преобладает в той или иной форме отношений; к тому же тождество и различие – качества, отнюдь не достаточные для исчерпывающей характеристики противоречия.

Наконец, чтобы понять разницу между антагонистическим и неантагонистическим противоречием, следует обратиться к способам разрешения противоречий. Здесь различия между двумя этими типами противоречий про-

слеживаются наиболее ярко, что, однако, еще не свидетельствует о действительной состоятельности такого деления.

Антагонистические противоречия подразумевают, что по разрешении противоречия оба его субъекта в прежней своей идентичности далее существовать не могут. В то же время неантагонистические противоречия могут быть разрешены и при сохранении действующих субъектов противоречий. Здесь мы снова возвращаемся к идеологическим конструкциям, предполагающим коренные преимущества защищаемого ими социалистического строя: при отсутствии антагонистических противоречий, очевидно, не предвидятся никакие социальные потрясения; при их сохранении (в другом общественном строе) такие потрясения, напротив, предполагаются.

Однако форма противоречий зависит от организационных принципов, действующих в иерархической системе, и от внутрисистемной мобильности в ней. Следовательно, разрешение противоречий состоит прежде всего в изменениях данных принципов, а также их взаимоотношений в рамках иерархии второго порядка, и от возможности вертикальных внутрисистемных перемещений.

В известной книге Ильфа и Петрова «Одноэтажная Америка» приводится показательный пример. В США 30-х годов прошлого века была весьма популярна утопическая идея перераспределения богатств; при этом предполагалось деньги у богатых людей изъять, но непременно оставить им по пять миллионов долларов. Один из американских попутчиков Ильфа и Петрова, человек с самого социального дна, был страстным поборником этой идеи; возник, однако, вопрос – для чего же оставлять те самые пять миллионов? Ответ прост: этот бедняк сам подсознательно надеялся в последующем стать миллио-

нером.¹ В данном случае имущественный принцип в иерархии оставался неизменно главенствующим, и никакие социальные эксперименты (даже если бы они были осуществлены) фактически ничего не изменили бы в обществе. Однако к данной общественной системе термин «антагонистические противоречия» едва ли мог быть применим. Марксистами данный термин целиком применен к сфере материальных отношений, отношений собственности на средства производства; однако именно в этой области он показывает себя несостоятельным. Имущественный принцип уже в силу своей атрибутивности не предполагает *принципиально* непроходимых барьеров между социальными этажами в иерархии (хотя для очень многих людей такие барьеры действительно на практике оказываются непреодолимыми). Излюбленная фигура в американской социальной мифологии – миллиардер, который начинал свой бизнес с чистки ботинок или с торговли сигаретами поштучно, а потом «сделал себя сам». Таким образом, различие между обществом, где декларируются антагонистические противоречия, и обществом, где противоречия заявлены как неантагонистические, упирается в изменения в иерархии самих организационных принципов. Понятно, что в обществе всеобщего имущественного равенства для действия имущественного организационного принципа просто исчезает почва. Но даже большевики в России не смогли полностью ликвидировать в общественной иерархии действие имущественного организационного принципа. При сохранении же этого принципа для каждого индивидуума разрешение социальных противоречий состоит скорее в возможности его собственного социального перемещения, нежели в установлении общего принципа социальной справедли-

¹ Ильф И., Петров Е. Одноэтажная Америка. Письма из Америки. М.: Текст, 2004. С.223-226.

ности. Точно так же ни один восставший раб не стремился уничтожить институт рабства: он сам желал сделаться рабовладельцем.

В то же время законодательное упразднение класса собственников в СССР не привело к ликвидации социальных противоречий в обществе. Следствием этого и стала новая смена общественно-исторической формации, то есть те самые социальные потрясения, которые ранее заявлялись как невозможные ввиду декларированного отсутствия антагонизма. Из этого, в свою очередь, следует, что декларированное отсутствие антагонистических противоречий при социализме имело место не в самой социальной системе, а лишь в когнитивном (идеологическом) конструкте, ее публично изображающем.

Общество, которое в теории стремилось к бесклассовому статусу, на практике столкнулось с противоречиями, связанными с неминуемым воспроизводством иерархической социальной модели и выделением в рамках бюрократической системы номенклатурного управляющего класса. И крах этого общества был обусловлен противоречиями, которые были порождены именно свойствами этого управляющего класса: противоречием между огромным объемом властных полномочий и отсутствием возможности (в условиях социализма) капитализировать эту власть, придать ей адекватное денежное и вещественное выражение.

Таким образом, существующая дефиниция антагонистических и неантагонистических противоречий не представляется состоятельной.¹ В самом упрощенном виде она может быть принята, очевидно только в таком виде: если по результатам разрешения противоречий между субъектами А и В остается либо А, либо В, либо не оста-

¹ См.: Weston T. The Concept of Non-Antagonistic Contradiction in Soviet Philosophy // Science & Society. October 2008. Vol. 72. N4. P. 427-454.

ется ни того, ни другого субъекта – это отношения антагонистические; если же сохраняются субъекты А и В – тогда отношения могут рассматриваться как неантагонистические. Но данное деление опять-таки ничего не говорит о природе самих противоречий. Однако сама постановка вопроса о порядке разрешения противоречий представляет несомненный интерес. Анализ инверсивных отношений является в этом случае инструментом, позволяющим раскрыть закономерности разрешения противоречий.

4.3. Разрешение противоречий

Исходя из того положения, что противоречие в системах проявляется в форме инверсивных отношений, разрешение противоречий следует рассматривать как ликвидацию инверсивных отношений и восстановление отношений ордера. Итак, основываясь на максимальном приближении когнитивной модели к реальным внутри-системным отношениям, рассмотрим, какие существуют формы разрешения противоречия.

Одна из форм разрешения противоречий предполагает, что по крайней мере один из субъектов противоречия должен быть ликвидирован; в отсутствие внешнего вмешательства в систему это означает, что один из субъектов противоречия фактически уничтожает другой. Возможен и такой вариант, при котором разрешение противоречия происходит путем полного взаимного уничтожения противоборствующих сторон. Ликвидировав оппонента, оставшийся субъект противоречия тем самым изменяет и собственную идентичность, поскольку предыдущий его статус в значительной мере был обусловлен наличием данного противоречия (т. е. определенных инверсивных отношений).

Кроме того, существует вариант, при котором происходит не уничтожение одного субъекта противоречия другим, просто один из двух субъектов противоречия завершает свой жизненный цикл и потому покидает процесс взаимодействия. В предельном варианте он исчез бы даже и в том случае, если бы и не участвовал в каких бы то ни было внешних (по отношению к нему самому) противоречиях. По аналогии с генетически запрограммированной гибелью живой клетки, такой финал может быть назван апоптозом.¹ Апоптоз происходит вследствие того, что субъект противоречия сам представляет собой систему, наделенную собственными внутренними противоречиями (инверсивными отношениями), под влиянием которых он разрушается и гибнет.

Наконец, погибнуть может сама система, в которой нарастают инверсивные отношения. Гибель данной системы происходит вследствие того, что первоначальный упорядоченный облик данной системы под тяжестью накопившихся инверсий полностью утрачивается, актуальность связей внутри системы исчезает, в системе начинают преобладать центробежные тенденции и она распадается на составляющие ее элементы (ситуация еще усугубляется тем, что и сами элементы данной системы не остаются при этом неизменными, а нередко и гибнут вместе с системой). Типичным случаем такого рода является гибель организма в результате болезни, которая обусловлена инверсией его защитных систем. Будучи в иерархически подчиненном положении, защитные системы живого организма поддерживают его жизнеспособность; если же происходит инверсия и функции защитных систем выходят на первый план, то именно они, а не внешние болезнетворные воздействия становятся непосредст-

¹ Апоптоз (греч.) – опадание листьев; в биологии: регулируемый процесс программируемой гибели живой клетки. В данном случае – процесс гибели системы под влиянием внутренних противоречий.

венной причиной смерти. Например, анафилактический шок является примером практически молниеносного самоубийства организма при посредстве собственных защитных систем. Такое случается не только в системе «организм». Если у вас дома хранится боевой пистолет, приобретенный, чтобы защищать дом от бандитов, то наиболее вероятная живая мишень, в которую этот пистолет в конце концов выстрелит – ваша собственная голова.

Если рассматривать гибель системы под воздействием одних только внутренних противоречий, то следует помнить, что это – в значительной мере гипотетическая ситуация. На практике обычно никакая система не может похвастаться полной автономией и отсутствием взаимодействия с другими системами. Поэтому в действительных жизненных ситуациях внутренние противоречия становятся обычно предрасполагающей причиной для краха той или иной системы, а в роли производящей причины (последнего толчка) выступают внешние факторы, т. е. межсистемные взаимодействия, или, иначе говоря, противоречия в рамках метасистемы, в которую рассматриваемая система, в свою очередь, включена на правах одного из элементов. Например, если какое-нибудь государственное образование оказывается ослабленным ввиду наличия серьезных внутренних противоречий, то, как правило, такое государство не подвергается распаду само по себе «естественным путем», а становится добычей более целеустремленных и организованных соседей.

Существуют, однако, и иные пути ликвидации инверсивных отношений, не связанные с разрушением самой системы. Инверсивные отношения в системе могут быть разрешены вертикальным перемещением составляющих данную систему элементов. Если элемент в иерархии, формально занимающий низшую позицию, но по

ряду своих свойств достойный более высокого иерархического положения, совершит в иерархии вертикальное восхождение, инверсивные отношения тем самым могут быть разрешены. В этом случае система не только не терпит ущерба, но в ней могут создаваться предпосылки для ее дальнейшего развития. Но для этого в ней должен реализоваться особый тип инверсивных отношений.

Стандартная ситуация, в которой возникают инверсивные отношения, как уже говорилось, такова: направленность отношений, задаваемая сущностным принципом, по-прежнему соответствует отношениям ордера; однако атрибутивный принцип, по мере изменения нестабильного атрибута (свойства элементов иерархии), формирует противоположную направленность. Эти новоприобретенные отношения приобретают все большую значимость, в результате чего система разрушается или основательно трансформируется. Тем самым жизненный цикл системы, в настоящем ее виде, приходит к своему финалу.

Возможна, однако, и другая ситуация, при которой как раз атрибутивный принцип обеспечивает отношения ордера, а противостоит ему сущностный принцип, в результате действия которого и возникают инверсивные отношения. Такая ситуация возникает вследствие того, что принадлежность организационных принципов к классу сущностных или атрибутивных, как было показано выше, вообще относительна, а взаимная значимость их непостоянна. Данный вариант инверсивных отношений разрешается следующим образом: элемент перемещается в системе вверх, атрибутивный принцип прекращает или редуцирует свое действие, и тем самым в системе восстанавливаются отношения ордера, а не усугубляется распространение инверсий. Однако система при этом приобретает некоторые новые качества; она делает определен-

ный шаг в своем поступательном развитии. На примере развития человеческой активности такой вариант инверсивных отношений будет рассматриваться в соответствующем разделе этой работы.

Общая схема развития системы под воздействием инверсивных отношений может быть, скажем, следующей. В качестве модели возьмем моноиерархию (т. е. иерархию, в которой, в отличие от полииерархии, на каждом из соподчиненных уровней присутствует только один элемент, и потому иерархия выглядит линейной, а не древовидной). В этом случае можно говорить, что в системе может вертикально перемещаться не тот или иной элемент, а весь иерархический уровень целиком. Высший уровень в иерархии качественно отличается от всех нижележащих уровней (от них он в свое время и был обособлен на этом основании). Он, например, может быть самым многофункциональным (т. е. его высшее расположение продиктовано *функциональным* организационным принципом). Ввиду этой функциональной загруженности он нуждается в некотором относительно самостоятельном обслуживающем аппарате, отделившемся от него на правах подчиненного подуровня. Этот подуровень выполняет при высшем иерархическом уровне служебные (субмиссивные, обеспечивающие) функции. Такая ситуация сохраняется в пределах отношений ордера; однако в последующем в системе возникают инверсивные отношения. Субмиссивный подуровень, исполняющий служебную роль, по некоторым параметрам превосходит высший уровень в иерархии, причем это превосходство обусловлено действием сущностного организационного принципа (например, это может быть композиционный принцип, если подчиненный элемент превзошел вышележащий по сложности своего устройства). Это объективно приводит к ослаблению лидирующих пози-

ций высшего уровня в иерархии. Если бы в системе наблюдался только дальнейший рост инверсивных отношений, эта система в конечном счете непременно рухнула бы под тяжестью накопившихся противоречий. Но для системы существует и иной выход: обособление нового верховного (*супрематического*)¹ уровня, не связанного инверсивными отношениями с ныне действующими уровнями; происходит переход системы от одного аттрактора к другому.² Ниже супрематического уровня инверсивные отношения между элементами могут сохраняться, но сам этот вновь образовавшийся уровень инверсиям в данный момент не подвержен: для него, на время его возникновения, актуальны лишь отношения ордера. Система перестает быть полностью инверсивной, она претерпевает ароморфоз, и в этом заключается ее спасение. Вместо возможного распада она приобретает новые общие качества и новые ресурсы.

Выделившийся супрематический уровень тут же замыкает на себя большую часть «полномочий» в системе, оставляя служебные функции теперь уже всем нижележащим уровням, в том числе и тому, который только недавно был в системе главным. В результате даже и те инверсивные связи, которые сохранились еще на нижележащих уровнях в данной системе, утрачивают в большой мере свою значимость и не могут уже стать причиной распада.

Как же происходит это обособление супрематического уровня? Очевидно, он не может возникать и формироваться *in situ*³, непосредственно на том месте в иерархии, где ему предстоит функционировать и далее. В ходе своего созревания такой уровень должен пережить

¹ Супрематический (от лат. *supremus*) – наивысший.

²См.: Хакен Г. Информация и самоорганизация: Макроскопический подход к сложным системам. М.: Мир, 1991. 240 с.

³ *In situ* (лат.) - на месте.

некоторый эмбриональный этап, во время прохождения которого будущий супрематический уровень не может претендовать на главенствующую роль просто по причине своей функциональной незрелости. Поэтому созревание этого уровня происходит на одной иерархической позиции, дальнейшее функционирование – уже на другой. Таким образом, вновь обособившийся супрематический уровень – не что иное, как бывший субмиссивный уровень, совершивший скачок на высшую позицию в иерархии и оставивший позади своего бывшего «босса».

Как было только что показано, тот уровень в иерархии, который был до сих пор верхним, теряет в своей значимости, поскольку опутан инверсиями. В это же самое время его субмиссивный (служебный, обеспечивающий) подуровень постепенно приобретает самостоятельное значение и некоторые новые свойства; благодаря наличию этих новых свойств, в системе актуализируются и новые организационные принципы (поскольку набор действующих в системе организационных уровней зависит от свойств соподчиняющихся элементов). Теперь, на основе этих новых принципов, этот ранее подчиненный элемент и совершает акт внутрисистемной мобильности; он выдвигается на первое место в системе и занимает в ней главенствующую позицию, но уже *вне существующих инверсивных связей*. Распространение инверсивных отношений в системе временно прекращается, взамен в ней образуются качественно новые отношения ордера. Впоследствии, конечно, этот супрематический уровень и сам включится в систему инверсивных отношений с нижележащими уровнями, но это будет подготовка уже нового шага в развитии системы, нового ароморфоза. Тем самым в саморазвивающейся системе обеспечиваются преемственность и новизна, как альтернативные, но при

этом строго дополнительные понятия.¹ Как будет показано далее, такое разрешение противоречий составляет основу для самостоятельной модели саморазвития – «развития через ступеньку».

Представленное здесь описание свойств и значения противоречий, характера их разрешения и возможных последствий для той или иной системы нуждаются в наглядных иллюстрациях. К счастью, существует предметная область, которая целиком построена на демонстрации всевозможных противоречий. Речь идет о художественной литературе. Попросту говоря, нарратив в литературе есть представление и описание всевозможных противоречий средствами художественного слова. То же самое можно сказать и об инверсивных отношениях, как форме внутрисистемного проявления противоречий; ниже на многих примерах будет показано, что художественная литература всецело посвящена описанию инверсивных отношений и по существу не содержит ничего другого.

¹ Раутиан А. С. Букет законов эволюции // Эволюция биосферы и биоразнообразие. К 70-летию А. Ю. Розанова. М.: КМК, 2006. С. 20-38.

ПРОТИВОРЕЧИЕ В ЛИТЕРАТУРНОМ ДИСКУРСЕ

5.1. Фабула и литературная коллизия¹

Художественная литература представляет собой удобнейшую модель для наблюдения и анализа противоречий. Но не только. Нет нужды распространяться о том, насколько важна художественная литература как компонент культурной жизни общества и людей, это общество составляющих. Будучи значительным явлением сама по себе, художественная литература составляет основу как для драматургии, ибо пьеса – литературное произведение, так и для кинематографа (в том числе и в современных его видах) – по той же причине (хотя киносценарии, в отличие от пьес, редко рассматриваются именно как самостоятельные произведения).

Художественная литература не просто *содержит в себе* отображения тех или иных противоречий. Как уже говорилось, правильнее будет сказать, что литературное произведение *и есть противоречие*, а точнее – некоторый комплекс противоречий, выраженный и переданный посредством художественного языка. Никакое художественное произведение не может мыслиться и создаваться вне отображения противоречий. Если в литературном произведении не отражать противоречий, в нем попросту не о чем будет писать, и читать его никто не станет. Реальное выражение противоречия получают в *литературной коллизии*. Некоторые виды литературных коллизий (именно как формы противоречий, раскрываемые путем анализа инверсивных отношений) будут представлены далее на страницах этой книги.

¹ Материалы этого подраздела частично представлены в статье: Севостьянов Д. А. Комическая коллизия: исследование инверсивных отношений // Вопросы культурологии. 2010. №10. С. 35-40.

Ценность анализа литературных произведений для исследования природы противоречий состоит в том, что литературное произведение есть модель когнитивного конструкта, но такая модель, которая специально создана для вербального восприятия, вызывающего эстетические переживания. Другие когнитивные модели такого целенаправленного предназначения не имеют; они не изложены *художественным словом*, а потому не обладают столь выраженными иллюстративными качествами. И если литературное произведение допускает конструирование фантастических миров, то и в этом отношении оно ничем не отличается от других когнитивных конструктов. Так, всеми признаками когнитивного конструкта обладало в свое время обожествление природных стихий, представленное в структуре мифа и эпоса; и если житель Древней Греции видел в морской пене седую бороду Посейдона, а Одиссей в те же времена общался с богами и нимфами, то это по существу такая же полноценная когнитивная модель мира, но только изложенная в художественной форме, как, например, волновая теория света.

В художественном произведении любого вида и жанра эмоционально значимая информация передается от автора зрителю (слушателю, читателю) при помощи двух основных каналов, посредством которых информация передается от автора читателю; эти каналы действуют в сочетании, но при этом обладают известной независимостью.

Один из этих каналов можно назвать *неспецифическим*; он присущ всем видам изобразительного искусства (а литература, наряду с живописью и многими другими искусствами – искусство изобразительное), и не принадлежит специально ни одному из них. Это – *фабула* данного произведения. Фабула не есть специальная принадлежность литературы; она составляет неотъемлемую

часть любого искусства, *изображающего* нечто – искусства пространственного, каковым, скажем, является живопись, временного, представленного, например, поэзией и прозой, или пространственно-временного, – к примеру, сценического.¹ Фабулу мы находим в драматургии, кинематографе, телеискусстве; непременно присутствует она в живописи и графике, в скульптуре и даже в инсталляции, поскольку все эти виды искусства *изображают нечто*. Искусства неизобразительные, такие, как архитектура, фабулы обыкновенно не содержат, хотя и сюда она способна проникать – постольку, поскольку в такие искусства все-таки попадает и элемент изобразительности. В Новосибирске железнодорожный вокзал (архитекторы Н. Г. Волошинов, Б. А. Гордеев и др., 1939) выстроен в форме гигантского паровоза, и про это здание уже никак невозможно сказать, что в нем, как в произведении искусства, отсутствует всякая фабула.

Можно дать много определений, что такое фабула; остановимся на том, что фабула есть изложение того аспекта представленного в произведении содержания, которому может быть придана словесная (вербальная) форма. Словосочетание «может быть» здесь употреблено не случайно: некоторые виды искусства изначально бессловесны. Известно, например, что ни живопись, ни скульптура никаких слов обыкновенно не содержат; однако то, что они изображают, может быть в общем виде передано словами. Такая передача бывает приблизительно адекватна, но не конгруэнтна изображенному. Иными словами, мы можем рассказать, *что примерно* изображено на живописном полотне, но создать об этой картине реальное представление можно лишь, увидев ее воочию. К тому же изложение словами изображенного допускает синонимию: мы можем отобразить одну и ту же фабулу

¹ Каган М. С. Морфология искусства. Л.: Искусство, 1972. С. 272.

разными словами, сохраняя при этом некоторую содержательную общность. Мы можем даже перевести фабулу на любой иностранный язык, и сделать это практически без всяких содержательных потерь.

Поскольку фабула не присуща специально ни одному из изобразительных искусств, а охватывает *все* такие искусства, то можно сказать, что она не содержит *специальных*, частных черт этих видов искусства, а представляет лишь только общие черты. Специальные же черты образуют второй – специфический – канал информации от автора зрителю (читателю и т.п.) данного произведения.

В литературе такой специфический канал составляет лексика произведения (в ней сосредоточены средства художественной выразительности, представленные *художественным словом*). Те слова, из которых создан текст произведения, никакой синонимии уже не терпят; текст должен быть именно таким, каков он есть, перевод же на другой язык фактически создает уже другое художественное произведение, ибо работа переводчика уже сама по себе не меньший труд, чем работа автора. В живописи есть свой специфический канал (изобразительная моторика), в сценическом искусстве – свой (пластика).

Любая литературная коллизия с тем или иным успехом может быть отображена любым видом изобразительного искусства. По литературному произведению можно создать пьесу, оперу или балет, можно написать картину (или даже целую картинную галерею) или изваять скульптуру. Следовательно, истоки литературной коллизии следует искать в неспецифической составной части произведения искусства – в ее фабуле. Как уже говорилось, фабула может быть передана теми или иными – специфическими – художественными средствами, относящимися к вышеупомянутому специфическому же кана-

лу, но возможность словесного выражения лишает ее всякой специфичности. Она – всеобщее явление, сопровождающее всякую изобразительность. Специфический же канал несет в себе *индивидуальность* художника, писателя, режиссера, актера. Но эта индивидуальность, сколь бы важна она ни была, лежит уже за пределами самого понятия литературной коллизии, хотя и придает ее реальному выражению своеобразные, неповторимые черты.

Теперь спросим: а разве в самой фабуле не отображается индивидуальность автора? В фабуле мы находим сюжет, во-первых, и порядок его подачи, конкретную композицию представленных в сюжете лиц и событий – во-вторых. Порядок подачи сюжета остается на усмотрение автора и тоже, конечно, несет в кое-какие себе его индивидуальные черты, хотя разными авторами эти приемы и методы легко заимствуются и кочуют от одного к другому. Эти приемы, в частности, создают тенденциозное представление жизненного материала, ибо все произведения искусства так или иначе тенденциозны. Выстроенные в рамках этих приемов формы отношений как раз и составляют ту или иную коллизию – например, комическую или трагическую. Таким образом, индивидуальный вклад автора применительно к построению фабулы сводится к тому, насколько он приблизился к некоторой «чистой» схеме комической либо трагической коллизии – или другой, смотря по обстоятельствам. А уже специфическими средствами того или иного вида искусств автор придает произведению искусства все остальные свойства неповторимой индивидуальности. Кроме того, индивидуальность автора проявляется и в том, что применяемые им фабулы проистекают из его неповторимого индивидуального жизненного опыта. Например, если некоторые рассказы Карела Чапека описывают коллекцио-

нирование кактусов или торговлю коврами, то это, безусловно, потому, что автор так или иначе имел касательство к этим предметам.

Один и тот же сюжет, в зависимости от того, как он подан художником, может нести в себе как трагические, так и комические черты. Ведь ни для кого не секрет, что «сырая действительность» вмещает в себя и то, и другое. Например, война – безусловно, трагедия. Но снимают же комедии о войне – и не без успеха! И даже в глубоко трагическом фильме Леонида Быкова «В бой идут одни «старики»» можно увидеть массу явно комических моментов.

Сам сюжет может быть взят автором из окружающей действительности в готовом виде; он может быть, конечно, и в большей или меньшей мере вымышленным. Изначально же сюжет – это сырой материал для произведения искусства. Сюжеты, как и приемы построения фабул, тоже нередко кочуют от одного автора к другому. Достаточно вспомнить, сколько разнообразных кинематографических произведений было создано на сюжет Робинзона Крузо или Тарзана. Конечно, истоки взятых из окружающего мира сюжетов, и даже сюжетных вымыслов, мы так или иначе можем обнаружить в биографии автора. Но значимость самого сюжета не столь велика, как принято считать. Если художественное произведение вызывает интерес у публики только благодаря своему сюжету, художественная ценность его невелика. Поэтому спекуляция на сюжетном материале в искусстве всегда была и всегда будет дурным тоном. Вот характерное высказывание известного английского художника Генри Фюзели (1741-1825), касающееся, правда, живописи, а не литературы: «Самые слабые, самые вульгарные и самые холод-

ные художники обычно претендуют на самые сильные, возвышенные и пламенные сюжеты».¹

Сюжет как «сырой материал» сам способен обладать теми или иными чертами – комическими, трагическими и даже героическими, но чтобы черты эти были восприняты нами, сюжет должен как-то выделиться из паттерна действительности, как дискретное событие выделяется из непрерывного потока времени. Характер этого выделения как раз и обеспечивается построением фабулы; отделить же, например, комические свойства самого сюжета от комической подачи его в рамках фабулы – довольно сложное дело. Воздействие на человека «сырого» сюжета, подсмотренного в жизни, и сюжета, тенденциозно поданного в рамках художественной фабулы происходит согласно одним и тем же законам. Таким образом, нас сейчас интересует фабула, как средство тенденциозной подачи сюжетного материала в рамках литературной коллизии.

Искусство служит передаче и возбуждению у читателя (зрителя, слушателя) тех или иных эмоций, т. е. переживания активного отношения к определенным аспектам действительности. При этом перед нами вновь возникает разница между *специфическими* средствами художественного выражения, присущими тому или иному виду искусств, и средствами неспецифическими, составляющими фабулу. Специфические средства действуют на наш эмоциональный мир *непосредственно*. Линия на полотнах Модильяни или Пикассо пробуждает у нас эмоцию сама по себе, не требуя никаких пояснений. Звуки музыки, спокойные или страстные, тягучие или ритмические, воздействуют прямо на эмоциональную сферу человека, минуя рассудочное осмысление. Наконец, худо-

¹ Фюзели Г. Афоризмы // Мастера искусства об искусстве. М.: Искусство, 1967. Т. 4. С. 299.

жественное слово, составляющее специфический канал передачи эмоций в литературе, именно – *слово*, а не повествование, немедленно рождает в нас эмоциональный отклик:

Я знаю силу слов я знаю слов набат
Они не те которым рукоплещут ложи
От слов таких срываются гроба
шагать четверкою своих дубовых ножек.¹

Способна ли фабула, подобно этим специфическим средствам художественной выразительности, воздействовать на наши эмоции? Безусловно. Но действует она уже *опосредованно*, через осмысление и сравнение. Чтобы такое воздействие состоялось, требуется столкновение двух психологических ситуаций. Одну преподносит автор посредством фабулы. В другой пребывает читатель (или иной «потребитель» произведения искусства).² Обе эти ситуации осознаваемы, подвержены рассудочному анализу и могут быть изложены словесно.

Приведем простой пример: мальчик, играющий в солдатики, будет воспринимать художественные произведения о войне на эмоциональном уровне совершенно иначе, чем человек действительно воевавший. То, что на одного действует как романтическая героика, в другом может не пробудить совершенно никаких романтических переживаний.

Всякие литературные коллизии возникают прежде всего *между людьми* (персонажами). Если в некотором литературном произведении (например, в басне) отношения, присущие коллизии, появляются, скажем, между животными или даже неодушевленными предметами, то

¹ Маяковский В. В. Неоконченное // Соч.: в 2 т. М.: Правда, 1988. Т. 2. С. 432.

² См.: Белянин В. П. Психологическое литературоведение. Текст как отражение внутренних миров автора и читателя. М.: Генезис, 2006. 320 с.

это возможно только в той мере, в которой эти своеобразные персонажи все-таки метафорически одушевлены и наделены человеческими чертами, или каким-либо иным путем встроены в наш человеческий мир. Итак, литературные коллизии возникают там, где имеют место какие-либо формы отношений в некоторой социальной системе; если же вся «система» ограничивается пределами личности одного человека, мы можем сказать, что и один человек образует весьма сложную систему отношений, обладающую многими общими свойствами с системой социальной.

Социальная система, так же как и система «человек», внутренне неоднородна по определению. В структуре любой социальной системы (отдельный человек – предельный и одновременно исходный случай такой системы) обнаруживаются иерархически соподчиненные уровни. Характер самой системы обусловлен особенностями связей между этими уровнями.

Выше уже говорилось о том, что каждое литературное произведение, как и любое произведение изобразительного искусства, тенденциозно. Оно *избирательно* выделяет и подчеркивает лишь некоторые стороны действительности, а именно те из них, где имеются коллизии (противоречия). Непротиворечивые стороны реальности просто незачем отображать в литературе. Поэтому И. Л. Солоневич писал, что художественная литература есть *кривое зеркало* реальности. В частности, он указывает, что русская классическая литература, наполненная переживаниями «лишних людей» и вдобавок украшенная патриархальной идеологией Платона Каратаева, весьма тщательно изучалась идеологами Третьего рейха, и на основании этого были сделаны несколько превратные выводы о способности русского народа к сопротивлению.

Результат этой недооценки особенностей русского народа хорошо известен.

Представление литературной коллизии предполагает актуализацию некоторых реально существующих связей в описываемой иерархической системе, или хотя бы таких связей, существование которых в данной системе отношений *допустимо* – как это бывает в фантастических произведениях, не претендующих на то, чтобы прямо отображать картину реальности. Если в художественном произведении бывают представлены недопустимые, принципиально невозможные в описываемой системе связи, то такое произведение обладает главнейшим, катастрофическим недостатком: оно *фальшиво*. Фактически же фальшь в произведении представляет собой нарушение формально-логического закона непротиворечивости.

Художественное произведение, как и всякий когнитивный конструкт, не должно содержать противоречий *внутри себя*. Однако оно может и должно отображать противоречия изображаемого в нем мира – подлинного или вымышленного. Если же в произведении не показано никаких противоречий, такое произведение будет обладать не менее фатальным недостатком: оно будет бессодержательным и пустым. И это приводит именно к тем последствиям, о которых говорилось выше: без противоречий нет литературы, но литература вследствие этого становится кривым зеркалом реальных жизненных отношений.

Известна фраза Льва Толстого о том, что все несчастные семьи несчастливы по-своему, а счастливые – счастливы одинаково. Опыт показывает, что для литератора описывать *счастливую* (то есть лишенную противоречий) семью бессмысленно и глупо. Сам Толстой пытался сделать это – и потерпел полную неудачу: сделав Наташу Ростову в семейной жизни «красивой, плодovитой сам-

кой», он не сотворил ровно ничего привлекательного. В то же время семья была и остается главной ячейкой общества; если бы, как это бывает в литературных произведениях, все семьи раздирались противоречиями, кто вообще рискнул бы создать семью?

Противоречия, суть которых выражает литературная коллизия, представляют собой в то же время и отображение инверсивных отношений. И поэтому можно однозначно сказать: литература есть выражение инверсивных отношений. Они отражаются решительно в любом литературном произведении. Там, где отсутствует отображение инверсий, отсутствует и литература. Эти инверсии могут существовать в рамках любой рассматриваемой иерархии, например, иерархии социальной, иерархии ценностей и т.п.

Вот один небольшой пример. В популярнейшем романе Александра Дюма «Три мушкетера», в одной из сюжетных линий, прослеживаются следующие противоречия. Главный герой романа Д`Артаньян – дворянин. Он даже может быть представлен на аудиенции королю. Согласно *сословному* (т. е. сущностному) организационному принципу, этот персонаж занимает в социальной иерархии довольно высокую позицию. Но, увы, он беден; согласно *имущественному* (т. е. атрибутивному) организационному принципу, он пребывает на социальных низах. И вот Д`Артаньян снимает жилье у галантерейщика Бонасье. Тот, напротив, из простонародья, и согласно сущностному организационному принципу, его социальный статус невысок. Однако в материальном отношении он довольно состоятелен; он намного богаче своего жильца, который упорно не желает (да и не может) платить за квартиру. Налицо инверсивные отношения в социальной иерархии; действующие организационные принципы,

применительно к обоим персонажам, в обоих случаях противоречат друг другу.

Поскольку сословный принцип в те времена был важнее, то социальное положение Д`Артаньяна все-таки предпочтительнее. Оставив в стороне любовную интригу Д`Артаньяна с Констанцией, молодой супругой галантерейщика, следует признать, что какой-либо литературный интерес отношения этих двух лиц представляют лишь постольку, поскольку в их статусе наблюдаются инверсивные отношения. Будь Д`Артаньян не только родовит, но и богат, а Бонасье – не только худороден, но и беден – об отношениях этих лиц нечего было бы писать и не стоило бы это читать.

Инверсивные отношения способны разрушать систему, в которой они развиваются. Но, как говорилось выше, инверсивные отношения, развившиеся в системе, становятся неотъемлемой принадлежностью этой системы, и попытки насильственного восстановления отношений ордера могут стать фатальными для системы. И эта сторона инверсивных отношений также находит выражение в литературных сюжетах.

Пример насильственного возврата к отношениям ордера в символической форме представлен в сказке Андерсена «Снежная королева». Снежная Королева и злой тролль стремились поселить в голове Кая стремление к порядку, симметрии, совершенству. Однако это – безжизненная красота, а все живое с точки зрения Снежной Королевы безобразно, ибо несовершенно. Но Герда, как представитель живых людей, с присущими им эмоциональными реакциями и другими проявлениями иррациональности, которые на деле предстают в качестве инверсивных отношений, одерживает над ней победу. Если бы все люди, подобно Каю, обратились только к подобному

«совершенству», это было бы чревато гибелью человеческого рода.

Другой пример: адюльтер, как одобряемая автором и читателем форма отношений, стал весьма распространенным сюжетом в европейской литературе. Применительно к супружеству, он безусловно может расцениваться как инверсивная форма отношений, в то время как само супружество выражает собой отношения ордера (достаточно вспомнить классический сюжет про Тристана и Изольду). В упоминавшемся выше известном романе Дюма усилия кардинала, влиятельного противника героических мушкетеров, в целом сводились к тому, чтобы королева не изменяла бы своему венценосному супругу (даже и на духовном уровне), а мушкетеры, наоборот, немало такой измене способствовали. Позиция кардинала применительно к семейным отношениям отражает отношения ордера, но симпатии автора и читателей всецело на стороне инверсивных отношений, насаждаемых главными героями романа. Таким образом, инверсивные отношения оказываются не только той основной формой отношений, которая вообще достойна отображения в литературном произведении, но и выражением тех ценностей и симпатий, которые разделяет автор, а вслед за ним и читатель. То же самое можно сказать и об отношениях Д'Артаньяна и Констанции Бонасье: это все тот же адюльтер, нарушение супружеской верности, одобряемое и автором, и читателем.

Рассмотрим же некоторые наиболее характерные примеры коллизий, встречающихся в художественной литературе. Эти коллизии, как уже говорилось, суть формы противоречий и, как практически всякие противоречия, они реализуются в форме инверсивных отношений.

5.2. Героическая коллизия¹

Основу сюжета многих литературных произведений составляет героическая коллизия. Описания героических персонажей и деяний восходят к глубокой древности, к мифу и эпосу, когда литературное творчество не выделилось еще из синкретического единства с музыкой – по форме,² и с историографией – по содержанию. Подобная же ситуация наблюдается в наши дни, когда искусства стали приобретать синтетический характер – например, в телевидении и кинематографе.

Разнообразие литературных героических коллизий не охватить никакой статистикой. В отличие от обобщенных исследований «живых лиц» в социологии, изучение литературных героев требует от исследователя внимательного, фактически личного знакомства с каждым персонажем; на освоение всего этого материала исследователю буквально не останется жизни.

Термин «герой» во многом утратил значимость из-за частого и неуместного употребления. Порой он используется там, где гораздо уместнее было бы употребить слово «персонаж». «Сказочный герой» очень часто вообще не герой, а лишь действующее лицо, второстепенное или главное. Так, в широко известном морфологическом анализе сказок В. Я. Проппа «герой» рассматривается именно в значении слова «персонаж», анализ же героической коллизии вообще опущен.³ М. М. Бахтин также пишет о «герое» там, где это также всего только персонаж, действующее лицо.⁴ Однако здесь, в этом подраз-

¹ Материалы данного подраздела были опубликованы в статье: Севостьянов Д. А. Героическая коллизия: иерархия и инверсия // Вестник Военного университета. 2009. № 3. С. 57-64.

² Каган М. С. Морфология искусства. Л.: Искусство, 1972. С. 215.

³ Пропп В. Я. Морфология сказки. Л.: Academia, 1928. 152 с.

⁴ Бахтин М. М. Автор и герой в эстетической деятельности. М.: Искусство, 1979. С. 7-180.

деле, герой будет рассматриваться именно как субъект героической коллизии. Героическая же коллизия, как и любая другая, представляет собой выражение противоречия как в реальности, так и в нарративе.

Кто же такой герой, и чем он отличается от не-героя? По этому поводу уже были высказаны ранее разные мнения и установились различные традиции. В древнегреческом эпосе герой своим могуществом подобен богам и отличается от них главным образом своей смертной телесной оболочкой. В Толковом словаре Д. Н. Ушакова герой обозначен как исключительный по смелости или по своим доблестям человек, а также выделившийся своей храбростью на войне.¹ Наконец, герой – это тот, кто совершает подвиги. Подвиг же, по мнению известного русско-американского социолога Питирима Сорокина, должен отвечать трем критериям: он не противоречит должностованию, и потому морально положителен; он сверхнормативен, т. е. превышает то, что человек просто обязан делать по своему положению; наконец, подвиг сугубо доброволен. Подвиги не совершаются по принуждению.² Толкований сути героев, подвигов и героических коллизий встречается немало, и чтобы разобраться в этом, целесообразно прибегнуть к анализу инверсивных отношений. Для этого следует рассмотреть иерархию социальных мотивов, которым руководствуется реальный или вымышленный субъект.

Итак, социальные мотивы, которыми руководствуется субъект, образуют иерархию и могут быть расположены в порядке преодоления необходимых этапов, ведущих личность к самоактуализации, как расположил их извест-

¹ Ушаков Д. Н. Толковый словарь современного русского языка. М.: Аделант, 2013. С. 95.

² Сорокин П. А. Социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали // Человек. Цивилизация. Общество. М.: ИПЛ, 1992. С. 78-79.

ный американский психолог, основатель гуманистической психологии Абрахам Маслоу¹ (назовем это *самоактуализационным принципом*). Мотивы могут иерархически строиться в порядке нарастания личной выгоды (*эгоистический принцип*), или, напротив, общественной пользы (*альтруистический принцип*). Разумеется, действия героя по отношению к этой иерархии зависят от принятого в ней принципа.

Мотивы существуют не сами по себе; они реальны только когда у них есть конкретные «носители». А поскольку «носители» эти – живые люди или литературные персонажи – могут руководствоваться *разными* мотивами, то любая иерархия мотивов находит некоторое отображение в социальной системе. Иначе говоря, на основе той или иной иерархии мотивов можно выстроить и иерархию социальную. В ней люди будут расположены выше или ниже, в зависимости от того, каковы главные мотивы в их жизни: «высокие» (возвышенные) или «низкие» (низменные), согласно принятой классификации. И наоборот: из той или иной ситуации в социальной системе (или в системе «человек») могут быть извлечены присущие ей мотивы.

Выше неоднократно говорилось о том, что практически в каждой иерархической структуре мы находим не один действующий организационный принцип, а сразу несколько; социальная иерархия не исключение. Например, кроме *мотивационного принципа* (а мотивационных принципов тоже может быть несколько – раз есть много иерархий мотивов), человеческая общность делится и на другие иерархические ступени.

Основной тезис, который здесь предстоит доказывать, звучит так: *героическая коллизия предполагает на-*

¹ См.: Маслоу А. По направлению к психологии бытия. М.: Эксмо-Пресс, 2002. 272 с.

личие противоречий, которые порождают сильную антагонистическую борьбу ордера и инверсий в той системе отношений, в которой приходится действовать герою, и преодоление превосходящей тенденции личным усилием героя.

Мы не можем сказать, занимает ли герой позицию ордера и преодолевает при этом инверсию, или наоборот: это зависит от того, какой именно принцип организации мотивов актуален в системе, в которой действует герой.

Все остальные определения героической коллизии (а их можно привести множество), будучи в принципе правильными для конкретной ситуации, имеют лишь частный характер. В других ситуациях они несостоятельны.

Так, часто героическую коллизию отождествляют с *риском*, которому подвергается герой, с пренебрежением здоровьем и самой жизнью. Но риск есть не только в героической коллизии. Скажем, некий субъект, обожая острые ощущения, сплавляется на плоту по горной реке в компании таких же любителей экстремального отдыха. И вот он гибнет. Можно ли назвать это героической коллизией, а смерть его – геройской? Конечно, нет. Жизнь казалась ему пресной, ему хотелось ярких переживаний – и он рисковал, а гибель его – лишь следствие риска. Столкновения отношений ордера и инверсий здесь нет. Более того, этот смертельный риск обусловлен не геройским, а эгоистическим поступком: о родных и близких, которые будут его оплакивать, о родителях, чью преждевременную кончину может вызвать его гибель, покойный в тот момент нисколько не заботился. Активно пренебрегает своей жизнью и самоубийца, но и его действия – далеко не всегда результат героической коллизии; Эмиль Дюркгейм выделял даже обширную группу *эгоистических самоубийств*.¹

¹ Дюркгейм Э. Самоубийство. СПб.: Союз, 1998. С.168-247.

Героическую коллизию отождествляют зачастую и с актом *самопожертвования*. Да, нередко герой так и делает. Но если в таком самопожертвовании нет отображения противоречий, элемента борьбы ордера и инверсий, то нет и героической коллизии. Тот, кто преодолевает страх смерти и гибнет ради высокой цели – герой. А кто не ведает страха и сомнений и идет на смерть ради отвлеченной идеи – не герой уже, а фанатик; он готов пожертвовать своей жизнью, но чужими пожертвует и по-давно.

Обратимся опять к структуре потребностей А. Маслоу. По его мнению, иерархия потребностей такова: сначала человеку свойственно удовлетворить свои *физиологические* потребности (I уровень), затем – потребности в *безопасности* (II уровень), далее идет потребность в *принадлежности* и *любви* (III уровень), в *самоуважении* (IV уровень) и, наконец, в *самоактуализации* (V уровень; его достигают лишь немногие). Не удовлетворив потребность низшего порядка, считал Маслоу, человек не может переходить к удовлетворению высших потребностей. Но вот человек оказывается в ситуации, когда приходится для спасения чужой жизни рискнуть собственной: в воде, на пожаре, на войне и т.п. Вообще-то он может и не совершать героических действий (мы помним, что подвиг есть дело добровольное и сверхнормативное); но если он струсит, он будет презирать себя, а раздумывать некогда. И он жертвует своей безопасностью ради спасения не только чужой жизни, но (как результат) и собственного самоуважения. Налицо инверсия между четвертым и вторым уровнями (по Маслоу). Интересно, что если спасение самоуважения стоит как цель, а не как *результат*, то героическая коллизия не выстраивается: субъект скорее будет *демонстрировать* перед самим собой и другими спасательные действия («я старался!»), чем реально их

проводить. Иерархическая система Маслоу по существу имеет эгоистическую направленность. Неудивительно, что герой действует *против* ее исходных отношений, в русле инверсии.

Рассмотрим другую иерархию. В системе «человек» самая простая иерархия, известная с античной древности и ранее, содержит два соподчиненных элемента: это «душа» и «тело». Но и тут мы обнаруживаем инверсивные отношения. Пока человек здоров, он может представлять себе дело так, будто его душа – нечто самодовлеющее, своеобразный личный Бог, управляющий личным миром – его собственным телом. Тело здесь – нижний, служебный этаж иерархии, всего лишь инструмент при душе. Но стоит человеку заболеть или сильно травмироваться, как сразу тело занимает по отношению к душе как бы командные позиции. Душа, напротив, как будто сжимается, становится маленькой, словно превращается в придаток к телу, и в этом придатке сосредоточивается субъективная, феноменологическая сторона телесного (соматического) страдания. Чем тяжелее болезнь, тем меньше человек может управлять телом, тем менее самостоятельна его душа. И вот настает момент, когда от души совсем ничего не остается – налицо одно только тело, но только уже неодушевленное, мертвое тело. Кстати, на этом примере можно видеть, что нарастание инверсивных отношений знаменует собой грядущую гибель иерархической системы – скажем, гибель системы «человек». *Подвигом* же, героическим деянием становится преодоление нарастающих инверсий, победа над болезнью и над смертью. Подобные героические коллизии описаны в литературе, но сюжеты черпаются из реальных ситуаций – вспомним «Повесть о настоящем человеке» Бориса Полевого. В этом случае даже и сама жизнь героя

не более как инструмент, добытый и сохраненный для служения Родине, своему народу.

В понимании христианина самый героический персонаж – несомненно, богочеловеческая фигура Христа. Суть героической коллизии, изложенной в Евангелиях, как известно, заключается в том, что ради божественного спасения *всех* Иисус должен был погибнуть сам; будучи сыном Божьим, на кресте он должен был умирать все-таки как человек. Духовная субстанция ставилась им выше телесной, но чтобы отношения ордера в этой иерархии победили, требовалось преодолеть инверсивное воздействие страдающего и гибнущего тела.

В дохристианской, языческой мифологии мы видим множество подвигов; греческие мифы есть обширный полигон, на котором оттачивалось современное понимание героической коллизии. Так, подвиги Одиссея, в их последовательности, фактически на сто процентов укладываются в известную схему волшебной сказки, представленную В. Я. Проппом. В «Одиссее» представлены буквально те же функции персонажей, которые Пропп выделял в сказке о Кощее Бессмертном. «Разум против страха» и «Хитрость против силы» – так можно обозначить коллизию, которая реализуется в деяниях и Одиссея, и Геракла. А вот подвиг Прометея в этом отношении более примечателен; Прометей, самое имя которого означает «Предвидящий», не мог не знать о последствиях своего поступка – похищения для людей божественного огня; однако он сделал это, за что и был наказан. Данные, приведенные А. Ф. Лосевым, позволяют судить о том, что героическая коллизия Христа фактически есть позднейшая реплика мифа о Прометее.¹

¹ Лосев А. Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. М.: Искусство, 1995. С. 190-262.

Миф о Лаокооне показывает нам скорее не картину подвига, а картину божественной кары, наказания за опрометчивый поступок; Лаокоона покарала покровительствовавшая грекам Афина, наслав на него и его сыновей чудовищных змей; покарала же она его за то, что тот сопротивлялся введению в город Троию троянского коня. Героическая коллизия, с которой мы связываем фигуру Лаокоона, обусловлена в большей мере даже не самим мифом, а скульптурным изображением его главного персонажа, в котором показана одновременно и телесная боль, и преодолевающее эту боль величие духа.¹

Если мы обратимся к иным литературным сюжетам, то и там мы видим инверсивные отношения всюду, где представлена героическая коллизия, и не встречаем ни одной героической коллизии, в которой не было бы инверсивных отношений. Так, «Песнь о Роланде», известнейший памятник средневековой литературы, повествует нам, как доблестный рыцарь Роланд, прикрывавший со своим отрядом отход войска Карла Великого, вступил в сражение с несметной армией сарацин; он из гордости отказался трубить в свой рог и звать на помощь главные силы Карла. Чрезмерному чувству собственного достоинства (*самоуважения*) Роланд принес в жертву и свою жизнь, и жизни своих товарищей; однако он понимает, что тем самым совершил грех, и за свою гордыню он просит прощения у Бога в предсмертной молитве. Если мы еще раз вспомним иерархию потребностей Маслоу, то и здесь обнаружим такую же инверсию мотивов, которая была показана ранее.

Еще один пример такого рода – произведение М. Ю. Лермонтова «Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова». За-

¹ Речь идет о скульптуре работы родосских ваятелей Агесандра, Полидора и Афинодора. См.: Лессинг Г Э. Лаокоон, или о границах живописи и поэзии. М.: ГИХЛ, 1957. 520 с.

щищая семейную честь (которая, несомненно, есть высшая форма *самоуважения*), купец Калашников вступает в смертный кулачный бой с царским опричником: опричник оскорбил домогательствами его жену. Победить и выжить купец не может, ибо знает заранее: за убийство опричника полагается смертная казнь. Но он не «просто» расстаётся с жизнью, раз чувствует, что по-другому нельзя; он сумел еще одолеть сильного и опасного врага, как одолел и победил он перед этим страх смерти. Сам факт появления «Песни» говорит о том, что поступок его считался экстраординарным в первой половине XIX века, когда писалась «Песня», да, очевидно, заслуживал всяческого уважения и тогда, когда происходило само описанное действие. Калашников – не воин по профессии, он купец, торговец, лицо штатское; человек он, несомненно, жизнелюбивый. Но и торговец становится решительным и смелым бойцом, потому что для него бесчестие хуже смерти.

Героические действия лишены обыденности; напряженные противоречия, сильные антагонизмы в любой системе встречаются намного реже относительно стабильных ситуаций. Поэтому действия героя выделяются неким положительным качеством на фоне повседневных действий других персонажей и обретают в этих формах обыденной жизнедеятельности своеобразную точку опоры. Герой только потому герой, что противопоставляется не-героям. Нужно, чтобы действия его выделялись из общего ряда принятых в обществе поступков, даже если и остальным персонажам вокруг присуща некоторая доля самоотверженности. Если такой исключительности не будет, то нельзя будет сказать, что наблюдается *сильная антагонистическая борьба* ордера и инверсий. Вот, например, ситуация, описанная И. Ильфом и Е. Петровым в книге «Одноэтажная Америка». Их автомобиль при пу-

тешествии по США попал в небольшую аварию: «Спасители набросились на нас, как коршуны. Ежесекундно скрипели тормоза, и новый проезжий предлагал свои услуги. Это было прекрасное зрелище. Автомобили сползались к нам без сговора, как это делают муравьи, когда видят собрата в беде. Честное слово, даже хорошо, что с нами произошел маленький “эксидент”, иначе мы не узнали бы этой удивительной американской черты. Только выяснив, что помощь уже не нужна, автомобилисты ехали дальше... Вытащивший нас на дорогу американец не пожелал даже выслушать нашей благодарности. Помощь в дороге не считается в Америке какой-то особенной доблестью. Если бы наш спаситель сам попал в беду, ему так же быстро и молча помогли бы, как он помог нам. О том, чтобы предложить деньги за помощь, даже и говорить нельзя. За это могут страшно обругать».¹

Как видим, в этой ситуации (происходящей в середине 30-х годов) всеобщая готовность помочь налицо, но никакой героической коллизии нет. А вот иная ситуация, описанная другим русским писателем, и тоже в США, но только 40 лет спустя:

«Женщина тонет в реке Потомак. Некий храбрец бросается с моста и вытаскивает утопающую. Герой, честь ему и хвала! Дальше начинается безудержное честование героя. Газеты, журналы, радио и телевидение поют ему дифирамбы. Миссис Буш уступает ему свое кресло возле Первой леди. Говорят, скоро будет фильм на эту тему. А потом и мюзикл... Из-за чего столько шума? Половина мужского населения Одессы числит за собой такие же деяния...».²

Итак, героические действия заключаются в том, что их исполнитель действует не только самоотверженно, но

¹ Ильф И., Петров Е. Одноэтажная Америка. Письма из Америки. М.: Текст, 2004. С.187-188.

² Довлатов С. Ремесло // Соч. в 3 т. СПб.: Лимбус-Пресс, 1995. Т.2. С.145.

и преодолевает некоторую общую тенденцию (в данном случае это тенденция инверсивная и эгоистическая; а разница между этими двумя последними сюжетами наглядно демонстрирует процесс накопления ценностных инверсий в американском обществе). Потому что любое сообщество жизнеспособно, пока находятся люди, способные действовать в общих интересах, что и составляет вектор отношений ордера в иерархии социальных ценностей.

5.3. Трагическая коллизия¹

Анализу трагических коллизий в художественном литературном произведении посвящено немало исследований. Скромные размеры этой книги не позволяют приводить здесь антологию таких работ. Достаточно вспомнить работы В. Г. Белинского, который, анализируя комедию, вскрывал в ней драматические отношения,² и М. М. Бахтина, который обсуждал вложение автором собственного мировоззрения в уста своего персонажа.³ Рассмотрим тот аспект трагических коллизий, который раскрывается при анализе иерархических и инверсивных отношений (т. е. противоречий) внутри социальных систем. Весьма богатый материал для такого анализа дают произведения русских классиков.

Трагическая коллизия в художественной литературе составляет так или иначе некоторый слепок коллизий жизненных, реальных, т. е. действительно существующих

¹ Материалы этого подраздела опубликованы в статье: Севостьянов, Д. А. Инверсия в социальной иерархии как трагическая коллизия // Вопросы культурологии. 2010. №3. С. 12-16.

² Белинский В. Г. «Горе от ума». Комедия в 4-х действиях, в стихах. Сочинение А. С. Грибоедова. URL: http://az.lib.ru/b/belinskij_w_g/text_0020.shtml (дата обращения 15.08.2015).

³ Бахтин М. М. Автор и герой в эстетической деятельности. М.: Искусство, 1979. С. 7-180.

противоречий. Но при этом, как уже говорилось, всякое художественное произведение в некоторой степени тенденциозно (поскольку отображает субъективную позицию автора) и ни в коем случае не может считаться настоящим «зеркалом реальности». Это было бы невозможно технически (писателю, чтобы сотворить вторую реальность, пришлось бы занять место Бога-творца). Это было бы нереально психологически. Даже сам факт выбора автором той или иной темы уже создает тенденциозность. Итак, трагическая коллизия в литературном произведении составляет результат тенденциозной точки зрения на некоторые представленные факты (неважно, подлинные или вымышленные). Она подразумевает извлечение из «сырой» реальности некоторых отношений, которые, на взгляд автора, становятся ключевыми. На другой же взгляд, они могут таковыми и не являться.

Выше уже говорилось о том, что социальным системам, как и прочим системам, присуще иерархическое строение. В них обычно можно обнаружить разные уровни, так или иначе соподчиненные по вертикали, в них наблюдаются противоречия и конфликты, но весьма редко возможно увидеть всеобщее социальное равенство. Конфликтным социальным системам, которые, как правило, служат пищей для литературных сюжетов, присущи инверсивные отношения.

Например, немало литературных сюжетов посвящено столкновению поколений, отцов и детей; может ли такое столкновение нести в себе трагическую коллизию? Безусловно. Вспомним «Думу» М. Ю. Лермонтова (1838):

И прах наш, с строгостью судьи и гражданина,
Потомок оскорбит презрительным стихом,
Насмешкой горькою обманутого сына

Над промотавшимся отцом.

Подобная коллизия просматривается и в «Отцах и детях» И. С. Тургенева, и в произведении И. Л. Солоневича «Россия в концлагере», и во многих произведениях не столь известных авторов. Какова же структура этой коллизии? Она проста. Семья, как мы знаем, образует иерархию; высшую позицию (по незыблемому хронологическому принципу) занимают в ней как раз «отцы». Эту позицию подкрепляет столь же нерушимый генетический принцип. В патриархальном обществе «отцам» полагалось занимать вершину иерархии еще и в функциональном отношении: всем управлять и всем распоряжаться, пользуясь непререкаемым авторитетом. Но вот «отцы» именно в функциональном отношении показывают свою несостоятельность, и «дети» начинают действовать без оглядки на авторитет «отцов». Чувства «отцов» при этом не лишены трагизма: оставаясь формально на иерархической вершине, «отцы» эти явственно чувствуют уходящую из-под ног почву.

Если рассматривать как иерархическую систему именно семью, мы находим не только трагический ход между родителями и детьми, но и, например, между супругами. Но здесь мы можем встретиться с ситуацией, когда иерархию образуют только атрибутивные принципы, допускающие инверсию; правда, в некоторых случаях эти принципы могут рассматриваться и как сущностные, исходя из стабильности их атрибута. Так, по патриархальным понятиям, муж должен быть главой семьи, все решать и всем управлять. Но вот, по слабости ли характера или по другим причинам, он отходит на второй план, уступая первенство супруге; иногда это порождает образ комичной фигуры мужа, иногда – трагической. Вспомним супружеские отношения, описанные

М. Е. Салтыковым-Щедриным в «Господах Головлевых»: «В круговороте этой фанатической погони за благоприобретением Владимир Михайлыч все дальше и дальше уходил на задний план, а наконец и совсем одичал. В минуту, когда начинается этот рассказ, это был уже дряхлый старик, который почти не оставлял постели, а ежели изредка и выходил из спальни, то единственно для того, чтоб просунуть голову в полурастворенную дверь жениной комнаты, крикнуть: “Черт!” – и опять скрыться».

Нам нет сейчас дело до того, что в *современном* обществе в браке подразумевается формальный принцип равноправия, и муж по одному положению своему уже не является непременно «самым главным». На тот момент времени этот патриархальный принцип рассматривался как сущностный и не подразумевал никаких изменений, функциональный же принцип был подвержен им и тогда. Именно противоречие между формальным и реально приобретенным статусом придает трагичность ситуации, в которой пребывает несчастный персонаж Салтыкова-Щедрина. Необыкновенным талантом этого автора раскрыта многоэтажная система инверсивных отношений в выморочном семействе Головлевых; и каждая из этих инверсий составляет свою, отдельную трагическую коллизию. Все вместе они сплетаются в единый клубок; это собрание трагических коллизий, совместно с произведениями других русских классиков того периода, отражает реальную трагедию, переживаемую тогда русской усадебной культурой – пресловутую трагедию русского барства.

Еще один пример подобной трагической коллизии, возникшей, однако, уже не на почве семейных отношений, можно проследить на примере «Анны Карениной» Л. Н. Толстого. Вот один только персонаж – Степан Ар-

кадьич Облонский, он же Стива. Он дворянин; следовательно, состоит в правящем слое общества по праву рождения. Это – одно из оснований, обозначающих его положение в общественной «табели о рангах», иначе говоря, отображение одного из иерархических принципов – принципа сословного. Но один только дворянский статус в материальном плане не дает ничего; Стива же чисто-сердечно полагает, что и в имущественном отношении он тоже должен стоять в иерархии достаточно высоко: «раздатели земных благ в виде мест, аренд, концессий и тому подобного были все ему приятели и не могли обойти своего». Но, увы: как писал потом И. Л. Солоневич об этом незадачливом герое, «в конце концов, ему, князю, рюриковичу и прочее – пришлось идти в приемную “жида концессионера” и там, в приемной представителя стихии свободной конкуренции, ждать подачи – и не получить ее».¹ Инверсия коснулась имущественного принципа иерархии, титулы же остались; но, лишенные материального наполнения, они уже превращались в ту пору в пустой звук. Это – несомненное основание для возникновения трагической коллизии. Облонский, «князь, рюрикович и прочее», оказывается гораздо беднее тех, кто стоит неизмеримо ниже его на общественной лестнице. И это, несомненно, повергает его в пучину трагических переживаний.

Наконец, эта же коллизия, которая во время написания романа Толстого (1873-1877 гг.) еще только давала о себе знать, позднее развернулась гораздо более широко: «Вишневый сад» Чехова, написанный в 1903 г., показывает ее не только с точки зрения проигравшего (того, кто в результате этой имущественной инверсии все потерял), но уже и с точки зрения победителя – того, кто приобрел.

¹ Солоневич И. Л. Диктатура сволочи. – URL: <http://bookz.ru/authors/solonevi4-ivan/diktatura2/1-diktatura2.html> (дата обращения 21.08.2015).

Лопехин, купивший дворянскую усадьбу, восклицает: «Боже мой, господи, вишневыи сад мой! Скажите мне, что я пьян, не в своем уме, что все это мне представляется... Не смейтесь надо мной! Если бы отец мой и дед встали из гробов и посмотрели на все происшествие, как их Ермолай, битый, малограмотный Ермолай, который зимой босиком бегал, как этот самый Ермолай купил имение, прекрасней которого ничего нет на свете. Я купил имение, где дед и отец были рабами, где их не пускали даже в кухню». Он по-прежнему остается в иерархическом отношении ниже прежних хозяев имения: он из простонародья, они – дворяне. Но если прежде предки его и в имущественном отношении стояли гораздо ниже, теперь все изменилось. Бывшая же хозяйка имения, Любовь Андреевна Раневская, потрясена; она, как пишет А. П. Чехов, при известии о покупке усадьбы Лопехиным «упала бы, если бы не стояла возле кресла и стола». У нее есть все основания, чтобы почувствовать себя в эпицентре трагедии.

Казалось бы, всякая бедность тоже составляет трагедию. Но низкий имущественный статус человека, который ни в каком ином отношении не занимает высокого положения в общественной иерархии, может быть достоин сожаления, однако не несет на себе никакого налета трагичности – в том плане, в котором трагедия могла бы составить материал для литературной коллизии. Если человек глуп, нерадив и к тому же еще беден – это при- скорбно, но *трагедии* в этом нет. Никакой литератор не проявит к этой ситуации интереса. Если же он умен, трудолюбив, но беден – некоторые основания для трагической коллизии налицо.

Таким образом, иерархические отношения, которые мы наблюдаем в реальном обществе, обладают свойством и в этих условиях совершать инверсию, разворот своего

вектора в противоположном направлении. Избирательное, тенденциозное отображение действия именно такого «перевернутого» вектора и составляет суть литературной трагической коллизии.

5.4. Комическая коллизия¹

Комическая коллизия, наряду с трагической коллизией и некоторыми другими вариантами отношений, составляет одно из основополагающих понятий в структуре художественного творчества в целом и творчества литературного – в частности. Комическое как явление в жизни, в литературе и искусстве на протяжении многих веков остается объектом эстетического и философского внимания. С тех пор как Аристотель обозначил человека как «Animal ridens» – «Смеющееся животное», прошло много времени, а структура комического все еще остается актуальной проблемой.

Анализ комического – занятие, которое само по себе весьма далеко от забавного или смешного. Очевидно, что анализ этот приведет к успеху только тогда, когда он будет базироваться на некотором общем теоретическом подходе, в принципе позволяющем исследовать не только комическую, но и любую другую коллизию в литературном произведении. В противном случае исследователю угрожает серьезная опасность. Он может воспринять некоторое поверхностное, легко воспринимаемое свойство комической коллизии как свойство образующее, глубинное, определяющее. В результате «за бортом» его научного внимания окажется огромное количество всевозможных, реально существующих в жизни и отраженных в литературе комических коллизий, лишенных, однако,

¹ Материалы этого подраздела представлены в статье: Севостьянов Д. А. Комическая коллизия: исследование инверсивных отношений // Вопросы культурологии. 2010. №10. С. 35-40.

этого подмеченного им свойства. Сам же исследователь замкнется в сфере некоторого частного, отдельного подраздела комических отношений.

«Вообще трудно найти что-либо более противоположное, чем вещи, над которыми смеются люди, – писал Гегель в своей “Эстетике”. – Самые пошлые и плоские вещи могут вызывать у них смех, но часто они точно так же смеются над значительнейшими и глубочайшими явлениями, если только в них объявится какая-нибудь совершенно несущественная сторона, противоречащая привычкам и повседневному сознанию людей».¹

Нельзя сказать, что бытовавшие до настоящего времени определения комического непременно показывали только частные его свойства. Но во многих таких определениях ощущается недостаток системного подхода. Предпримем попытку отыскать такой подход, опираясь на анализ инверсивных отношений.

Весьма вероятно, что и представленная здесь модель комической коллизии покажется кому-то односторонней и неполной. Связано это с тем, что в искусствоведении и в филологической традиции принято рассматривать то или иное художественное произведение *in toto*², в то время как инверсивный анализ, как было показано выше, построен на вскрытии *схемы отношений*, безотносительно к тому, каким конкретным содержанием наполняется эта схема. Исследование произведения как целого предполагает одновременное восприятие и общего, и частных; частности могут быть чрезвычайно интересны, ибо они то и наполняют произведение конкретным содержанием; но для выявления общего от частных необходимо на время отрешиться.

¹ Гегель В. Ф. Г. Эстетика. М.: Искусство, 1971. Т.3. С. 579.

² *In toto* (лат.) - целиком, полностью, без остатка.

Одно из первых исследований комического предпринял еще Аристотель. К великому сожалению, его труд, специально посвященный комическому, не дошел до нас. Некоторые суждения Аристотеля о комическом представлены в других его произведениях; кое-что известно нам лишь в пересказе, с чужих слов. Известный исследователь античности А. Ф. Лосев приводит два высказывания Аристотеля о комическом и о комедии (пребывая еще в некоторой степени в рамках синкретического мышления, Аристотель четко не подразделял эти два понятия). Во-первых, трагедия показывает нам лучших людей, комедия – худших. Это высказывание А. Ф. Лосев подверг справедливой критике: ни из чего не следует, что в трагедии, например, не может быть представлен негативный, худший персонаж. Другое же высказывание Аристотеля, определяющее сущность комического, А. Ф. Лосев считал весьма близким к правильному, а именно: в комическом отображается отрицательное явление, но без тех жизненно-катастрофических результатов, которое это явление могло бы иметь. Комическое в изложении Аристотеля предстает как некоторая частица безобразного; безобразное в такой гомеопатической дозе, в которой оно не способно причинить вред и страдание.¹ Но мы уже видим, что и такое определение остается глубоко частным; оно описывает всего одну форму комического, однако другие его формы упускает. Так, данное определение совершенно не учитывает упомянутую выше ситуацию, когда в положении комического оказываются вещи «значительнейшие» и «глубочайшие». Кроме того, в данном определении есть и другой изъян: в нем не действуют обратные отношения. Да, возможно, что в комическом будет обнаружена некоторая безопасная доза

¹См.: Лосев А. Ф. История античной эстетики. Аристотель и поздняя классика. М.: Искусство, 1975. Т. 4. 672 с.

отображенного безобразного; но можем ли мы считать, что представленная в произведении малая толика безобразного непременно придаст данному опусу черты комического? Значит ли, что, воспользовавшись этим немудреным приемом, мы непременно сотворим нечто действительно смешное? Очевидно, нет.

В трактовке Гегеля, комедия как жанр отличается тем, что «субъективность как таковая в ее воле и действии, а также внешний случай завладевают всеми отношениями и целями».¹ И далее Гегель дает такое пояснение: «...Всеобщая почва комедии – это мир, где человек как субъект сделал себя полным хозяином всего, что значимо для него в качестве существенного содержания его знания и свершения: мир, цели которого разрушают поэтому сами себя своей несущественностью. Чем, например, можно помочь демократическому народу с его своекорыстными гражданами – легкомысленными, надутыми, сварливыми, лишенными веры и здравого рассуждения, болтливými, суетными, хвастливыми? Такому народу ничем нельзя помочь: он гибнет от собственной глупости».²

«С господствующим определением комического – “комическое есть перевес образа над идеею”, иначе сказать, внутренняя пустота и ничтожность, прикрывающаяся внешностью, имеющею притязание на содержание и реальное значение, – нельзя не согласиться», – писал Н. Г. Чернышевский. Это определение, безусловно, заслуживает внимания. Но и оно не лишено некоторых недостатков. Комическое, таким образом, снова становится в один ряд с безобразным, которое тоже, по мнению Чернышевского, суть перевес образа над идеей. Сам Чернышевский объединяет эти два понятия; на той же странице

¹ Гегель В. Ф. Г. Эстетика. М.: Искусство, 1971. Т.3. С. 574.

² Там же, С. 579.

у него находим: «Комическое мелочное и комическое глупое или тупоумное, конечно, противоположно возвышенному; но комическое уродливое, комическое безобразное противоположно прекрасному, а не возвышенному».¹ Уродливость и безобразие не могут служить синонимом комического по той причине, которая уже упоминалась выше: в комическом может быть представлен элемент безобразного, но не всякое безобразное способно породить комические черты. Но относить к комическому все то, где мы видим превосходство образа над идеей, можно лишь в том случае, если мы конкретизируем эту ситуацию анализом инверсивных отношений. Тогда это положение будет звучать так: превосходство низшего организационного принципа над высшим.

Комическое функционально связано со смешным; но, как указывает Г. Ш. Кязимов, не все смешное можно назвать комическим, но все комическое – смешно; комическому может быть адресован лишь социально значимый смех.² Будем следовать этому принципу, поскольку для вскрытия комической коллизии необходимо рассматривать смешное в контексте социальных отношений.

Прежде всего, чтобы оценить сущность комической коллизии средствами инверсивного анализа, нам необходимо обратиться к основополагающей сущности тех реальных социальных объектов, которые служили материалом комического выражения. Речь идет о том, какими *средствами* художник может передать зрителю (слушателю, читателю) все нюансы комической коллизии.

В фабуле, как говорилось выше, представлен уже не «сырой» сюжет, а некоторое его преломление с точки зрения ценностной иерархии. Автор представляет неко-

¹ Чернышевский Н. Г. Эстетические отношения искусства к действительности (Диссертация) // Соч.: в 2 т. М.: Мысль, 1986. Т. 1. С. 101.

² Кязимов Г. Ш. Теория комического: проблемы языковых средств и приемов. Баку: Асполиграф, 2004. 266 с.

торую, а именно – свою собственную, ценностную трактовку того или иного явления. У читателя (или зрителя) есть своя культурная принадлежность, свой жизненный опыт, собственные ценностные ориентиры. Когда они совпадают, то автор художественного произведения получает от читателя или зрителя желаемую реакцию. Если такого совпадения нет, реакция последует иная, порой «с точностью до наоборот».

Так, например, комическое в Средневековье и Возрождении предполагало в основном обращение к темам «телесного низа», к пищеварению, экскрементам и половым отправлениям. Конечно, все эти вещи встречаются в реальной жизни; и в нынешнем народном юморе эта тематика тоже занимает немало места. Но нашему современнику, воспитанному в сегодняшней культуре, все это часто уже кажется не смешным, а грубым, пошлым и глупым. И если современный юмор, хотя бы и имеющий подобную окраску, все же адаптирован к нашей культурной среде, то непосредственно сами комические зарисовки из средневековой жизни покажутся нам скорее отвратительными, вступая в противоречие с современными эстетическими установками. Мы – люди другой культурной ситуации, и потому для нас эта устаревшая фабула уже утратила комические черты. В то же время, например, творчество Франсуа Рабле наверняка заставляло его современников покатываться от хохота. Знаменитый роман «Гаргантюа и Пантагрюэль» насыщен упомянутой тематикой сверх всякой меры. Откровенно говоря, это не удивительно, поскольку современному человеку просто не понять и не осознать чудовищную антисанитарию, которая царила в городах Европы всего четыре столетия тому назад и, конечно, окрашивала картину видимого мира для тамошних жителей в соответствующие тона. Подлинная причина обращения к «телесному низу» лежит, конечно,

не только в этом, поскольку, как уже говорилось, в определенных кругах «телесный низ» популярен и сейчас; но все-таки упоминание того, что ежедневно находится перед глазами, формирует своеобразие комизма тех времен.

М. М. Бахтин считал Рабле труднейшим из всех классиков мировой литературы, потому что для его понимания требуется весьма сильно перестроить все свое художественно-идеологическое восприятие, отрешиться от нынешних требований художественного вкуса.¹ Без такой перестройки воспринять комизм в той вакханалии «телесного низа», которую представляет нам Рабле, уже не получается. Алексей Федорович Лосев, крупнейший российский философ и глубокий знаток эстетики, видимо, не сумел подобным образом «перестроиться», и на него ни комические отношения, ни реалистические картины в творчестве Рабле позитивного впечатления не произвели: «Реализм Рабле есть эстетический апофеоз всякой гадости и пакости. И если вам угодно считать такой реализм передовым, пожалуйста, считайте».²

Нечто подобное произошло, когда Джордж Оруэлл взялся анализировать сатиру Джонатана Свифта, «социально значимый смех» которого также основывался в большой степени на кишечно-фекальной теме. Оруэлл, сам, по следам Свифта, обращавшийся к жанру сказки-памфлета, отвергал комические приемы своего литературного предшественника с безгловым негодованием, считая их апофеозом антигуманности, хотя в то же время к Свифту-писателю он испытывал большой пиетет и отзывался о нем с «безграничным восхищением».³ Конечно, у Оруэлла были и иные, политического свойства, пре-

¹ См.: Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. 2-е изд. М.: Художественная литература, 1990. 543 с.

² Лосев А. Ф. Эстетика Возрождения. М.: Мысль, 1982. С. 591.

³ Оруэлл Дж. Политика против литературы. Взгляд на «Путешествия Гулливера»/Дж. Оруэлл. Скотный двор. М.: Известия, 1989. С. 153-175.

тензии к Свифту. Но показательно, что противник тоталитаризма (Оруэлл) буквально повторял при этом мнение фактического творца этого самого тоталитаризма, а именно – Льва Троцкого. Л. Д. Троцкий в одной своей статье охарактеризовал того же Свифта как «мизантропического сатирика человеческой низости», замечая, однако, что нашему времени именно его-то и не хватает.¹ При всех политических разногласиях, Оруэлл и Троцкий все-таки люди одной культурной ситуации, а Свифт пребывал в другой.

Еще пример такого рода, следует признаться, жутковатый, но не менее иллюстративный, можно обнаружить в книге известного польского психиатра Антония Кемпинского «Экзистенциальная психиатрия». Кемпинский описывает так называемый «синдром концентрационного лагеря» – те изменения психики, которые присущи бывшим узникам концлагерей. В частности, он отмечает: «Люди, освобожденные из лагеря, нередко реагировали шокирующим образом на церемонии, связанные со смертью; вид похорон единичного покойника и печальных мин участников последнего пути человека не раз вызывал у бывших узников неудержимый взрыв смеха».² Люди, для которых смерть давно стала бытовым явлением, находятся совершенно в иной культурной и морально-нравственной ситуации, чем простые обыватели из похоронной процессии, пораженные трагедией и таинством смерти. Для бывших узников очевидны комические черты в таком событии, в котором никакого комизма не видит больше никто.

Таким образом, для восприятия комической коллизии (и оценки того факта, что перед нами именно комическая коллизия, а не нечто совсем иное) требуется, что-

¹ Троцкий Л. Д. Сервантес и Свифт // Наше слово, 1916. 16 мая

² Кемпинский А. Экзистенциальная психиатрия. М.: Совершенство, 1998. С. 307 с.

бы автор и «потребитель» произведения искусства находились в сходной культурно-исторической обстановке и в сопоставимой моральной позиции. Если же такое невозможно, то читателю или зрителю предоставляется право самому преодолевать имеющуюся культурную и моральную дистанцию, насколько он сможет осилить это. Необходимость в преодолении этой дистанции связана прежде всего с различиями в иерархических системах ценностей, которые присущи той или иной культуре.

Для того чтобы составить о комической коллизии адекватное представление, нам необходимо понимать основные закономерности иерархических связей, во-первых, и знать особенности связей, отображающихся в пределах комической коллизии, – во-вторых.

Выстраивание отношений между отдельными уровнями иерархии осуществляется на основе некоторых принципов. Выше было показано, что принципы эти могут быть разнообразны; известно также, что несколько разнородных принципов способны действовать одновременно, образуя своеобразные и порой весьма причудливые сочетания. Комическая коллизия, как средство отображения и эстетической оценки некоторых действительных отношений, возникает при строго определенной форме таких внутрисистемных связей.

Ранее упоминалось также о том, что развитие инверсий составляет показатель динамики существования системы; чрезмерное их накопление ведет систему к гибели. Такой катастрофический сценарий находит отображение в человеческом восприятии, преломляется и выражается в различных жанрах художественного творчества. Иерархическая система, отношения которой только на то и годятся, чтобы быть объектом комического выражения, обречена. Именно это имел в виду Гегель, когда говорил о народе, гибнущем под гнетом собственной глупости.

Рассмотрим инверсивные отношения на одном из примеров. Так, в некоторых странах, в которых существовал монархический режим, правители были одновременно и самыми состоятельными людьми в стране. В Западной Европе король (при посредстве Папы) получал свою власть, как считалось, от Бога, а затем уже управлял страной. Таким образом, король возглавлял социальную иерархию минимум по трем отдельным принципам:

– теократическому (он поставлен править от имени Бога); этот принцип сущностный и не подлежит отмене;

– функциональному (поскольку на него возложена была функция управления и принятия решений); этот принцип – атрибутивный, поскольку сегодня системой может управлять один человек, а завтра другой;

– имущественному (ибо был самым богатым собственником); этот принцип также атрибутивный, поскольку, во-первых, собственник может лишиться своего достояния, а, во-вторых, его может опередить в имущественных накоплениях какой-либо другой собственник.

Эти принципы, в свою очередь, сами образуют иерархию, в которой низший порядок занимает, конечно же, имущественный принцип, а теократический (он, к тому же, и сущностный) – ставится превыше всего. Ведь человек, отправляющий властные функции, не подкрепленные божественным соизволением, кто угодно – узурпатор, диктатор, но не король.

Но вот король промотался, утратил все свое материальное достояние и даже оказался в долгах (среди западно-европейских королей такие вещи случались).¹ Люди, стоящие намного ниже такого горе-монарха по социальной лестнице, оказались не просто богаче короля – они стали его кредиторами. Возникает ситуация: формально

¹ В такой ситуации бывали, например, французские короли из династии Валуа: Карл VII (1403-1461) и Генрих III (1551-1589).

монархическая власть остается непоколебимой, но в социальной структуре появляется инверсивная связь. Некий нувориш, кредитор короля, может фактически влиять на управление страной, финансируя этого незадачливого монарха либо отказывая ему в этом удовольствии.

Отображение именно таких инверсивных отношений становится источником разнообразных коллизий в литературе. Не стала исключением и комическая коллизия. Вышеупомянутый король утратил атрибуты имущественного положения, сохранив, правда, сущностные свойства монарха – и вот мы уже видим основания для комической коллизии; перед нами один из вариантов «голового короля».

Инверсивный анализ, который призван помочь в построении общей схемы комической коллизии, сводится, как и прежде, к выявлению иерархических отношений в представленной социальной ситуации (функциональной системе), к анализу образующих эти отношения организационных принципов, взаимной значимости последних, а также тех противоречий, которые возникают между этими неравнозначными принципами. (Принципы, как уже говорилось выше, способны образовывать свою иерархию «по степени важности» – иерархию второго порядка).

«Набор» принципов, определяющих устройство иерархической социальной системы, меняется в зависимости от исторической и культурной обстановки. Это – одна из причин, вследствие которых возникает непонимание комических коллизий из разных культурных ситуаций, как было показано выше на некоторых примерах. Скажем, сословный иерархический принцип, некогда один из главных, сейчас почти не действует в обществе, а генетический принцип действует, по сравнению с патриархальным обществом, весьма ограниченно. И даже при-

страстие к «телесному низу» в комических коллизиях прошлого имеет свое объяснение – во времена Средневековья эта сторона человеческой жизни была куда нагляднее представлена как «изнанка» благополучия и низший уровень ценностных иерархий, чем в наше относительно благопристойное время.

Итак, мы уже знаем, что коллизия (как форма отображенного противоречия) в литературных произведениях порождается инверсивными отношениями. В некоторых случаях инверсии создают комическую коллизию; в других – коллизию трагическую и даже героическую. Поскольку одновременно в иерархической системе действует несколько принципов, то именно от их собственных иерархических отношений будет зависеть, какая именно коллизия будет показана в данном литературном произведении. В рамках же авторской тенденциозности могут быть показаны не все, а только некоторые организационные принципы, между которыми такие отношения возникают.

Обратимся снова к приведенному выше примеру разорившегося короля. Сам факт утраты материального достатка ни о чем еще не говорит. Например, к этому могли подтолкнуть короля тяготы войны, когда все средства, которыми располагает король, потрачены на нужды защиты его страны и его подданных. В иерархии принципов для этого короля ведущим оказывается принцип теократический – поставленный именем Бога править своими подданными, такой король настолько подчиняет свои действия этой всеобъемлющей ответственности, что готов разориться и даже погибнуть сам, но не допустить поражения своего народа. Наиболее значимый принцип выходит на первое место. В иерархии принципов отношения ордера, несмотря ни на что, сохраняются. Такой

король – фигура героическая. Будучи изгнан своими кредиторами, он станет трагической фигурой.

В реальной истории, увы, существуют и совсем иные варианты. Король мог именно *промотаться*, т. е. потратить все средства – и собственные, и из казны – на развлечения, балы и охоты. Для такого короля, позабывшего и божественное (как считается) происхождение своей власти, и собственные функции управления – низший из всех, имущественный принцип приобретает наибольшее значение. И уделом его становится участие в комической коллизии.

Конечно же, не всякое несчастье в материальной сфере бытия становится комичным. Разорившийся купец, например, комической фигурой в сходных обстоятельствах не станет: его общественное положение с самого начала основывалось на одном только имущественном принципе, и в данном случае просто не возникает никаких инверсивных отношений. А вот в случае с королем такая инверсия есть (это не значит, что при ином направлении тенденциозности подобные инверсии не возникнут и по отношению к купцу). Но для примеров инверсивных отношений совсем не обязательно привлекать только отошедшие в прошлое образы купцов, дворян и королей.

Комична ситуация, когда некоторая чрезвычайно гордая и самовлюбленная красавица обладает пустой головой. Многочисленные плоды народного творчества – анекдоты про «блондинок» – ярко об этом свидетельствуют. Здесь мы наблюдаем главный для человека организационный принцип, согласно которому верхнюю ступеньку в иерархии занимает самый умный, и второстепенный принцип, превозносящий исключительно за красоту. Второстепенный принцип победил – и налицо комическая коллизия. Неумная и в то же время внешне непривлекательная особа уже не будет подходящим персо-

нажем для подобной коллизии: она занимает низшие иерархические позиции по обоим рассматриваемым организационным принципам, и никакой инверсии здесь нет.

В известном рассказе Чехова «Мститель» оскорбленный муж идет покупать револьвер, чтобы расквитаться со своей неверной женой и ее любовником. Мотив его поведения может трактоваться по-разному, но, во всяком случае, ничего комического или просто *смешного* в таких намерениях нет. Достоинство человека, оскверненное супружеской неверностью, – вещь нешуточная. Но вот в магазине, ввиду того, что на вожделенный револьвер у него недостает денег, а показать свою финансовую несостоятельность ему все-таки не хочется, этот господин покупает сетку для ловли перепелов. И это уже, безусловно, выглядит весьма комично.

В реальной жизни социум строится на огромном количестве организационных принципов, но тут автор, силою своей тенденциозности, оставил в поле зрения читателя только два из них: имущественный и моральный. В бытующем представлении моральный принцип стоит все-таки выше имущественного; человек, замышляющий убийство из ревности, демонстрирует, во всяком случае, некоторое презрение к материальной стороне жизни. Но стоило герою Чехова оказаться в магазине, как эта самая материальная сторона роковым образом возобладала. Налицо инверсия, порождающая комическую коллизию. Именно умение вскрывать такие инверсии, показанное Чеховым не один десяток раз, дает основание восторгаться сатирическим талантом Чехова.¹

Такие корни комической коллизии могут быть прослежены буквально всюду – от комедии положений до комедии передеваний, от «Великого Диктатора» Чарли

¹ См.: Зощенко М. М. О комическом в произведениях Чехова (Вступ. статья, публ. Г.А. Белой) // Вопросы литературы. 1967. № 2. С. 150-155.

Чаплина до гоголевского «Ревизора». Приведем еще один пример, относительно которого читатель сможет все выводы сделать сам.

Сергей Довлатов в свое «Зоне» описывает следующую ситуацию. В местах лишения свободы по случаю юбилея Октябрьской революции силами заключенных, при содействии тюремной администрации, организована театральная постановка. Один из заключенных, профессиональный вор Гурин, играет в ней роль В. И. Ленина. По сценарию, в конце спектакля он должен обратиться с «прочувствованными словами» к зрительному залу (в котором, заметим, сидят только уголовники и надзиратели). И вот результат:

«Наконец Владимир Ильич шагнул к микрофону. Несколько секунд он молчал. Затем его лицо озарилось светом исторического предвидения.

– Кто это?! – воскликнул Гурин, – Кто это?! – Из темноты глядели на вождя худые, бледные физиономии.

– Кто это? Чьи это счастливые юные лица? Чьи это веселые блестящие глаза? Неужели это молодежь семидесятых?..

В голосе артиста зазвенели романтические нотки. Речь его была окрашена неподдельным волнением. Он жестикулировал. Его сильная, покрытая татуировкой кисть указывала в небо.

– Неужели это те, ради кого мы возводили баррикады? Неужели это славные внуки революции?..

Сначала неуверенно засмеялись в первом ряду. Через секунду хохотали все».¹

Этот пример особенно показателен тем, что автор не излагает комичную ситуацию сам, предоставляя читателю ее оценить, а выступает с позиции свидетеля, что де-

¹ Довлатов С. Зона / С. Довлатов. Собрание прозы: в 3 т. СПб.: Лимбус-Пресс, 1995. Т.1. С. 152.

лает его зарисовку особенно достоверной. Инверсивные отношения в данной комической коллизии видны, что называется, невооруженным глазом.

В заключение следует отметить, что выделить в том или ином произведении комическую коллизию не составляет труда; но отнести такое произведение *только* к комическим непросто; в нем нередко обнаруживаются и другие коллизии, помимо комических, и этим в большой мере бывает обусловлена общекультурная значимость произведения. Именно поэтому в произведениях выдающихся писателей, например, того же Чехова, как правило, соседствует сразу несколько разнонаправленных коллизий, и у этих авторов трудно бывает найти какое-либо исключительно комическое произведение. Если некоторый автор попытается изгнать из своего произведения все, кроме комизма, он, вероятнее всего, получит эстетически ничтожный результат, поскольку вся сложность жизненных коллизий в рамках такой чрезмерной тенденциозности окажется сведенной к некоторой примитивной схеме, а сама комическая коллизия, не оттеняемая трагизмом, утратит свою выразительность.

5.5. Плутводство как форма литературной коллизии¹

Коллизии, проявления противоречий в литературных произведениях нередко отображаются на такой благодатной для этого почве, как тема жульничества и обмана. И потому среди разнообразных обобщенных образов в контексте художественной культуры особое место занимает Плут. Образ Плута никогда не оставляет нас равнодушными; Плут, ловко околпачивающий окружающих и даже нас самих, вызывает не ненависть, а скорее симпатию. Плут – неизменный герой многих литературных произведений. Нечасто он обретается на вторых ролях; обычно он выходит на первый план. Плутводство, отраженное в литературных произведениях, стало настолько распространенным и всепроникающим элементом мировой культуры, что может считаться весьма достойным объектом и философского, и культурологического исследования. Без изучения этого элемента картина современной культуры была бы неполной, искаженной, недостаточной.

Кто такой Плут? Словарь Ожегова трактует это понятие просто: «1. Хитрый и ловкий обманщик, мошенник. 2. Хитрец, лукавец».² Более пространное определение можно встретить в словаре Даля: «Плут – кто плутует, ловкий обманщик, мошенник, бездельник, нечестный человек, особ. в мелочах, надувала, оплетала, ошукала. *Плуту в руки не попадайся. Да умный человек не может быть не плутом!* Грибоедов. *Квас плут: воду навел, а сам ушел!* о жидком квасе. *Плутец, плутишка, плутиш* б. шуточн. умный, хитрый, бойкий ребенок. *Плутяга,*

¹ Материалы данного подраздела опубликованы в статье: Севостьянов Д. А., Марин А. Ю. Плутводство как элемент культуры // Обсерватория культуры. 2012. №2. С. 84-89.

² Словарь русского языка / сост. С. И. Ожегов. М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1952. С. 475.

смягченное прозвище плута. *Плутница отъявленный. || Плутовка и плутовочка, б. шуточн. и ласкат. Эта плутовка всякого обойдет. Купец плутец. У всякого плута свои расчеты. Рука руку моет, а плут плута покрывает. Алмаз алмазом режется (или: гранится), плут плутом губится. Плут на плуте едет, плутом погоняет. Не душой худ, а просто плут».*¹

Образ Плута на страницах мировой художественной прозы, поэзии, эпоса, драматургии, при всей кажущейся «несерьезности» самого этого персонажа, требует весьма вдумчивого анализа, ибо велика его роль в формировании современной культуры. Для такого анализа требуется надлежащий инструмент, некоторый исходный теоретический конструкт, опираясь на который, возможно было бы определить истинную роль фигуры Плута в культурном контексте. Таким инструментом, как и при исследовании показанных ранее литературных и жизненных коллизий, может быть назван инверсивный анализ. Одновременно изучение плутовства, отраженного в литературном дискурсе, предоставляет уникальную иллюстрацию инверсивной природы противоречий.

Как уже было неоднократно показано раньше, инверсивные отношения возможны не во всякой иерархии; они – принадлежность сложных иерархий, сформированных на основе нескольких организационных принципов одновременно. Подобное устройство присуще таким иерархическим системам, как «человек», «общество» и «культура». А поскольку Плут – это персонаж (человек), реализующий свои плутовские действия в *обществе* и отображенный в контексте *культуры*, то возможности инверсивного анализа могут быть применены к его изучению в полной мере.

¹ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М.: ГИХЛ, 1935. Т.3. С. 132.

Плут действует в условиях существующей в окружающем его обществе некоторой иерархии ценностей. Одновременно сам он живет в некоторой системе общественных отношений и занимает то или иное место в социальной иерархии. Все действия Плута, его взаимодействие с окружающими, его отличия от других людей (не Плутов) в значительной мере определяются его отношениями к этим двум иерархиям.

Понять суть Плута невозможно вне контекста *игры*. Плут играет. Это главная характеристика Плута, основное его качество. Игра, как известно – один из основных и наиболее распространенных видов человеческой деятельности. Игра проникает повсеместно; ни в искусстве, ни в детской, ни в отношениях полов, ни в спорте, ни в споре, ни в суде, ни на войне, ни в богослужении, ни на званом обеде, ни на празднике нам не уйти от многочисленных игровых элементов, пронизывающих всю нашу жизнь. Игра наполняет человеческую жизнь смыслом. Без игры наше существование превратилось бы в угрюмую битву за еду. Кроме того, игра сообщает нашей жизни динамику, ибо по природе своей игра динамична; в ней мы не только проявляем физическую активность, но и реализуем динамику отношений. Принципиальное же отличие же игры от других видов деятельности может быть обозначено так: игра поддерживается интринсивными мотивами, прочая деятельность – мотивами экстринсивными.¹

Интринсивный мотив направлен на саму деятельность; другими словами, высший смысл игры заключается в ее процессе, но не в результате. Игра привлекательна уже тем особым эмоциональным состоянием, которое человек переживает в ней. Экстринсивный же мотив на-

¹ Хекхаузен Х. Экстринсивная и интринсивная мотивации // Мотивация и деятельность: В 2 т. М: Педагогика, 1986. Т. 2. С. 234-248.

правлен на результат, лежащий за пределами деятельности, но не на сам ее процесс.

В человеческой деятельности мы можем различить цель и средства. Цель по значимости обыкновенно превосходит средства; недаром считается, что «цель оправдывает средства», «Париж стоит мессы». Человек может по доброй воле выполнять тяжелую, неприятную, скучную работу; но выполняет он ее, например, потому, что за нее полагаются деньги (а получить денежное вознаграждение – это внешняя, по отношению к деятельности, цель). В этом случае в отношениях цели и средства существуют отношения ордера. Цель объективно важнее средства просто по определению, в принципе; но и для данного труженика, в его субъективном восприятии, отношение значимости цели и средств сохраняется. Однако когда человек не трудится в поте лица, а играет, он поглощен процессом и уже не придает решающего значения какой-либо внешней цели. Поэтому игра может рассматриваться как особый вид деятельности, в котором преобладают инверсивные отношения – средства в ней важнее цели.

Плут всегда ставит себе в игре какие-либо цели, материального или иного порядка; но в действительности процесс игры занимает его гораздо больше, чем сама такая цель:

О наслажденье – скользить по краю!
Замрите, ангелы! Смотрите – я играю!
Моих грехов разбор оставьте до поры,
Вы оцените красоту игры!¹

Итак, игра – инверсивная деятельность. Однако и само плутовство наполнено инверсивными отношениями,

¹ Песня из фильма Марка Захарова «12 стульев» (1976). Слова Юлия Кима.

помимо тех инверсий, неизбежность которых проистекает из самого процесса игры.

Участвуя в игре вместе с другими людьми (не Плутами), Плут вступает в противоречие с общепринятыми формами поведения, нарушает правила игры (т.е. плутует). На словах, однако, он продолжает соблюдать и уважать данные правила. Другие участники игры эти правила соблюдают на самом деле, создавая тем самым для плутовства точку опоры. Если соблюдение правил игры считать более правильным (нравственным, достойным) поведением, чем нарушение правил, то в этом отношении те, кто соблюдает правила, оказываются иерархически выше Плути. Но Плут, благодаря своему плутовству, выигрывает – и тем самым (правда, на основе другого организационного принципа) завоевывает право на вышестоящую иерархическую позицию, право, которым он никогда не сможет воспользоваться – и это становится одной из форм инверсивных отношений. Хорошо оказаться победителем, соблюдая все правила. Но Плут считает, что все же лучше сплутовать и победить, чем, полностью соблюдая правила, проиграть. При этом нарушение правил игры, очевидное для других игроков, для самого Плути никаким нарушением не является. Просто он играет в несколько другую игру: «Обмани, чтобы не поймали». А поскольку нарушение игровых правил происходит тайно, то в играх действует негласное правило: «Плут игру не портит». Плути изгоняют из игры, только когда его плутовство становится настолько заметным, что его уже невозможно игнорировать, не разрушив саму игру.

Кто же является антиподом Плуту? Таких антиподов можно выделить несколько. Так, первый антипод Плути – тот, кого Плут обманывает; это Простофиля. Плути отличается острота ума, благодаря которой он поднимается над

Простофилей, опять-таки завоевывая право на более высокую иерархическую позицию (и заслуживая наши симпатии); Простофиля же положительных свойств своего ума не проявляет; он просто усвоил правила игры – и они заменяют ему способность самостоятельно мыслить и принимать собственные решения.

Еще один антипод Плуту – Стяжатель; от Плута он отличается тем, что он, притворяясь игроком, фактически *не играет*. Если все игроки погружены в инверсивную деятельность – игру (и Плут тоже погружен в нее), то Стяжатель только делает вид, что играет, в то время как в действительности его деятельность – вовсе не игра. Для него внешняя цель куда важнее процесса. Он хочет получить приз, полагаящийся победителю, а не наслаждаться процессом игры.

Наконец, третий антипод Плута – это еще один нарушитель правил игры, Штрейкбрехер. Он тоже нарушает правила, но делает это демонстративно. Он показывает всем играющим, что правила игры он не уважает и соблюдать их не намерен. И если присутствие Плута в игре терпят, то Штрейкбрехер обречен на изгнание и репрессии.¹ Он – диссидент, еретик, outlaw (изгой). Согласиться с его позицией – значит, обесценить общую игру, на что, конечно, остальные игроки категорически не согласны. При этом «наедине с собой», в собственных мыслях Штрейкбрехер вовсе не отрицает сам институт игры (как это делает Стяжатель). Как и Плут, он играет в другую игру. Еретики и диссиденты всегда изобретают свою игру – собственную, не такую, как у остальных. Но если игра Плута встроена в ранее существовавшую игру (Плут без этой, общей с другими, игры функционировать не может, иначе некого будет обманывать), то Штрейкбрехер готов

¹ Хейзинга Й. Homo ludens. В тени завтрашнего дня. М.: Изд. группа «Прогресс», «Прогресс-Академия», 1992. С. 22-23.

полностью удовлетвориться только «своей» игрой, а ту игру, правила которой он презирает, он просто стремится игнорировать.

Полную антологию отражения плутовства в художественной культуре едва ли возможно составить. Одно можно сказать наверняка: плутовство отображается в литературном творчестве уже столько времени, сколько существует сама литература.

Один из первых известных Плутов – несомненно, Одиссей. Это, впрочем, лишь одна из сторон этой сложнейшей и противоречивой фигуры. Одиссей – не только Плут; он и герой, и путешественник, и воин, и военачальник, и мореход, и искусный рассказчик. Он – любящий отец и супруг, но он же – любовник коварных и прекрасных нимф. Плутовство Одиссея заключается, в частности, в том, что он способен победить обманом там, где он явственно уступает своему оппоненту в силе – например, в истории с циклопом Полифемом. По своим физическим данным он, конечно, находится в подчиненном состоянии по отношению к могучему циклопу, но он превосходит циклопа хитроумием и побеждает его.

В трагедии Софокла «Филоклет» (409 г. до н.э.) Одиссей прямо выставлен в качестве плута:

Открою все, коль, видно, ты не слышал.
Был у Троян гадатель благородный,
Приамов сын, по имени Елен.
И вот лукавец, всеми поносимый,
Плут Одиссей, один, средь ночи выйдя,
Схватил его и славную добычу,
Привел, в цепях, к ахейцам на собранье...¹

¹ Софокл. Трагедии / пер. С. В. Шервинского. М.: Художественная литература, 1988. С. 357-358.

Еще один такой персонаж изображен в романе Ф. Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль» (1533-1564). Это Панург; само его имя (*πάν ἔργον*) означает нечто вроде «действующий всюду» или «человек на все руки». Он – насмешник, изворотливый человек, проныра, циник и бесстыдник; он, несомненно, Плут.

Плутовство стало одним из излюбленных качеств героя со времени становления великой европейской драматургии. Примером может послужить всем известная фигура Труффальдино из пьесы Карло Гольдони «Слуга двух господ» (1749). Плута можно встретить и на страницах более поздних произведений: достаточно вспомнить роман Томаса Манна «Признания авантюриста Феликса Круля» (1954). Плутом является Остап Бендер. Несомненно, Плутом был и Ходжа Насреддин – и в тех чертах, которыми наделила его народная фантазия, и в образе, представленном в знаменитой повести Леонида Соловьева «Повесть о Ходже Насреддине» (1939-1950). Однако, повторим, перечислить все плутовские образы в мировой литературе попросту невозможно – и потому, что их много, и потому, что ряд персонажей включал в себя, помимо свойств Плута, еще и многие другие, вовсе не плутовские качества.

Антагонисты Плута также встречаются в произведениях многих авторов – либо вместе с Плутом, оттеняя его свойства (чаще всего в этом качестве выступает Простофиля), либо же действуют самостоятельно. Так, в известном романе И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой теленок» таким антиподом Плута выступает Александр Иванович Корейко. Он – Стяжатель. Хотя его и Остапа Бендера называют в книге «Два комбинатора», разница между ними есть – и огромная. Корейко, в отличие от Остапа Бендера – *не играет*. Он «бережет себя для капитализма»: ведет скучную, неинтересную жизнь, тщательно следит за сво-

им здоровьем, и стяжает, стяжает, стяжает. Остап Бендер – полная ему противоположность: пока он гнался за призом, пока играл – он был в своей стихии. Получив же приз, он выглядит нервным, неприкаянным, потерянным человеком.

Еще один типичный пример Стяжателя (без сопутствующей фигуры Плути) – полковник Себастьян Моран из рассказа Артура Конан Дойла «Пустой дом». Он – карточный шулер, но он – не Плут: не острые ощущения влекут его к игре, а добыча средств к безбедному и благополучному существованию. И когда над ним нависла угроза разоблачения, он убивает молодого Рональда Адера – поступок, например, Плуту совершенно не свойственный.

Чрезвычайно характерные отношения Плути и Простофили, а также Плути и Стяжателя показаны в «Сказке о попе и работнике его Балде» А. С. Пушкина; еще лучше они показаны в одноименном мультфильме (реж. Инесса Ковалевская, 1973). Поп – типичный Стяжатель, наказанный Балдой за свою жадность. В другой роли выступает Бесенок. С ним, например, у Балды происходит состязание по бегу. Балда сразу же начинает жульничать. Он не бежит сам, а предлагает обогнать своего «меньшого брата» – т.е. зайца. Все зрители, наблюдающие за этим соревнованием, совершенно точно знают, что заяц – никакой не брат Балде. Бесенок же (как и всякий Простофиля) добросовестно исполняет правила игры и даже обгоняет зайца; но у Балды припасен еще один точно такой же заяц, которого он в нужный момент вытаскивает из-за спины! Таким образом, Балда сжульничал, и сжульничал он дважды; но на чьей стороне симпатии публики? На стороне Балды: он не просто Плут, он – Ловкач (а Бесенок – Простофиля).

Однако Балда, хотя и наказал Стяжателя-Попа, остается нищим, каким и был. Добытый им оброк все равно достался Попу (хотя у него, по сказке, от щелчка и «вышибло ум»). Балду, который свое эфемерное счастье заработал собственной хитростью и собственным умом, невозможно представить в роли второго Стяжателя рядом с Попом. Это не значит, что Плут – по определению бесребренник и альтруист. Но это определенно означает, что игра для него важнее, нежели приз, добытый в игре. И потому реально ведущего места в социальной иерархии Плут занять не может; а если и случится такое, то там ему понадобятся вовсе не плутовские качества.

Какова же причина столь широко распространенного образа Плути? Таких причин несколько.

Во-первых, инверсивные отношения, в которых проявляется сущность Плути, лежат в основе всяких противоречий; литература же, как мы знаем, живет противоречием, коллизией. Повторим еще раз, что там, где нет противоречий, нет и литературы; и потому яркое отображение инверсивных отношений, данное в фигуре Плути, всегда привлекает внимание – оно составляет то, что есть соль литературы, ее характер и суть.

Затем, фигура Плути заменила в общественном сознании ранее бытовавшую фигуру шута, скомороха, юродивого; эти персонажи тоже несли многие черты, присущие Плуту, и занимали в ритуализированном общественном сознании важнейшую нишу, которую теперь принято обозначать как «антиповедение».¹

Наконец, Плут – живое олицетворение Игры, наделяющей жизнь человека смыслом; а поскольку значение

¹ См.: Успенский Б. А. Антиповедение в культуре древней Руси // Избранные труды. Т.1: Семиотика истории. Семиотика культуры. М.: Гнозис, 1994. С. 320-332; Юрков С. Е. Антиповедение – гротеск – антимир // Под знаком гротеска: антиповедение в русской культуре (XI-начало XX вв.). СПб.: Летний сад, 2003. С. 15-35.

игры в жизни человека велико, то и фигура Плута остается привлекательной для нас. Испытывая вместе с Плутом азарт, разочарования и предвкушение победы, мы тоже присоединяемся к его игре, хотя бы мысленно и условно; и это делает разнообразные похождения Плута столь увлекательными, а образ Плута – столь значимым и распространенным.

5.6. Парные персонажи как олицетворение противоречий¹

В мировой художественной литературе весьма частым приемом стало предъявление парных (дуальных) персонажей. При этом происходит противопоставление образа главного героя и сопровождающего его (в дороге, по пути развития сюжета) спутника, создающего этому главному герою своего рода противовес.² Это не *герой и антигерой*, хотя в литературе широко представлены и такие пары: если между героем и антигероем происходит бескомпромиссная борьба, завершающаяся традиционной «победой добра над злом», то между героем и его спутником скорее возникают взаимодополняющие, дуальные отношения.

Герой побеждает антигероя по законам жанра; парные персонажи, даже если они и не в ладах друг с другом, не уничтожают один другого. А если нечто подобное и происходит, как в свое время это случилось между Ипполитом Матвеевичем Воробьяниновым и Остапом Бендером, то тем самым выживший персонаж уничтожает и

¹ Материалы данного подраздела были частично опубликованы в статье: Севостьянов Д. А. Инверсивные отношения парных персонажей в художественной литературе // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2010. № 3. С. 137-141.

² См., например: Феоктистова С. С. Парные персонажи в русском фольклорном театре // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А.И.Герцена. СПб., 2009. № 96. С.224-228.

себя, носителя определенного образа; ему, как литературному герою, приходится также уходить со сцены. Что должен сделать человек, который пожелал избавиться от собственной тени? Он может либо уйти во тьму, сделавшись невидимым для нас, либо исчезнуть совсем, прекратить свое физическое существование. После того, как Воробьянинов, не найдя брильянтов, издал свой финальный крик, мы больше не встречали его на книжных страницах – он исчез.

Когда мы говорим о дуальных отношениях, это вовсе не означает, что здесь имеются в виду соционические дуальные пары, подобранные на основании дальнейших толкований юнгианских типов.¹ Соционические исследования давно уже составляют самостоятельную и во многом самодостаточную интеллектуальную среду,² которую мы сейчас не будем затрагивать. Здесь решается иная задача: проанализировать парные (дуальные) персонажи при помощи все того же универсального аналитического приема – анализа иерархических и инверсивных отношений в структуре каждого образа.

Дуальные отношения не всегда проявляются лишь как дружба и привязанность. Участники дуальной пары могут браниться, ссориться, подшучивать друг над другом (подчас довольно едко), или, напротив, подолгу не разговаривать; но их существование друг без друга немыслимо. Оно невозможно потому, что без спутника-противовеса образ каждого из них стал бы беспомощным, ходульным и невнятным. Это невозможно и в чисто психологическом плане; если мы, подчинившись замыслу автора, представим обоих живыми людьми, то выяснится,

¹ Юнг К.-Г. Психологические типы. М.: Университетская книга; АСТ, 1996. 717 с.

² Аугустинавичюте А. Соционика: Введение / сост. Л. Филиппов. М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 1998. 448 с.

что они оба нужны друг другу и сами бы не представляли себе жизни без своего alter ego.

Примеров парных персонажей можно привести множество. Самая известная такая пара – конечно, Дон Кихот и Санчо Панса. Они же стали одной из первых таких пар, ставших объектом исследовательского интереса. Ипполит Тэн в своей «Философии искусства» (1865) отмечал: «...В Дон Кихоте вы видите, во-первых, испанца – рыцаря и душевнобольного, каким его сделали восемь веков крестовых походов и мистического бреда, и, кроме того, один из вечных типов человеческой истории, героя, идеалиста высшего порядка, фантазера, исхудалого и избитого, и тут же, рядом с ним, для усиления впечатления, рассудительного, положительного, вульгарного и неуклюжего толстяка».¹

В действительности традиция ставить рядом с главным героем некоторого другого, в значительной мере противоположного, восходит к эпосу и мифу. Такой дополнительный герой (трикстер²) сопровождал там культурного героя; и если культурный герой, подобно Прометею, научившему человечество пользоваться огнем, благодетельствовал людям, то его зловредный спутник (озорник и плут) часто творил всякие непотребства. Е. М. Мелетинский указывает, что и сам культурный герой во многих случаях не брезгает прибегать к обману и хитрым трюкам, чтобы добиться успеха в самых серьезных своих начинаниях. А поскольку культурный герой – в то же время воплощение всяческих достоинств, то и появилась потребность отделить от него все «неблагородные» черты поведения, отдав их вспомогательному персонажу.³

¹ Тэн И. Философия искусства. М.: ОГИЗ ИЗОГИЗ, 1933. С. 299-300.

² Trickster (англ.) – обманщик, ловкач.

³ Мелетинский Е. М. Культурный герой // Мифы народов мира: энциклопедия / под ред. С. А. Токарева. М.: Российская энциклопедия, 1997. Т.2. С.25-28.

Наше восприятие действительно живших исторических лиц обусловлено не столько реальными качествами этих людей, сколько стереотипами. Подчас даже и в реальном облике человека сочетаются черты, которые мы с трудом воспринимаем одновременно. Например, мы знаем Сократа как тонкого интеллектуала, мастера диалога, как одного из основоположников европейской философии; с этим в нашем сознании плохо сочетается то, что он был в молодости гоплитом – тяжеловооруженным пехотинцем, сильным и беспощадным бойцом. Два таких образа, реально уживающиеся в одном человеке, не получается совместить в единой феноменологической картине: когда один обозначается резко, «в фокусе», другой как будто расплывается, и наоборот.

Такое «расстройство зрения» вполне объяснимо. Восприятие другого человека в процессе общения – сложный и многоплановый процесс. Достаточно сказать, что два субъекта в процессе общения многократно отражаются друг в друге. Внутри персонажа Y находится персонаж X, внутри которого находится персонаж Y, и так далее; причем глубина «вложений» может быть произвольной. Например, «Y думает, что X думает, что Y думает», и т.д.¹ В реальной жизни мы имеем дело со сложной взаимной рефлексией, и именно это делает процесс межличностного восприятия полноценным. Воспринимая литературного героя или даже реального человека при «заочном знакомстве», мы естественно, оказываемся в несколько иной ситуации, хотя усилия автора литературного произведения направлены как раз на то, чтобы персонаж воспринимался нами «как живой». Однако нередко полностью достичь такого эффекта, передать всю противоречивость индивидуума не удается, и потому об-

¹ Лефевр В.А. Конфликтующие структуры. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: Советское радио, 1973. 158 с.

раз дробится, возникает множественность образа; персонаж порой оказывается носителем трудносовместимых свойств. При литературной обработке бывает проще «расселить» эти несовпадающие свойства по разным персонажам; но персонажи эти всегда вместе, они неразлучны в действии и нераздельны в восприятии. Так и происходило, начиная с тех времен, когда создавался эпос.

Далее этот прием – выведение персонажей парами, – повторялся снова и снова; в наши дни известно уже много десятков таких пар. В них сохраняется разделение функций; но следует помнить, что это разделение существует не само по себе, как существовало бы в «естественных условиях» – в обычных, реальных взаимоотношениях людей; оно обусловлено неизбежной тенденциозностью писателя и, если угодно, технологией подачи образа. Это деление возникает не только и не просто как «реакция на трудности» при создании литературного образа, но и как позитивная программа действий, позволяющая персонифицировать противоречия, обозначить достоинства и недостатки героев.

Мы не оценили бы по достоинству интеллектуальных подвигов Шерлока Холмса, если бы рядом с ним не было симпатичного, но глуповатого доктора Ватсона. У Эркюля Пуаро был свой «доктор Ватсон» – это капитан Гастингс. Дуальную пару в бесчисленных произведениях Рекса Стаута составляют вечно ссорящиеся и также необходимые друг другу Арчи Гудвин и Ниро Вульф. Во всех этих случаях повествование ведется со стороны второстепенного лица в этой паре – ведь речь идет об описании и одновременном *контрастировании* (на собственном фоне) чужого умственного процесса. Случается и так, что никто из этих двоих не повествует от своего имени: так построен роман Дени Дидро «Жак-фаталист и его хозяин» – эти двое тоже, несомненно, дуальная пара.

Планше, Базен, Гримо и Мушкетон – дуальные дополнения, которыми Дюма снабдил своих любимых героев, тоже сами не вели никаких записок.

В современном литературоведении можно найти множество описаний как литературных, так и фольклорных парных героев. Для составления той или иной конкретной пары можно найти немало частных оснований. Нетрудно заметить, что функции героев могут подразделяться по-разному. В упомянутой выше паре Арчи Гудвина и Ниро Вульфа последний олицетворяет собой как бы покоящийся мозг, который разделяет свое время между вкушением удовольствий (от еды, разведения цветов и чтения книг) и интеллектуальной, символической активностью (детективной работой) – порой не к пользе последней. Арчи Гудвин несет при нем служебные, но чрезвычайно важные функции – так сказать, обеспечивает связь этого «мозга» с миром, да еще и следит, чтобы «мозг» не ленился. Он для Вульфа – руки и ноги, глаза и уши, и вдобавок он «сам по себе мальчик» – ироничный, даже плутоватый, жизнелюб и ловелас, а еще – остроумный рассказчик, повествующий обо всех детективных подвигах, своих и своего шефа. Пара «Холмс и Ватсон» сформирована по совершенно иным основаниям, хотя и Ватсон выступает в роли рассказчика.

Можно найти подобные пары и в кинематографе – но и там мы обнаружим разные подходы к образованию этих пар. В известном цикле мультфильмов про кота Леопольда (режиссер Анатолий Резников, автор сценария Аркадий Хайт, 1975-1993) два мышонка – серый и белый – оба мелкие проказники и пакостники. Но белый мышонок (имеющий субтильное телосложение) выполняет функции «мозгового треста» во всех их затеях и проделках, а серый (крепыш) все осуществляет – особенно там, где требуется физическая сила. А вот аналогичная пара в

фильме «Невезучие» (режиссер и сценарист – Франсис Вебер, 1981): пару здесь составляют Жан Кампана (его играет Жерар Депардьё) и Франсуа Перрен (Пьер Ришар). Кампана превосходит своего партнера и в силе, и в мужской самостоятельности, и в интеллекте. Но все равно они – пара. Пара оказалась настолько удачная, что Франсис Вебер использовал ее снова и снова («Папаши» (1983), «Беглецы» (1986)).

Дуальных литературных и кинематографических персонажей объединяет в один класс именно взаимодополняемость внутри каждой пары. Но многообразные подразделения функций в парах показывают нам, что сама потребность в формировании таких дуальных пар составляет проявление некоторого более общего организационного принципа.

Нельзя не отметить одну важную закономерность: дуальные пары в литературных произведениях (а кино-сценарий – тоже литературное произведение) *всегда сконструированы искусственно*. Реальный прототип, на который мог бы опираться автор, есть в лучшем случае у одного из двоих парных персонажей, да и тот воспроизводится очень приблизительно; у пары в целом прототипа, как правило, нет.

Следует признать, что очень многие парные персонажи фигурируют на страницах произведений, которые буквально бьют рекорды популярности. Мало того. Даже у весьма успешных авторов, таких, как Артур Конан Дойл или Рекс Стаут, часто имеются произведения, где такой взаимодополняющей пары нет. И эти произведения оказываются несравненно слабее (либо просто гораздо менее известны), чем те, где такая пара представлена. Стоит сравнить «Рассказы о Шерлоке Холмсе» Конан Дойла и «Затерянный мир» того же автора. Следовательно, прием создания пар нельзя не признать успешным.

Обратимся к подобным свойствам реальных людей.

И активность, и мотивация каждого субъекта может быть представлена в виде иерархической системы. В частности, активность подразделяется прежде всего по степени сложности движений, действий, поступков. В структуре активности мы обнаруживаем нижележащие, служебные уровни, и – для каждого акта деятельности – некоторый высший уровень, формально подчиняющий себе всё остальное. Например, символическая деятельность составляет высший уровень активности; существуют и низшие уровни активности, выполняющие при символической деятельности служебные функции, но в более примитивных формах активности выступающие самостоятельно.¹ Более подробно структура моторного акта будет показана в главе, посвященной саморазвивающимся системам.

Подразделяя активность человека на уровни, мы должны помнить, что в активности каждого человека эти уровни представлены по-разному. Будучи развиты в большей или меньшей мере, они образуют индивидуальный профиль активности каждого человека. Существование индивидуальных профилей активности, представленное Н. А. Бернштейном лишь в качестве гипотезы, подтвердилось несколько лет назад в исследованиях отечественных психологов (Н. Е. Коренкова и Ю. Н. Олейник).² Такова структурная индивидуальность активности; однако уникальность активности субъекта подчеркивается еще и тем, что каждый уровень активности имеет сугубо индивидуальное *содержание*.

Само понимание сущности индивидуальных профилей активности уже позволяет многое понять во взаимо-

¹ См.: Бернштейн, Н.А. Физиология движений и активность. М.: Наука, 1990. 496 с.

² Коренкова Н. Е., Олейник Ю. Н. Психомоторика в структуре интегральной индивидуальности // Психологический журнал. 2006. Т.27, №1. С.54-66.

дополняемости персонажей в рамках литературной дуальной пары. Очевидно, что если один из участников такой пары проигрывает в какой-либо форме активности в структурном или содержательном плане, то эта нехватка будет возмещена со стороны другого участника. Классическим, но не единственным сочетанием, например, можно назвать сочетание вышеуказанных типов «мыслителя» и «деятеля».

Не только формы активности, но и мотивы человека составляют иерархическую структуру. Мы можем выделить мотивы низшего (эгоистического, или, в другом измерении – материального) порядка и мотивы высшие (альтруистические, или духовные). И в отношении мотивов в дуальной паре можно увидеть такое же взаимодополнение. Один из весьма характерных примеров – вышеупомянутые Дон Кихот и Санчо Панса. Конечно, мы можем справедливо считать, что духовные мотивы превыше материальных, а альтруизм выше эгоизма. Но несчастный идалго, отрешенный от «низменной» реальности альтруист и идеалист, просто не смог бы существовать, не будь рядом с ним всецело погруженного в материальный мир толстяка-оруженосца. Таким образом, автор, пользуясь таким приемом, как использование парных персонажей, получает особые возможности для выражения необходимой в литературном творчестве тенденциозности.

И последнее. Между членами дуальной пары всегда существуют противоречия. Если вернуться к многоуровневой модели построения противоречий, представленной в подразделе 3.5 данной книги, то легко убедиться, что такие отношения в дуальной паре служат прекрасной иллюстрацией противоречий четвертого порядка, в которых мы наблюдаем пару параллельных векторов, направленных во встречных направлениях. Выигрывая в одном,

каждый член пары проигрывает в другом, вместе же они составляют диалектическое единство.

6. ПРОТИВОРЕЧИЯ В САМОРАЗВИВАЮЩИХСЯ СИСТЕМАХ¹

6.1. Актуальность темы саморазвития

В настоящее время отмечается постоянно растущий научный интерес к саморазвивающимся системам, важнейшей из которых является жизнь и в конечном итоге – мы сами. На это главным образом нацелены современные синергетические концепции; при разработке этих концепций возникает ряд вопросов о собственных, внутренних механизмах саморазвития.² Как происходит процесс саморазвития, на какие элементарные шаги мы можем его подразделить, какова последовательность этих шагов? Без ответов на эти и другие подобные вопросы мы не сможем сказать, что саморазвитие стало сколько-нибудь понятным для нас процессом.

Вопрос о механике саморазвития остается не до конца разрешенным по настоящее время. Это касается не только предметной области философии, но и теоретической физики, которая также занимается данной проблемой.³ Что же касается эволюционной биологии, то критики дарвинизма с самого начала указывали на то, что теория естественного отбора по самой сути своей не способна выявить внутреннюю причину закономерного разви-

¹ Материалы данного раздела были частично представлены в статьях: Севостьянов Д. А. Исследование активности человека: инверсивный анализ в контексте постнеклассической рациональности // Вопросы философии. 2013. №9. С. 105-112; Севостьянов Д. А. Креативность в инверсивной модели человеческой активности: эволюционные аспекты // Обсерватория культуры. 2013. №2. С. 4-10.

² См.: Луковкин С. Б. Идеи постнеклассической науки и социально-философские проблемы современности // Вестник МГТУ. 2006. Т 9, №1. С. 63-69.

³ См.: Полуян П. В. О применимости логики противоречия в физической теории // Проблема диалектического противоречия (методологический аспект): межвуз. сб. Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1987. С. 22-35.

тия живого, поскольку она обращает внимание лишь на внешние по отношению к живой природе факторы.¹

Очевидно, что процессы саморазвития системы, состоящей из разумных индивидов, на определенном этапе по необходимости становятся управляемыми. Но для того, чтобы успешно управлять системой, необходимо основательно представлять себе действующие законы саморазвития. Между тем, увы, современные работы по философскому анализу саморазвивающихся систем в большей мере напоминают собрание лозунгов и призывов, нежели анализ реально протекающих процессов либо настоящее руководство к какому-либо действию. Приведем одно из подобных высказываний: «Синергетика показывает, как можно многократно сократить время и требуемые усилия и генерировать, посредством резонансного влияния, желаемые и – что не менее важно – реализуемые структуры в сложной системе. Слабое побеждает сильное, мягкое побеждает твердое, а тихое – громкое, как это утверждали даосисты. Действовать синергетически значит действовать диалектически».² Речь идет о том, что в системе, находящейся в состоянии неустойчивого равновесия, достаточно легкого толчка для весьма существенных изменений. Это, конечно, верно; но из этого совершенно не следует, что мы отныне понимаем, каким образом система идет по пути усложнения и развития, а, например, не по пути упрощения и деградации.

В марксистской литературе давно стало общим местом положение, согласно которому противоречия, внутренне присущие вещам и явлениям, служат коренной причиной их развития, тогда как взаимная связь и взаи-

¹ Тихонов А. В. К вопросу о познании внутренней противоречивости живой природы в формировании теории естественного отбора // Там же. С. 45.

² Князева Е. Н. Мыслить синергетически значит мыслить диалектически. URL: <http://spkurdyumov.narod.ru/MISLSIN.htm> (дата обращения 15.08.2015).

модействие одной вещи или явления с другими вещами или явлениями представляют собой причины второго порядка.¹ С этим утверждением трудно не согласиться. Однако внутренняя механика такого развития недостаточно разработана и по сей день.

Нельзя сказать, что попытки выявить закономерности накопления и разрешения противоречий в саморазвивающихся системах не предпринимались вовсе. Такие попытки были во множестве, однако мы и сейчас не можем сказать, что данная проблема нашла сколько-нибудь удовлетворительное решение. В качестве примера можно привести такую модель: «Совокупная приспособленность вида, получающая выражение в борьбе за существование, и пространство приспособленностей составляющих этот вид организмов являются диалектическим единством основы и условий... В результате борьбы за существование и отбора специфические признаки отдельных организмов, противостоящие общим признакам вида, его целесообразности как целого, но обладающие дополнительной приспособленностью к определенным условиям, становятся необходимой характеристикой нового вида: условия “переходят” в основу (нецелесообразность превращается в целесообразность). Этот процесс неразрывно связан с прямо противоположным ему процессом перехода основы в условия, целесообразности в нецелесообразность, поскольку борьба за существование и отбор, совершая индивидуальную приспособленности, влекут рост общей приспособленности вида и свойства некоторых организмов перестают удовлетворять возросшим требованиям борьбы за существование. В итоге отбор предстает способом существования основного проти-

¹ См.: Сухов Э. В. Правовые коллизии и способы их разрешения: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. Нижний Новгород, 2004. 148 с. См. также: Мао Цзэдун. Относительно противоречия (1937 г.). URL: http://library.maoism.ru/on_contradiction.htm (дата обращения 26.07.2013)

воречия живой природы, причем воспроизводство живой природы осуществляется как ее саморазвитие».¹ Это, конечно, справедливо; данная несложная модель может служить описанием приспособительной реакции вида к новым условиям существования, но она решительно никак не объясняет механику качественных скачков в развитии.

Очевидно, что ключевым моментом саморазвития является разрешение некоторых противоречий. Известно, что диалектическое противоречие не может существовать, не разрешаясь; наличие противоречия означает, что существует также настоятельное требование его снятия.² Но нельзя говорить, что противоречиям *присуща* динамика, как нельзя сказать, что ветру *присуще* движение. Ветер сам есть движение воздуха, а противоречие само по себе есть выражение динамики внутри системы.

Снятие противоречия, его драматическое разрешение предполагает, что сами законы развития противоречия подразумевают его нарастание до некоторой высшей точки, после которой противоречие разрешается, так сказать, революционным путем. Но это означает, что противоречие не может рассматриваться вне контекста развивающейся системы, поскольку это – именно системное свойство. Само по себе противоречие, рассматриваемое изолированно, либо как самодостаточный термин, либо как столкновение организационных принципов в системе, не обладает и не может обладать подобными свойствами.

Саморазвивающаяся система – это, в структурном отношении, иерархия. Но у иерархических систем, как

¹ Тихонов А. В. К вопросу о познании внутренней противоречивости живой природы в формировании теории естественного отбора // Проблема диалектического противоречия (методологический аспект): межвуз. сб. Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1987. С. 51-52.

² Райбекас А. Я. К вопросу о природе диалектического противоречия // Там же. С. 10.

было неоднократно показано выше, есть некоторые собственные свойства, которые порождены именно иерархическим устройством. Потому одна из существенных проблем при исследовании саморазвивающихся систем состоит в выявлении характера иерархических отношений в таких системах, а также о влиянии общих свойств иерархических систем на динамику развития. Поскольку само человечество составляет высший уровень в иерархической саморазвивающейся системе «жизнь», то именно эта система и представляет для нас наибольший интерес.

Простейшая иерархия предусматривает наличие хотя бы двух соподчиненных уровней, на каждом из которых имеется хотя бы один элемент. Путь развития системы лежит через ее усложнение, что подтверждается, скажем, примером развития органической жизни. При этом саморазвитие иерархической системы может происходить двумя основными путями: экстенсивным и интенсивным. При интенсивном пути развития количество уровней в иерархии (и элементов в них) остается прежним, но количество актуальных внутренних связей возрастает. Экстенсивный же путь означает, прежде всего, как рост этого количества элементов, так и прибавление новых соподчиняющихся уровней в иерархии. Очевидно, что без прибавления новых уровней система не может совершать новых качественных шагов в будущее.

Обратимся к современным концепциям, разрабатываемым в рамках постнеклассической рациональности и затрагивающим свойства саморазвивающихся систем.¹ Известно, что саморазвивающаяся система демонстрирует формы причинно-следственных отношений, несколько отличающиеся от привычных. Как указывает

¹ Степин В. С. Классика, неклассика, постнеклассика: критерии различения // Постнеклассика: философия, наука, культура. СПб.: Мирь, 2009. С. 249-295; Ласло Э. Век бифуркации: постижение изменяющегося мира // Путь. 1995. № 1. С. 3-129.

А. П. Огурцов, «в отличие от классического способа мышления, где будущее состояние системы можно предсказать исходя из начальных условий, из ее состояния на определенный момент, новый способ мышления отвергает саму возможность такого предсказания. Флуктуационное воздействие даже малой по величине силы в период бифуркации системы может радикально изменить направленность ее эволюции, пороги перехода в другое состояние, даже привести к инволюции, к деградации системы. Линейная логика для описания такого рода процессов оказывается неподходящей».¹ На такую недостаточность линейной логики для понимания механизмов саморазвития указывает также Ф. Heylighen.² Но данное понимание саморазвития систем сводится, главным образом, к внешнему описанию их особенностей, а не к пониманию механизмов их функционирования. Несколько прояснить картину в данном случае способен анализ инверсивных отношений в подобных системах. Здесь приходится обращаться уже не только к обзору предметных аналогов инверсивных отношений, представленных в рамках различных философских школ, но и к потенциальным возможностям анализа этих отношений в контексте современной философской проблематики.

Было бы неверным полагать, что развитие инверсивных отношений способно приводить лишь к гибели и распаду системы. В некоторых случаях, как уже говорилось, распространение инверсивных отношений в системе служит побудительным моментом к дальнейшему ее развитию и усложнению. В саморазвивающихся системах число иерархических уровней возрастает, причем вновь

¹ Огурцов А. П. Новый поворот к объекту в современном мышлении // Постнеклассика: философия, наука, культура. СПб.: Мирь», 2009. С.67.

² Heylighen F. Complexity and Self-organization. URL: <http://pespmc1.vub.ac.be/Papers/ELIS-Complexity.pdf> (дата обращения 16.08.2015).

приобретенные уровни становятся в иерархии главенствующими. Система растет, подобно тому, как здание прирастает своими верхними этажами. Но если здания не строятся сами собой, то саморазвивающаяся система способна к этому, и такой рост становится результатом разрешения внутрисистемных противоречий. Анализ инверсивных отношений позволяет раскрыть механизм этого поступательного роста.

Сложные саморазвивающиеся системы обладают собственными законами бытия, которые в жизненной практике других систем существуют только в зачаточной форме. Если в период классической рациональности свойства систем принято было фактически сводить к свойствам составляющих их элементов (как это было показано, например, в трудах Г. Спенсера), то уже в неклассический период система стала рассматриваться как неаддитивное (эмерджентное) образование, составляющее нечто большее, нежели сумма обособленных элементов. В период постнеклассики системный подход, фактически основанный на идее неаддитивности, приобрел самодовлеющее значение. На то, что закономерности эволюционного развития следует искать в общих механизмах функционирования иерархических систем, указывал, в частности, И. В. Тимофеев-Ресовский.¹

Современные концепции саморазвивающихся систем содержат в себе немало собственных противоречий, которые не могут быть разрешены вне исследования инверсивных отношений. Так, концепция изначально заданного направления развития (ортогенеза) в настоящее время отвергнута большинством исследователей;² однако отвержение данной идеи зачастую приводит к тому, что

¹См.: Тимофеев-Ресовский, И. В. Структурные уровни биологических систем // Системные исследования. М.: Наука, 1970. С. 80-113.

² Popov I. Man and Law in Evolution // Ludus Vitalis, 2007. Vol. XV, num. 27. P. 225-228.

модель развития системы приобретает чисто стохастический, вероятностный характер.¹ Представление о развитии сводится к определению последнего как некоторого события, которое обречено случиться по вероятностным законам, коль скоро иных законов не просматривается. Концепции же, предполагающие возникновение в иерархической системе чисто эпигенетических надстроек, не могут считаться удовлетворительными.²

Каковы же возможные пути образования новых системных уровней? Как уже было показано в подразделе 4.3. данной работы, новоприобретенный уровень приобретает некоторое месторасположение в рамках системы. Он возникает не просто «в системе»; он занимает определенную позицию в ней. Так, новые уровни в иерархии могут возникать как между ранее существовавшими уровнями (новообразованные промежуточные уровни), так и на краю системы (образование нового дополнительного уровня, который занимает в системе *крайнюю*, т. е. низшую либо, напротив, наивысшую позицию). Именно последний вариант особенно важен. Возникновение (надстройка или воздвижение) каждого такого нового иерархического уровня как раз и предполагает и некоторый качественный скачок (известный в биологических системах как *ароморфоз*; учение об ароморфозах было разработано известным отечественным ученым А. Н. Северцовым). Это – важнейший акт саморазвития системы, переход ее на некоторый высший (по сравнению с предыдущим) модус функционирования. Напомним, что вновь обретаемый уровень, надстраивающийся над тем уровнем, который до этого момента был в системе «просто» высшим,

¹ Артюхов В. В. Общая теория систем: Самоорганизация, устойчивость, разнообразие, кризисы. М.: ЛИБРОКОМ, 2009. 224 с.

² Степин В. С. Классика, неклассика, постнеклассика: критерии различения // Постнеклассика: философия, наука, культура. СПб.: Мирь, 2009. С. 249-295.

здесь обозначается как *супрематический* уровень (от лат. *supremus* – наивысший).

Супрематический уровень может называться так только непосредственно в момент своего воздвижения и утверждения на верховной позиции, затем он просто приобретет «законные права» нового высшего уровня в иерархии. Придавать ему в этот момент особое наименование (называть его не просто *высшим*, но *супрематическим*) целесообразно потому, что этот последний термин отображает некоторый динамический акт в системе. В системе стабильной, неподвижной, не развивающейся может быть (и, как правило, есть) некоторый *высший* уровень. Но обретение уровня *супрематического* (или *наивысшего*) говорит о том, что система развивается, она растет, приобретает новые уровни и новые качественные признаки.

Возникновение супрематического уровня означает не только условно-вертикальный прирост системы, но и глубокое преобразование ранее существовавших иерархических уровней, связанное, прежде всего, с перемещением актуальных функций, прежде присущих отдельным подразделениям этой системы. Попросту говоря, ароморфоз не просто наращивает систему кверху, но и «перетряхивает» ее всю. Актуальные отношения в системе меняются. Супрематический уровень принимает на себя ряд бытовавших до этого функций системы и исполняет их качественно иным образом. Как указывает разработчик концепции постнеклассической рациональности В. С. Степин, «саморазвивающимся системам присуща иерархия уровневой организации элементов, способность порождать новые уровни. Причем каждый такой новый уровень оказывает обратное воздействие на ранее сложившиеся, перестраивает их, в результате чего система

обретает новую целостность».¹ Например, в системе активности человека в процессе антропогенеза возник и развился наивысший *символический уровень* моторного построения (по Н. А. Бернштейну, предусматривающий операции не с предметами, а с символами)², который не только сделал систему сложнее и протяженнее по вертикали, но и коренным образом преобразовал функции всех нижележащих уровней.

6.2. Саморазвитие и концепция эпигенеза

Супрематический уровень может рассматриваться в качестве своего рода эпигенетической³ надстройки над бывшими до этого иерархическими уровнями. Рассмотрим еще раз вопрос: каково происхождение супрематического уровня в иерархии? Попросту говоря – откуда он берется? Каким образом этот уровень в своем нынешнем виде появился на вершине этой иерархии? Насколько состоятельна сама идея о том, что данный уровень может надстроиться в результате акта эпигенеза над ранее существовавшей иерархической системой?

Так, например, человек отличается от своих животных предков, прежде всего, характером своей активности: ей свойственны операции с символами (подробнее этот вопрос будет разбираться ниже). Но каким же образом тот самый символический уровень моторики человека, который одному только человеку и присущ, оказался

¹ Степин В. С. Классика, неклассика, постнеклассика: критерии различения // Постнеклассика: философия, наука, культура. СПб.: Мирь, 2009. С. 262.

² Бернштейн Н. А. Физиология движений и активность. М.: Наука, 1990. 496 с.

³ Эпигенез (от греч. ері – на, над, сверх, при, после и genos – развитие) – учение о развитии путем последовательного приобретения новообразований. Противоположно концепции преформизма, предполагающей, что в развивающейся системе (зародыше) уже заранее, в зачаточной форме, представлены все будущие структуры.

во главе иерархии ранее существовавших уровней активности?

Обыкновенно ответ на этот вопрос выглядит весьма просто: в системе было n иерархических уровней, над ними (сверху) пристроился еще один, и теперь в системе $n+1$ уровней, вследствие чего она перешла в новое качество. Такую прибавку новых высших уровней и принято называть эпигенезом. Но отражает ли эта немудреная модель реальность саморазвивающейся системы?

Начнем с того, что концепция эпигенеза, подразумевающая приобретение новых элементов в дополнение к существующим, ведет свое начало с трудов Аристотеля: «...И у фигур, и у одушевленных существ в последующем всегда содержится в возможности предсуществующее, например: в четырехугольнике – треугольник, в способности ощущения – растительная способность».¹ В дальнейшем эпигенез рассматривался, в противоположность преформизму², главным образом в эмбриологии (данное понятие в настоящем своем виде было введено в научный оборот У. Гарвеем; концепция получила дальнейшее развитие в трудах К. Ф. Вольфа³ и ряда других ученых). Эпигенетическая концепция предусматривала приобретение эмбрионом новых органов и систем, не имевшихся у него прежде, в результате некоторых внешних воздействий; преформизм же подразумевал лишь рост уже имевшихся ранее эмбриональных закладок этих органов и частей. Естественно, что применительно к эмбриональному развитию и «чистый» преформизм, и «чистый» эпигенез оказались концептуально несостоятельными, поскольку сформировались эти взгляды на

¹ Аристотель. О душе / Собр. соч.: в 4х т. М.: Мысль, 1976. Т. 1. С. 400.

² Преформизм – система взглядов, согласно которой все уровни саморазвивающейся системы уже заранее неявно заложены в ней.

³ См.: Вольф К. Ф. Предметы размышлений в связи с теорией уродов. Л.: Наука, 1973. 315 с.

умозрительном уровне, при отсутствии реальных знаний о законах наследственности. Однако впоследствии эпигенетическая концепция нашла применение в эволюционной биологии. Если развитие эмбриона составляет последовательную реализацию генетической информации, то развитие жизни в целом (а жизнь на Земле – важнейшая для нас саморазвивающаяся система) не строится на какой-то конкретной, изначально заложенной программе (если не считать такой программой некий божественный замысел). Эпигенез применительно к саморазвивающейся системе «жизнь» не может рассматриваться как простой член пары типа «наследственность – изменчивость». Акт эпигенеза в эволюции означает приобретение некоторого принципиально нового структурного и функционального типа развития и жизнедеятельности и не может быть сведен к симптоматической изменчивости.

Сторонники теории эпигенетической эволюции прямо указывают, что изменчивость остается внутривидовым понятием; следовательно, переход от одного уровня развития к другому лежит где-то за пределами простой изменчивости. Другими словами, какую изменчивость не претерпевало бы живое существо, оно не может от этого стать представителем другого биологического вида, не говоря уже о родах и семействах. М. А. Шишкин констатирует, что вся область изменчивости, лежащая за пределами нормы и составляющая потенциальный материал отбора, есть совокупность аберраций нормального развития. Однако пространство аберраций не беспредельно; как уже сказано, любой мутант все равно остается особью своего вида.¹ Развитие живых систем происходит в рамках структурно-устойчивого типа. Даже искусственный отбор, предпринятый человеком,

¹ См.: Шишкин М. А. Эволюция как эпигенетический процесс // Современная палеонтология. М.: Недра, 1988, С. 142-169.

способен здесь изменить очень немного, свидетельством чему является спонтанный возврат «культурных» пород и сортов, если они предоставлены сами себе, к исходному «дикому типу». Эрнест Сетон-Томпсон, вовсе не генетик и не философ, но натуралист и тонкий наблюдатель, отметил в своих знаменитых «Рассказах о животных», что существует множество собачьих пород, искусственно поддерживаемых человеком, и вовсе не похожих друг на друга. Однако при естественном ходе событий эти породы неизменно возвращаются все к тому же «дикому типу» – дворняжке, «желтой собаке», которая представляет собой попытку природы восстановить первородного шакала *Canis aureus* – предка всего собачьего племени.¹ В данном случае не так уж важно, кого считать предком собаки – шакала или волка; важно, что при отсутствии целенаправленного селекционного воздействия *действительно* происходит возврат вида к некоторому устойчивому первоначальному типу.

Устойчивый тип развития в работах К. Х. Уоддингтона из Эдинбургского университета получил наименование «креод».² Выход за пределы креода означает ситуацию, при которой видоизменение организма, ранее существовавшее только в виде аберрации, становится, напротив, наиболее вероятным вариантом его индивидуального развития; то, что раньше было отклонением от нормы, переходит теперь в разряд наиболее вероятных событий.³ Однако переход из одного креода в другой вовсе не обязательно предполагает какой-либо ароморфоз; гораздо вероятнее, что речь здесь идет об

¹ См.: Сетон-Томпсон Э. Рассказы о животных. Мн.: Мастацкая литература, 1980. 352 с.

² Уоддингтон К. Х. Основные биологические концепции // На пути к теоретической биологии. I. Прологомены. М.: Мир, 1970. С. 11-38.

³ См.: Шишкин М. А. Эволюция как эпигенетический процесс // Современная палеонтология. М.: Недра, 1988. С. 142-169.

очередном акте идиоадаптации, т. е. чисто приспособительного видообразования, не порождающего качественного роста системы. Таким образом, вопрос о механике саморазвития системы и о состоятельности эпигенетической концепции и тут остается открытым. И потому закономерно появляется еще и такое объяснение: мутаций происходит много; мутации *чаще всего* порождают уродства и болезни; мутант *чаще всего* хуже приспособлен к существованию в окружающей среде, и потому обречен (а вид поддерживается и выживает). Но *изредка* появляются благоприятные мутации, и вот в результате таких-то мутаций один вид и переходит в другой.

Очевидно, что возникновение супрематического уровня можно в принципе рассматривать как *sui generis*¹ «позитивную мутацию» системы. Нередко такой качественный скачок трактуется как прохождение некоторой точки бифуркации, выход из неустойчивого равновесия под влиянием некоторого сравнительно ничтожного внешнего воздействия.² Однако этими построениями вопрос о происхождении супрематического уровня отнюдь не снимается, да и простая ссылка на «выгодную мутацию» не объясняет ничего.

Дело в том, что мутация может *видоизменить* существующее, но она не способна *создать* в саморазвивающейся системе нечто, не существовавшее ранее, и вызвать в ней тем самым некоторое приращение бытия. А способность оперировать символами, приобретенная человеком, но не свойственная животным, предусматривает именно такое приращение, и притом весьма серьезное.

В связи с этим в рамках эволюционной теории неоднократно возникало мнение, что вся эволюционная иерархия есть реализация некоторой изначально заложен-

¹ *Sui generis* (лат.) – своего рода.

² См.: Степин В. С. Классика, неклассика, постнеклассика: критерии различения // Постнеклассика: философия, наука, культура. СПб.: Мирь, 2009. С. 265.

ной программы, а вовсе не результат исключительно случайных мутаций и естественного отбора. Другими словами, раз эпигенетическая концепция ничего не объясняет, возникали попытки навязать эволюции своеобразный вариант преформизма. Такова имевшая прежде немало сторонников концепция ортогенеза;¹ впрочем, возникновение новых уровней организации живых организмов и эта концепция удовлетворительным образом объяснить не смогла. Данные взгляды, применительно к проблеме эпигенеза в иерархических системах, не преподнесли ничего нового. Концепция ортогенеза почти всеми отброшена сейчас как несостоятельная,² однако вопросы, поднятые ее приверженцами, так и остались неразрешенными. Известный генетик И. И. Шмальгаузен писал о «генеральной линии эволюции»;³ он подробнейшим образом описывал, в каких именно условиях происходят ароморфозы, однако внутренняя механика ароморфоза остается нераскрытой и у него. Перечисленные противоречия порождают скепсис в отношении самой эволюционной теории в целом, как раздела теории саморазвивающихся систем, что находит отражение в псевдонаучных выступлениях креационистов.⁴ Все это и заставляет попытаться решить данную проблему «в общем виде», выстроить модель, в рамках которой происходит обретение новых уровней в системе.

Простейшая, ранее существовавшая модель развития иерархической системы по-прежнему сводится к тому, что каждый новый уровень иерархии надстраивается над

¹ См.: Попов И. Ю. Идея направленной эволюции: история и современность // Вестник СПбГУ. Сер. 7. 2006. Вып. 4. С. 13-19.

² См.: Bergman J. The Rise and Fall of the Orthogenesis Non-Darwinian Theory of Evolution // Creation Research Society Quarterly. Fall 2010. Vol. 47. P. 139-145.

³ См.: Шмальгаузен И. И. Факторы эволюции. Теория стабилизирующего отбора. М.: Наука, 1968. 451 с.

⁴ См., например: Харун Яхья. Крах теории эволюции и ее идеологическая подоплека. М.: Культура, 2002. 200 с.

ранее существовавшими уровнями, точно новый этаж строящегося дома. Отличие состоит только в том, что пристройка нового этажа в доме не может считаться радикальным качественным изменением и не составляет результат фазового перехода. Именно в такой форме последовательных надстроек развитие системы показано (и графически проиллюстрировано) В. С. Степиным.¹ В его статье на иллюстрации как раз приведена такая многоуровневая конструкция, в которой каждый вышестоящий «этаж» больше предыдущего, а самый верхний изображен пунктиром, но представлен уже весь, сразу, целиком.

Однако аналогия со строящимся многоэтажным зданием не совсем уместна. Простота модели не есть еще залог ее адекватности. Ни одно здание, как уже говорилось, не строит себя само; возникает вопрос: кто строил «дом»? Либо нам придется апеллировать к спасительной фигуре небесного Творца, либо признать, что саморазвивающаяся система обладает собственной спецификой, которая делает такую модель последовательных надстроек полностью несостоятельной.

Как ранее уже говорилось, в представлении о том, что супрематический уровень возникает и развивается на том месте в иерархической структуре, на котором ему и предстоит впредь функционировать, уже содержится внутреннее противоречие. Супрематический уровень не является, точно *Deus ex mashina*², одновременно и в целости, полностью готовым к дальнейшему функционированию. Этот уровень не может в готовом виде явиться извне, ибо он – плоть от плоти именно данной, а не какой-либо иной системы. Его зрелому состоянию по необ-

¹ Степин В. С. Классика, неклассика, постнеклассика: критерии различения // Постнеклассика: философия, наука, культура. СПб.: Мирь, 2009. С. 263.

² *Deus ex mashina* (лат.) – бог из машины; неожиданная, искусственная развязка той или иной ситуации в результате привлечения внешнего, ранее не действовавшего в ней, фактора.

ходимости должен предшествовать некоторый период предварительного развития (эмбриональный этап). Каким же образом этот незрелый, еще только формирующийся уровень может сразу разместиться на вершине иерархии? Ведь на протяжении этого эмбрионального этапа данный уровень просто лишен оснований для занятия супрематической позиции. Незрелый уровень не может занимать главное место, разместившись *над* зрелым и функционально состоятельным, высшим (до этого) уровнем, именно по причине своей незрелости и функциональной неготовности.

Можно представить себе такой вариант развития системы, при котором будущий супрематический уровень переживает свой эмбриональный этап в недрах высшего (на тот момент) уровня, и в один прекрасный момент (при прохождении системой пресловутой точки бифуркации) рождается на свет, будучи уже полностью готовым к отправлению будущих главенствующих (супрематических) функций. Однако и такой взгляд также чреват противоречиями: во-первых, он предполагает развитие функциональной зрелости вне актуальных функций (что едва ли возможно; народившийся на свет «уровень-младенец» все равно не может сразу обладать функциональной зрелостью) и, во-вторых, молчаливо подразумевает пребывание созревающего супрематического уровня в рамках иерархической системы, но где-то вне самой иерархии. Таким образом, востребованной оказывается какая-то другая модель саморазвивающейся системы, лишенная вышеуказанных недостатков.

6.3. Значение промежуточных уровней и внутрисистемной мобильности

Итак, в представленных до настоящего времени моделях развития иерархических систем проявляются весьма существенные противоречия. Разрешить их удовлетворительным образом можно, лишь разработав новую модель данного процесса. Ключом к организации такой модели может послужить существующая в саморазвивающихся иерархических системах способность к новообразованию не только супрематических, но и промежуточных иерархических уровней. Иначе говоря, новые уровни в системе способны возникать и вызревать внутри нее; в этом случае новообразованные уровни «отпочковываются» от иерархических уровней, существовавших ранее. Кроме того, в иерархических системах существует еще явление внутрисистемной мобильности, т. е. фактических перемещений отдельных элементов (и даже целых уровней) вверх и вниз. Два этих явления, взятые вместе, позволяют сформулировать удовлетворительную модель поступательного развития саморазвивающейся системы.

Так, известно, что в многоуровневых системах могут существовать относительно автономные элементы, способные к вертикальному перемещению в иерархии. Если речь идет о социальной системе, то люди, ее составляющие, как раз и являются такими относительно автономными элементами. Например, учреждение представляет собой многоуровневую иерархическую (бюрократическую) организацию, в которой каждый действующий субъект (сотрудник) привязан к определенному иерархическому уровню. Но привязан он не слишком прочно: субъект этот может переместиться как вверх по служебной лестнице (сделав карьеру), так и вниз (например, при переводе на низшую должность в результате тех или

иных прегрешений). Следует еще раз отметить, что при таких перемещениях сама система никак не изменяется, меняется лишь персональный состав ее «населения» на отдельных иерархических этажах. Иное дело, когда акт внутрисистемной мобильности совершает не отдельный элемент, а тот или иной уровень, взятый как целое. Переезд совершает целый «этаж» вместе со всем своим содержимым. В этом случае, разумеется, преобразованию подвергается вся система. Особое значение может приобретать вертикальное перемещение новообразованных промежуточных уровней в данной системе.

Выделение и обособление промежуточного уровня в саморазвивающейся иерархии происходит в том случае, когда в системе имеется актуальная потребность в этом. Иначе говоря, обособление уровня происходит на основе обособления функций (по этому случаю принято говорить, что «функция рождает орган»). Рассмотрим ситуацию, когда промежуточный уровень в иерархии обособляется от вышестоящего уровня (т. е. обособление его происходит по направлению «сверху вниз»). В этом случае он становится служебным (субмиссивным) по отношению к породившему его уровню-«патрону».

Чтобы прояснить отношения между вышестоящим и субмиссивным уровнем, необходимо напомнить, что соподчиненные уровни соотносятся друг с другом на основе некоторых организационных принципов. Познание этих принципов необходимо, чтобы понять, в каком случае в многоуровневой системе заложены потенции для дальнейшего поступательного развития.

Вышестоящий элемент в иерархии может быть более полезным, или более обширным по сфере своей деятельности, или по любому другому признаку отделяться от элементов, расположенных ниже; и каждый такой при-

знак является олицетворением определенного организационного принципа.

6.4. Движение и развитие

Ранее упоминалось, что для саморазвития системы существенным моментом является выделение и обособление внутри системы служебного (субмиссивного) уровня. Если этот уровень остается подчиненным, согласно сущностным организационным принципам, то ни к какому дальнейшему поступательному развитию системы он не имеет прямого отношения. Он навсегда остается подчиненным. При этом, однако, он способен приобретать значение, не соответствующее его исходному иерархическому статусу, на основании атрибутивных принципов. И если это произойдет, такая ситуация может оказать разрушительное воздействие на данную систему: в ней накапливаются противоречия, которые ведут не к дальнейшему поступательному развитию системы, а к ее гибели.

Перспектива дальнейшего развития в иерархической системе заложена в том случае, когда соблюдаются два требования. Во-первых, если *атрибутивные* принципы, обладающие в данный момент решающей значимостью (а также сущностные принципы, обладающие свойством обратимости), обеспечивают подчиненное положение субмиссивного уровня. Во-вторых, не столь в данное время важный, но *сущностный* и притом *необратимый* организационный принцип уже позволяет данному уровню иметь заявку на грядущее главенство.

Рассмотрим ситуацию, при которой из высшего уровня иерархии обособляется нижестоящий (субмиссивный) промежуточный уровень, поскольку это требуется для выполнения некоторой важнейшей, наиболее

сложной, специализированной, но притом чисто служебной функции. Итак, взаимное расположение уровней (высшего уровня и отделившегося от него уровня субмиссивного) обусловлено *функциональным* организационным принципом. Субмиссивный уровень подчиняется высшему уровню в системе, как исполнитель – руководителю. Действует здесь также и *количественный* принцип, поскольку количество функций у высшего уровня больше, чем у субмиссивного: субмиссивный уровень отвечает за частную, хотя и наиболее сложную функцию, в то время как на высший уровень возлагается вся остальная, заведомо большая по объему совокупность функций. Однако по своей структурной сложности (именно ввиду особой сложности исполняемой функции) субмиссивный уровень уже имеет превосходство. В сравнении с высшим уровнем субмиссивный уровень выглядит примерно так, как узкий специалист выглядит в сравнении со специалистом «широкого профиля». Кроме того, хронологически он возник (обособился) позднее высшего, а в саморазвивающейся системе обыкновенно главенствуют «молодые» уровни, более соответствующие нынешним потребностям системы. Таким образом, в данной системе имеет место противоречие между потенциальными возможностями субмиссивного уровня возглавить иерархию и его нынешним подчиненным положением.

Противоречие разрешается следующим образом: субмиссивный уровень совершает акт внутрисистемной мобильности, перемещается «через ступеньку» и занимает место этажом выше своего бывшего «патрона», превращаясь тем самым в супрематический уровень. Происходит это благодаря следующему стечению обстоятельств:

1. Находясь на своем подчиненном месте, субмиссивный уровень претерпевает поступательное развитие в рамках

идиоадаптации данной системы. При этом внешние (изменяемые) свойства субмиссивного уровня, которые обуславливают его подчиненное положение на основании атрибутивных принципов, меняются таким образом, что обуславливают отныне не подчинение, а главенство. Иными словами, субмиссивный уровень обгоняет высший уровень по ряду значимых параметров, по которым он ранее ему уступал.

2. Сущностные принципы, согласно которым субмиссивный уровень также оставался до настоящего момента в подчиненном положении, проявляют свойство обратимости и меняют свою направленность на противоположную.

Теперь бывший субмиссивный уровень занимает позицию супрематического, и с него тем самым снимаются все ограничения, налагаемые прежде его подчиненным положением. Отныне он может отправлять присущую ему особую функцию качественно новым образом. В результате значимость этой функции для системы радикально меняется. Эта, прежде обособленная, но все же единичная функция становится теперь главной, и именно она определяет отныне суть всей данной системы. Отныне уже вся система переходит в качественно иное состояние. Но развитие ее на этом не прекращается. Супрематический уровень, уже в процессе своего перемещения на новую позицию, сталкивается с потребностью в новых служебных функциях, ранее вовсе не представленных в данной системе. Для отправления этих функций он бывает вынужден выделить, в свою очередь, некоторый специализированный субмиссивный уровень. И тем самым весь цикл развития системы начинается сначала.

Таким образом, эпигенез в саморазвивающихся системах осуществляется в результате совмещения в последовательности двух актов: (1) обособления субмиссивного уровня и (2) его внутрисистемного вертикального пе-

ремещения, «шага через ступеньку», возведения на высшие иерархические позиции. Знание этой закономерности представляется очень важной как при исследовании существующих, так и при создании искусственных саморазвивающихся систем. Момент перемещения субмиссивного уровня на супрематическую позицию составляет аналог гегелевской категории *становления*; результат же подобного проявления внутрисистемной активности Гегель обозначал как *ставшее*, или *наличное бытие*.¹

Чем эта модель предпочтительнее, чем ранее существовавшие? Тем, что в ней снимается ряд противоречий, которые делали прежние модели малоприемлемыми.

1. Супрематический уровень отныне не лишен предыстории; его предшествовавшее развитие происходило, пока он пребывал в служебном, субмиссивном статусе. Таким образом, проясняется его происхождение.
2. Скачок в развитии системы и прежде обыкновенно рассматривался как «переход количества в качество». Непонятно лишь было, где и на каком субстрате происходят те количественные накопления, которым суждено стать базой для качественного скачка в развитии. В рамках данной модели это разъясняется: накопления совершены в субмиссивном уровне, но реализуются, когда он станет супрематическим.
3. Становится также понятным, каким образом «новорожденный» супрематический уровень с самого начала может обладать функциональной зрелостью. Эту зрелость он приобрел также в своем субмиссивном состоянии, и имел для этого все возможности, поскольку находился там продолжительное время.

¹ Гегель В. Ф. Г. Наука логики // Энциклопедия философских наук. М.: Мысль, 1974. Т. 1. С. 228.

Может возникнуть вопрос: каковы же доказательства, что перемещение субмиссивных уровней вверх в иерархии действительно происходит?

Действенность такой модели косвенно подтверждается всей длительной созидательной практикой человечества. «Известно, – указывают Н. Э. Касаткина и Е. Е. Адакин, – что в любом старом объективно заложено новое и развитие оказывается эффективным в том случае, когда это “новое” удастся “увидеть” на самом высоком уровне развития “старого” в любом направлении жизнедеятельности, а не тогда, когда старое уже отжило себя и начинает разрушаться».¹ Выявление подобных перемещений, однако, затрудняется тем, что такие перемещения вовсе не всегда могут быть наблюдаемы «здесь и теперь». Они, хотя и совершаются довольно быстро, происходят все же в рамках весьма длительных процессов саморазвития (таких, как развитие жизни на Земле), несравнимых по продолжительности с жизнью наблюдателя. И потому факт подобных перемещений может быть подтвержден зачастую только наличием косвенных доказательств. Это, однако, не делает доказательную базу несостоятельной. Ни один человек не видел, как вымирают динозавры, но на основании косвенных данных люди вправе строить гипотезы и модели такого вымирания, и полагать при этом, что эти модели адекватны. Ни один современный человек не был свидетелем формирования способности к символическому мышлению, но познание этого процесса требует построения моделей, его отражающих; и одна из таких моделей, представленная здесь, как раз и предусматривает перемещение субмиссивных уровней. А поскольку технологическое развитие человечества идет нарастающими темпами, то можно сказать, что последнее

¹ Касаткина Н. Э., Адакин Е. Е. Противоречие как источник развития творческого потенциала студентов // Вестник ТГПУ. Серия Педагогика. 2005. Вып. 2 (46). С. 12.

такое перемещение происходит прямо на наших глазах – это будет показано ниже.

6.5. Развитие активности человека: перемещение субмиссивных уровней

Прежде чем обращаться к анализу основных этапов развития человеческой активности, рассмотрим традиционный подход к этому вопросу. Приведенная здесь цитата принадлежит известному немецкому философу Людвигу Нуаре (1827-1897), посвятившему немало внимания проблеме становления и развития человеческой деятельности: «Я думаю, мы вернее всего охарактеризуем отношение древнейшей эволюции культуры к более поздней следующим образом: в древнейшие эпохи рефлексия скорее следовала за практической удачей бессознательно, ощупью работающего орудия; в позднейшие времена она предшествует, она становится творческой. Много времени должно было пройти, чтобы первое, совершенно грубое и бесформенное орудие могло сделаться сознательным достоянием первобытного человека».¹ Итак: первые орудия формировались человеком бессознательно, и лишь затем, по прошествии длительного времени, их изготовление стало творческим актом. Праксис, таким образом, предшествует гнозису. Вначале появляется предметная деятельность, которая развивается как бы впотымах, ощупью, методом проб и ошибок, а идеальные операции с предметами возникают лишь много веков спустя. Такую концепцию можно обозначить как *модель последовательного развития*. Эта модель получила повсеместное распространение; данной модели придерживались и философы-марксисты: «Человек в своей предметно-

¹ Нуаре Л. Элементарные формы орудий и утвари // Роль орудия в развитии человека / Э. Капп [и др.]. Л.: Прибой, 1925. С. 47.

материальной деятельности властно проникает в предмет, делает его *своим* “неорганическим телом” (“человеческой действительностью”), и лишь потому также и идеально проникает в него, развертывает его логику своим мышлением». ¹ Насколько же адекватно эта модель отражает действительную картину развития человеческой активности?

Как указывалось выше, иерархическую систему моторики человека разработал выдающийся отечественный физиолог Н. А. Бернштейн (1896-1966); по глубине философского охвата проблемы активности его исследование по настоящее время не имеет себе равных. ² В системе Н. А. Бернштейна предусматривалось 5 соподчиненных моторных уровней: А, В, С, D и Е. Эти уровни имеют эволюционную привязку и отчасти присущи не только человеку, но и его филогенетическим предкам. Опора на данную иерархическую систему не позволяет проследить весь эволюционный путь «от амебы до человека», но дает возможность сделать это применительно к весьма важному эволюционному этапу, начавшемуся с возникновения первичных хордовых и до сего времени не завершеного. Уровень А обеспечивает тонические движения тела, как целостного сегментарного образования, безотносительно к наличию конечностей. Уровень В делает возможными синхронные и одновременные сокращения скелетных мышц у живого существа, снабженного конечностями-двигателями. Сферой уровня С становятся все локомоции (т. е. перемещения живого существа в обширном пространстве, значительно превышающем размеры его собственного тела), а также подражательные

¹ Батищев Г. С. Противоречие как категория диалектической логики. М.: Высшая школа, 1963. С.96.

² См.: Бернштейн Н. А. Физиология движений и активность. М.: Наука, 1990. 496 с.

действия.¹ По функциональным возможностям данных уровней человек сильно отстает от многих представителей животного мира, но у него имеются некоторые высшие уровни, которых у животных нет. Это уровень D, который составляет основу для предметных действий, и уровень E, обеспечивающий символические операции.

Символ, с которым и совершаются символические операции, есть некоторый самостоятельный объект, наделенный особым значением. Просто любой объект, взятый из окружающего мира, не может считаться символом. Помимо имеющегося собственного значения, символ содержит в себе обозначение чего-то иного, нежели он сам. Фактически символ обладает всеми теми свойствами, которые, как было показано выше, необходимы и достаточны для того, чтобы некоторый объект рассматривался в качестве субъекта противоречия. Следовательно, символические операции есть способность мыслить противоречиями, а попросту говоря, вообще мыслить. Вместе с тем, надо различать *символ* и *знак*: знак, в отличие от символа, хотя и обозначает нечто, но собственно-го, имманентного значения не имеет. Операции со знаками относятся уже не к уровню E, а к нижележащему уровню D.

Обособление данных иерархических уровней может считаться доказанным: каждый из них имеет собственный исполнительный аппарат в центральной нервной системе человека (отключающийся при расстройствах и выпадениях функций, связанных с заболеваниями и травмами); каждому такому уровню присуще собствен-

¹ Живые существа, у которых отсутствует уровень C, способны строить перемещения лишь в пространстве, соразмерном их собственному телу, и воспринимают только это пространство (т. е. обладают не дистантной (дальней), а лишь контактной (ближней) перцепцией). Примером может служить самый обыкновенный кольчатый червь, ставший некогда предком двух великих зоологических типов, практически завоевавших Землю – хордовых и членистоногих.

ное сенсорное обеспечение; наконец, каждый уровень объединяет в себе совокупность сопоставимых по сложности двигательных актов. В активности человека и животных эти уровни действуют одновременно, в комплексе, сообща; в каждом определенном двигательном акте задействованы некоторые (а иногда и все) эти уровни. По мнению Н. А. Бернштейна, когда у человека одновременно действует несколько моторных уровней, то высший из них (наиболее эволюционно молодой, наиболее сложный) исполняет ведущую роль, нижележащие же уровни выступают в качестве обеспечивающих фонов; это и есть отношения ордера, присущие данной иерархии изначально. Однако, если бы отношения ордера в этой иерархии неукоснительно соблюдались, человек превратился бы в своего рода моторного робота. В реальной же жизни мы наблюдаем совершенно иную картину. Уровни моторного построения часто вступают в инверсивные отношения, в результате чего нижестоящий уровень в иерархии временно приобретает ведущую роль, а вышестоящий вынужденно ему подчиняется. Примеров этому масса; возьмем хотя бы «характерный мышечный панцирь» – тоническое напряжение определенных мышц, возникшее в результате воздействия высшего (символического) уровня Е, но реализуемое низшим (тоническим) уровнем А; действия низшего уровня А приобретают самостоятельное значение и создают для человека ряд неприятных моментов.¹ Таким образом, оказывается, что двигательная активность человека, понимаемая в самом широком, философском смысле, от тонического напряжения мышцы и до движения мысли, вся сплошь пронизана противоречиями, представленными в форме инверсий. Особенности же моторных уровней позволяют подтвердить и

¹ Райх В. Анализ характера / пер. с англ. Е. Поле. М. : Апрель-Пресс, ЭКСМО-Пресс, 2000. 528 с.

проиллюстрировать многие из приведенных выше положений.

Так, хотя поступательное развитие моторики полностью встраивается в контекст эволюционного процесса, не всем иерархическим уровням моторики могут быть найдены эволюционные соответствия. В частности, уровень А был высшим (и единственным) у первичных хордовых. Уровень С – высший у всех земноводных, рептилий, птиц и млекопитающих. Уровень Е, несомненно, высший у человека. Вместе с тем, нет и никогда не было ни одного живого существа, у которого высшим являлся бы уровень В. Точно так же ни у одного организма не является высшим уровень D. Эти два уровня с самого своего появления носили служебный характер, т. е. сформировались внутри иерархической системы активности, как уровни субмиссивные.

Однако иерархическая система, имеющая уже определенную историю развития, неизбежно содержит в себе не только ныне действующие субмиссивные уровни, но и уровни, ранее пребывавшие в субмиссивном статусе, и лишь впоследствии занявшие место супрематических, в результате разрешения накопившихся в системе противоречий. Таков, в частности, символический уровень Е. Уместно предположить, что ранее он был субмиссивным уровнем, подчиненным уровню пространственного поля С. Таким образом, уровень С имел некогда два субмиссивных уровня, но с разными функциями: уровень В обеспечивал техническую сторону движения (синхронные (синергические) сокращения мышц при локомоторных актах), в то время как будущий уровень Е позволял решать двигательные задачи в конкретном, анизотропном пространстве *за пределами непосредственной перцепции*.

Пространство, окружающее человека или животное, анизотропно просто в силу того обстоятельства, что оно

заполнено разнообразными реальными объектами. Поэтому отдельные пункты локомоторного пространства наделены неравной значимостью. В пределах непосредственного восприятия (например, на расстоянии прямой видимости) такая неравная значимость с самого начала служила причиной для всех локомоторных действий, начиная от примитивных таксисов и тропизмов. Особая значимость воспринимаемого объекта не отделялась от целостного перцептивного образа. Однако за пределами прямой перцепции построение плана действий требует от организма действий по памяти, по представлению, а также построения релевантных гипотез. Значимость того или иного локуса локомоторного пространства в этой ситуации становится практически отвлеченной величиной. Переход от непосредственной к опосредованной перцепции составляет такой же качественный шаг в развитии, каким был ранее переход от контактной к дистанционной перцепции, от способности шевелиться – к способности целенаправленно перемещаться. Этот переход можно видеть среди ныне живущих хордовых: высшие из них, в отличие от низших, такой способностью вполне обладают.

Оценка этой особой и неравной значимости пространственных локусов составляет служебную функцию по отношению к локомоторной активности; но эта функция наиболее сложна и требует самого совершенного нейронного обеспечения. В связи с этим, будучи функционально подчиненным, будущий уровень E уже в момент своего обособления имел задатки для своего грядущего главенства, так как занимал ведущее место на основании сущностного (композитарного) принципа. Однако первоначально он уступал уровню C в отношении количества охватываемых им моторик (и занимал подчиненные позиции на основании весьма значимых атрибутив-

ных принципов), так как построение плана локомоций за пределами прямой перцепции первоначально составляло незначительную часть активности. Поэтому будущий уровень E пребывал некоторое время в субмиссивном состоянии, и в этом его состоянии отображалось растущее накопление противоречий. В ходе адаптивного отбора эволюционные преимущества приобретало то живое существо, которое наиболее адекватно выстраивало свои перемещения в отдаленном анизотропном пространстве локомоций. Тем самым данный субмиссивный уровень осуществлял свое поступательное развитие, пока однажды не переместился на первое место в иерархии, отодвинув уровень C на задний план. При этом, кроме разрешения прежних противоречий, возникло принципиально новое явление: произошел переход от перцепции пространственных *локусов* к перцепции размещенных в пространстве *объектов*.

Однако, заняв данную позицию, уровень E тут же стал нуждаться в служебном подразделении, которое обеспечивало бы техническую возможность манипуляции с объектами. Тем самым от уровня E отделился и обособился субмиссивный уровень D – уровень предметных действий. Объект же приложения активности уровня E (образ материального предмета, наделенный особой отвлеченной значимостью) приобрел характеристики *символа*. Так и сформировалась современная человеческая структура моторики.

Примитивность первоначальных каменных орудий была обусловлена первичной слабостью субмиссивного уровня D, а вовсе не отсутствием способности к символическому мышлению. Впрочем, совместный багаж знаний, накопленный к тому времени человечеством, также был чрезвычайно ограничен, и этому также способствовала исходная неразвитость уровня D. Накопление этого

интеллектуального багажа требует развитых знаковых систем, для оперирования которыми как раз и необходим уровень D.

Однако всякая теория, способная лишь строить более или менее остроумные модели прошлого, стоит не особенно много. Гораздо важнее ее способность предвидеть будущие события в развитии той или иной системы. Какое же будущее моторики человека может быть предсказано в рамках данной концепции?

Очевидно, основное внимание следует обратить на последний обособившийся субмиссивный уровень – а именно, уровень предметных действий D. Содержательная сторона этого уровня всецело связано со сложностью предметного мира, который человечество постепенно создало вокруг себя, а также со сложностью и разнообразием орудий труда.

Известно, что в ходе исторического процесса происходит постоянное превращение свойств *субъекта* деятельности в свойства *объекта* деятельности; этот процесс Маркс назвал *опредмечиванием*. То огромное скопление результатов человеческой деятельности, которое составляет материальное наполнение культуры, составляет вещество природы, которое, в результате приложения к нему человеческого труда, приобретает социальные свойства. Противоположный и дополняющий процесс называют *распредмечиванием*; это преобразование новообразованной предметности культурных артефактов в новую форму человеческого действия. Распредмечивание позволяет человеку становиться наследником социального коллектива и его культуры, опредмечивание же превращает человека в творца этой культуры.¹ До недавнего времени сложность *символов*, которыми оперировал уровень E,

¹ См.: Батищев Г. С. Противоречие как категория диалектической логики. М.: Высшая школа, 1963. С. 12-15.

значительно превосходила актуальную сложность *орудий* или *предметов*, действия с которыми осуществлял субмиссивный уровень D. Теперь же ситуация изменилась. Предметный мир, окружающий человека, значительно эволюционировал, что дало основание говорить об экстрасоматической эволюции.¹ Типичным представителем этого предметного мира стал *гаджет* – компактное электронное устройство, которым человек пользуется, но о реальной структуре которого он попросту не имеет понятия. В этих условиях умение стало важнее знания, праксис возобладал над гнозисом. Символический уровень лишь поставляет содержательное наполнение для все новых и новых гаджетов, прогресс которых остановить, видимо, уже невозможно. Тем самым уровень D выдвигается ныне на первый план; активность человека претерпевает изменения, которые отчасти еще предстоят, отчасти же происходят на наших глазах.

Примечательно, что выход на первый план уровня предметных действий сопровождается фактически наблюдаемой деградацией символического уровня, суть которой очерчивается известным понятием «постмодернизм». Для ситуации постмодернизма характерно тиражирование и многократное повторное использование ранее накопленных символов, а не создание новых. Именно этим отличается современная постмодернистская культура.

Таким образом, важнейшая для нас саморазвивающаяся система – активность человека – может служить примером того, как происходит перемещение субмиссивных уровней в иерархической саморазвивающейся системе. Данная концепция может послужить инструментом познания саморазвивающихся систем и устранить то про-

¹ См.: Медавар П., Медавар Дж. Наука о живом: пер. с англ. М.: Мир, 1983. 207 с.

тиворечие, которое крылось в принятой до этого концепции эпигенетического развития. Как уже говорилось, представленная здесь модель саморазвивающейся системы не претендует на то, чтобы считаться «единственно верной», но она, безусловно, ближе к реальности, чем эпигенетические модели, обремененные явными противоречиями и потому несостоятельные. Модель «развития через ступеньку» противостоит ранее существовавшей, традиционной модели «последовательного развития».

6.6. Общенаучное и философское значение модели «развития через ступеньку»

Значимость представленной здесь концепции «развития через ступеньку» далеко выходит за рамки чистого теоретизирования. Составив представление о том, каким образом происходило и происходит развитие человечества в целом, можно осуществить прогноз, чего следует ждать в ближайшем будущем. Но и при изучении частных аспектов развития приходится констатировать, что потребность в переосмысления модели развития давно назрела, поскольку приверженность старой модели последовательного развития принесла и приносит немало неприятностей, а иногда и подлинных несчастий. Приведем лишь два примера.

В настоящее время известно огромное количество памятников палеолитического искусства. Однако значение и самое существование искусства палеолита признавались далеко не сразу. И в рамках бытовавших тогда немудреных представлений о механизмах развития для этого были основания. Действительно, считалось, что вначале человек овладел сферой материального производства (на первобытном, палеолитическом уровне), а уже затем приобрел способность к символическим операциям. Это вписывалось в традиционную модель «последовательного развития». Мысль о том, что символическое мышление идет впереди предметных действий, а не следует за этими действиями, хотя и имела ряд сторонников, но затем была признана ложной. И если факты противоречили модели последовательного развития, то действовал подход «тем хуже для фактов». Это порождало подлинные научные драмы.

Достаточно вспомнить, что невероятные по своей художественной ценности (но все же притом вполне ре-

альные) пещерные изображения Альтамиры вовсе не сразу были признаны действительно первобытным искусством. Открытые в 1879 г. испанским юристом и археологом-любителем М. С. де Саутуолой (1831-1888), эти фрески долгое время числились подделкой, и виновным в фабрикации этой «подделки» объявлялся сам Саутуола. Обвинителями и гонителями Саутуолы стали французские археологи, которых возглавлял сам великий Габриэль де Мортилье (1821-1898), основоположник ныне действующей периодизации каменного века. Затравленный и униженный, Саутуола умер, так и не очистив себя от позорного обвинения.

Выявленная благодаря исследованию первобытного искусства высокая духовность первобытных людей служила даже основанием для того, чтобы отрицать животное происхождение человека.¹ В результате модель последовательного развития (за отсутствием лучшего) стала своего рода знаменем материализма в эволюционной антропологии. Людвиг Нуаре выразил это следующим образом: «Взгляд – весьма не научный, но, к сожалению, единственно разделяемый огромным большинством современных философов и филологов, – приписывает человеку изначально необъяснимый дар абстракции, благодаря которой он в состоянии образовывать общие идеи и с их помощью вносить порядок и систему в представляющийся ему внешний мир».² Достаточно интересно, что фактическое опровержение модели последовательного развития было представлено в «Капитале» Маркса, и притом отражено во фразе, которая, усилиями популяризаторов марксизма, стала общеизвестной: «Паук совершает операции, напоминающие операции ткача, и пчела

¹ См.: Столяр А. Д. Происхождение изобразительного искусства. М.: Искусство, 1985. С. 17.

² Нуаре Л. Связь работы орудия с работой органа // Роль орудия в развитии человека / Э. Капп [и др.]. Л.: Прибой, 1925. С. 50.

постройкой своих восковых ячеек посрамляет некоторых людей-архитекторов. Но и самый плохой архитектор от наилучшей пчелы с самого начала отличается тем, что, прежде чем строить ячейку из воска, он уже построил ее в своей голове. В конце процесса труда получается результат, который уже в начале этого процесса имелся в представлении человека, т. е. идеально».¹ Иными словами, шаг от животного к человеку заключается в возникновении *представлений* о результате своих будущих действий, а вовсе не в самой предметной деятельности как таковой. А наличие представлений немедленно проявило себя в сфере *искусства* – рода деятельности, для которого представление составляет базисное, ключевое понятие.

Между прочим, и сами общеизвестные особенности первобытного искусства свидетельствуют в пользу справедливости представленной здесь концепции «развития через ступеньку». Важнейшей причиной того, что рисунки Альтамиры не были сразу признаны мировым научным сообществом в качестве первобытного искусства, была величайшая, неправдоподобная реалистичность первобытных изображений.² Они представляли собой не примитивную схему, а действительное подражание реальности. Казалось бы, от первобытного человека скорее можно было бы ожидать именно создания примитивной схемы (которую и изображает обычно современный человек, не владеющий навыками рисования). Но, если опираться на концепцию «развития через ступеньку», становится понятным, что человек того периода физически не мог изобразить примитивную схему просто из-за слабости недавно сформировавшегося служебного уровня предметных действий D (который и нужен, чтобы

¹ Маркс К. Капитал // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М. : ИПЛ, 1960. Т. 23. С. 189.

² См.: Куценков П. А. Психология первобытного и традиционного искусства. М.: Прогресс-Традиция, 2007. 232 с.

формировать схему). В создании изображений, при не-пременном действии символического уровня, без которого невозможно никакое рисование, главным подспорьем становился давно существующий (и прекрасно развитый) уровень С. А ведь именно уровень С способен формировать такое свойство рисунка, как подражание внешности изображаемого. Первобытный человек, следовательно, мог рисовать либо реалистически, либо никак.

Но даже после того, как само наличие палеолитического искусства перестали оспаривать, следование прежней модели развития не было упразднено. Более того, оно продолжается до сих пор.

Другой пример, подтверждающий это, касается такой специфической научной дисциплины, как астроархеология (т. е. раздел археологии, изучающий астрономические познания древних). Наши предки, начиная еще с эпохи палеолита, обладали серьезными для своего времени астрономическими познаниями (разумеется, не в массе, а на уровне жреческой «аристократии»; однако и теперь подавляющее большинство наших сограждан имеет об астрономии весьма смутные представления). Но ведь астрономия, даже самая примитивная, невозможна без достаточно развитого символического мышления. А это опять-таки категорически не вписывалось и не вписывается в модель «последовательного развития» (хотя все это и прекрасно объясняется в рамках модели «развития через ступеньку»). В результате работы археологов, все-таки обращавших внимание на астрономические познания древних, подвергались остракизму, а полученные результаты просто замалчивались и отрицались. Так, одним из основоположников астроархеологии стал русский археолог, князь Павел Арсентьевич Путятин (1837-1919). Выступая с докладом 18 марта 1886 г., он представил членам Отделения Русской и Славянской археологии

Императорского Русского Археологического общества сообщение о палеолитической находке – шиферной пластине, на которой было изображение фрагмента звездного неба (приполярных созвездий). Однако это потрясающее открытие было предано забвению.¹ Виной здесь была не только косность научного сообщества (в науке вообще трудно отделить косность от здорового консерватизма). Речь идет о следовании порочной и устаревшей концепции развития человека, вследствие чего астроархеологам и до настоящего времени приходится преодолевать в своей работе массу препятствий. Это заставило видного астроархеолога, доктора исторических наук В. Е. Ларичева отметить с горечью: «Ведь нет, пожалуй, в традиционной археологии даже современной либеральной России железобетоннее догмы, чем убеждение в том, что люди архаических обществ не удостоивали внимания небесные светила».²

Источником заблуждений становится и то обстоятельство, что предметные действия и создаваемые в результате этих действий артефакты сравнительно просты в наблюдении и оценке, в то время как символические действия и предметы-символы по определению требуют интерпретации. Как уже говорилось, символ есть предмет, обладающий, помимо непосредственно-вещественного, каким-либо дополнительным значением, как правило, скрытым от исследователя, а смысл «чистых» предметных действий всегда более или менее очевиден.

Таким образом, анализ инверсивных отношений в иерархических саморазвивающихся системах, который

¹ См.: Ларичев В. Е. Астроархеология: «Сквозь тернии – к звездам!» Начало непопулярной научной традиции // Астроархеология – естественно-научный инструмент познания протонаук и астральных религий жречества древней Хакасии. Красноярск: Город, 2009. С. 7-35.

² Ларичев В. Е. Только со смертью догмы начинается наука // Наука в Сибири. 2009. 24 дек.

логически приводит к модели «развития через ступеньку», представляется важнейшим инструментом научного познания. Этим еще раз подчеркивается значение инверсивных отношений и необходимость их изучения. Исследование противоречий приобретает не описательную, а аналитическую форму только в том случае, когда в этот анализ включается и исследование инверсий в иерархиях.

Механизмы саморазвивающихся систем сами по себе представляют значительный философский интерес. В ходе их исследования приходится оперировать на стыке нескольких дисциплин, включая, кроме философии, физиологию активности, эволюционную биологию и общую теорию систем. Тем не менее в данной проблеме фигурирует и чисто философский аспект, связанный с осмыслением того, что в марксизме принято называть «основным вопросом философии». Как известно, это вопрос об отношении идеального к материальному, о первичности того либо другого. Тем самым все философы ретроспективно и проспективно оказались поделенными на материалистов и идеалистов (о чем они сами, разумеется, в большинстве своем и не подозревали).

Принято считать, что впервые этот вопрос нашел отражение в известной работе Фридриха Энгельса «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии» (1886).¹ Там он формулируется так: «Великий основной вопрос всей, в особенности новейшей, философии есть вопрос об отношении мышления к бытию».² И если, как указывает М. Р. Демин,³ весьма схожая формулировка «основного вопроса философии» встречается в первом

¹ Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии / К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2-е. М.: Политиздат, 1961. Т. 21. С. 269-317.

² Там же. С. 282.

³ Демин М. Р. Еще раз об основном вопросе философии: мышление и бытие в немецкой философии середины XIX в. / М. Р. Демин // Эпистемология и философия науки. 2011. Т. XXIX, №3. С. 135.

издании «Логических исследований» (1840)¹ Адольфа Тренделенбурга (1802-1872), немецкого философа, который почти три десятилетия руководил кафедрой философии Берлинского университета после смерти Гегеля, то это не меняет сути дела. Последствия однозначно материалистического решения этого «основного вопроса» в рамках марксистской идеологии можно оценивать по-разному; по-разному можно толковать и сам статус «основного вопроса». Так, В. И. Свинцов отмечает, что дилемма «материя или дух» и раньше-то была приоритетной не для всех мыслителей; что же касается «новейшей» философии, то с конца XIX в. эта проблема в большинстве философских школ либо вообще игнорируется, либо является периферийной.² Сам Энгельс, которого долгое время было принято считать инициатором обсуждения «основного вопроса философии», всего четырьмя годами ранее (в 1882 г.) писал про «бессмысленное и противоестественное представление о какой-то противоположности между духом и материей, человеком и природой, душой и телом, которое распространилось в Европе со времени упадка классической древности и получило наивысшее развитие в христианстве».³ Тем не менее представляет безусловный интерес, имеет ли какое-либо реальное значение этот «основной вопрос философии» в настоящее время. И здесь выявляется его прямое отношение к ныне существующим моделям саморазвивающихся систем.

Даже если представить себе, что прямолинейная формулировка «основного вопроса» окажется уже совершенно отвергнутой всеми отечественными филосо-

¹ Тренделенбург А. Логические исследования / пер. с нем. Е. Корша. М.: Изд-во К. Солдатенкова, 1868. Ч. 1. – 362 с. См. также оригинал: Trendelenburg A. Logische Untersuchungen. Leipzig: Verlag von S. Hirzel, 1862. Erster Band. 496 S.

² Свинцов В. И. Основной вопрос философии: миф или реальность? // Общественные науки и современность. 1995. № 4. С. 95-104.

³ Энгельс Ф. Роль труда в превращении обезьяны в человека / К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2-е. М.: Политиздат, 1961. Т. 20. С. 496.

фами, ее последствия неизменно сказываются на модели развития человека: предметная деятельность уподобляется производственному базису, символическая – идеологической надстройке; тем самым незамысловатая модель «последовательного развития» воспроизводится вновь и вновь. А поскольку развитие системы «человек» – едва ли не самый главный вопрос в теории саморазвивающихся систем, постольку эта видимость решения вопросов саморазвития экстраполируется во внешние, не связанные с антропогенезом области человеческого знания. Это, в свою очередь, приводит к примитивизации самой модели саморазвития: анализ противоречий подменяется констатацией результатов их разрешения, ибо полученная в результате развития «готовая» иерархия демонстрирует ту самую видимую последовательность иерархических уровней, которая ретроспективно предсказывается такой теорией.

Таким образом, динамика противоречий в саморазвивающихся системах составляет одну из важнейших прикладных областей, в которой раскрываются возможности анализа инверсивных отношений. Однако это не единственная (хотя и очень важная) область, где изучение инверсий в иерархической структуре представляется целесообразным и эффективным. Исследование инверсивных отношений позволяет наполнить реальным смыслом анализ системных противоречий, а также построить адекватную модель их разрешения и оценить перспективы той или иной конкретной системы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, исследование противоречий остается весьма актуальной темой философских исследований. Инверсивные отношения, как форма внутрисистемных противоречий, сами по себе также представляют большой познавательный интерес. На страницах этой работы представлено достаточно много конкретных примеров, подтверждающих это положение.

Конечно, анализ противоречий активно разрабатывался и тогда, когда никто еще не говорил и не писал об инверсивных отношениях. Но изъяны такого анализа уже давно стали довольно очевидными. «Антиномистская диалектика – сетовал Г. С. Батищев, – подходит только для “эзотерического” употребления внутри собственно философии, среди посвященных в тайны ее изысканного языка; она не имеет той формы, благодаря которой она могла бы стать *методологическим* оружием положительного исследования. Антиномист может посмеяться над ученым, но не в состоянии чем-либо ему помочь».¹ В настоящее время сложилась иная ситуация: нередко уже ученый получает моральное право посмеяться над философом. Профессиональные философы все чаще в своих произведениях начинают, образно выражаясь, питаться объедками со стола теоретической физики, молекулярной биологии и других наук, в которых они сами разбираются, увы, достаточно слабо. Это, разумеется, не значит, что философ лишен права использовать в своей работе примеры из специальных дисциплин; однако само по себе упоминание таких примеров не приносит существенной

¹ Батищев Г. С. Противоречие как категория диалектической логики. М.: Высшая школа, 1963. С. 47.

пользы, если сами положительные исследования не получают от философа методологической поддержки.

Какова роль анализа инверсивных отношений в иерархиях? Прежде всего, анализ инверсивных отношений примечателен тем, что он позволяет оценивать и прогнозировать собственную динамику системы. Раскрытие как механизмов кризиса и упадка, так и механизмов развития позволяет делать эти процессы управляемыми – скажем, на уровне социальных систем.

Затрагивая вопросы управляемости систем, следует еще раз обратиться к дефиниции разума и рассудка. Действуя на уровне *разума*, мы можем управлять противоречиями в системе, выстраивать отношения в ней таким образом, чтобы кризисные проявления в интересующей нас системе приводили систему не к распаду, а к толчку в ее развитии. В то же время, оперируя в рамках превращенной формы разума – рассудка, люди способны действовать лишь в тех рамках, которые очерчены действующими системными закономерностями. Этому есть масса практических примеров. Скажем, на уровне рассудка можно выискивать для себя наиболее выгодные условия ипотеки, можно предоставлять опять-таки выгодные для себя ипотечные услуги, но предвидеть и предотвращать ипотечный кризис – здесь уже рассудка недостаточно.

Автор этой книги далек от мысли, что свойства инверсивных отношений изучены до конца, и с внутрисистемными противоречиями отныне «все ясно». Цель в данном случае преследовалась несколько другая – а именно, при помощи современной исследовательской методики придать новый импульс исследованию системных противоречий, раскрыть ряд новых возможностей по их осмыслению, причем сделать это таким образом, чтобы полученные результаты могли быть применены в практически значимых областях знания. Читатель может сам со-

ставить мнение о том, насколько данная попытка была успешной.

ГЛОССАРИЙ

Аддитивность – свойство целого, состоящее в том, что значение величины, соответствующее целому объекту, равно сумме значений величин, соответствующих любым его частям. Соответствует «принципу золотого сечения» по Платону.

Антагонистическое противоречие – противоречие, которое способно разрешаться только путем уничтожения некоторых или всех субъектов противоречия.

Антиномия – противоречие между двумя положениями, каждое из которых в равной мере логически доказуемо.

Апоптоз (в биологии) – процесс генетически запрограммированной гибели клеток. Здесь: гибель (распад, разрушение) одного из субъектов противоречий под влиянием внутренних причин.

Ароморфоз – скачок в развитии, переход системы к качественно новому уровню организации.

Гетерархия – форма системной организации, при которой в системе преобладают не вертикальные связи, а связи, обеспечивающие координацию.

Гипероним – понятие, более общее по отношению к другим понятиям, более частным.

Гипоним – частное понятие по отношению к другому понятию, более общему; противостоит гиперониму.

Дефиниция – словесное определение какого-либо понятия.

Дивергенция – стадия развития понятия, при которой в рамках единого понятийного поля выделяются две полярные противоположности.

Дизъюнктивное понятие – понятие, которое определяется через наличие любого из двух или более аспектов.

Идиоадаптация – малозначимые эволюционные изменения, носящие частный приспособительный характер.

Иерархия – расположение частей или элементов целого в порядке от высшего к низшему, в виде ряда соподчиненных уровней.

Инверсия – форма отношений в иерархической системе, при которой нижележащий элемент приобретает в данной системе главенствующие черты, не покидая при этом своей невысокой иерархической позиции.

Коллизия (художественная) – противоречие, столкновение; борьба сил и действующих лиц в художественном произведении.

Континуум – стадия развития понятия, при которой между двумя противоположными, полярными противоположностями прослеживается непрерывная градация последовательных изменений.

Контрадикция – противоречивое суждение; высказывание, нарушающее законы формальной логики.

Контрарность (противоположность) – логическое отношение между двумя простыми сравнимыми суждениями, которое исключает их одновременную истинность, но не исключает одновременную ложность. Также может употребляться по отношению к взаимоисключающим понятиям, которые, однако, обладают общим гиперонимом.

Конъюнктивное понятие – понятие, которое определяется взаимным отношением двух и более аспектов, но несостоятельно без любого из них.

Креод – структурно-устойчивый путь развития живых систем. Понятие введено К. Уоддингтоном (1940) для описания одного из важнейших свойств развивающихся систем – способности сохранять типичный ход (или результат) развития при наличии существенных внешних возмущающих воздействий.

Майевтика – предложенный Сократом метод, позволяющий извлекать скрытое в человеке правильное знание с помощью искусно заданных наводящих вопросов.

Манипуляция (при общении) – скрытое, неявное управление партнером, использование партнера в собственных инте-

ресах, при котором у него сохраняется иллюзия самостоятельного принятия решений.

Метасистема – система высшего порядка, включающая в себя другие системы на правах составных элементов.

Моноиерархия – иерархическая система, в которой на каждом из соподчиненных уровней имеется только один элемент. Имеет линейную структуру.

Нарратив (здесь) – изложение фактов и событий в литературном произведении.

Неантагонистическое противоречие – противоречие, при разрешении которого не происходит уничтожения субъектов противоречия.

Опредмечивание – переход в предмет и воплощение в предмете способностей и психических сил человека. Противоположно **распредмечиванию**.

Ордер – исходная форма отношений в иерархической системе, при которой высшие уровни полностью сохраняют главенствующее положение, а низшие – подчиненное.

Ортогенез – концепция в эволюционном учении, утверждающая, что развитие живой природы обусловлено внутренними причинами, направляющими ход эволюции по некоторому заранее определенному маршруту.

Полииерархия – иерархическая система, в которой каждому высшему элементу подчиняется несколько нижележащих. Имеет древовидную структуру.

Постмодернизм – термин, обозначающий состояние науки, культуры и искусства в период с 70-х годов прошлого века; определяется как системный кризис, последовавший за эпохой модерна.

Преформизм – система взглядов, согласно которой все уровни саморазвивающейся системы уже заранее неявно заложены в ней.

Принцип организационный – основание для устройства иерархической системы, согласно которому соподчиненные элементы расположены в данном порядке благодаря имею-

щимся у них строго определенным количественным либо качественным различиям.

Принцип организационный атрибутивный – принцип построения иерархической системы, основанный на наличии у соподчиненных элементов некоторого изменяемого, присоединяемого, внешнего свойства, которым не обусловлена сущность этих элементов (как объектов, процессов или явлений).

Принцип организационный сущностный – принцип построения иерархической системы, основанный на наличии у соподчиненных элементов постоянных, неотъемлемых, имманентных свойств.

Распредмечивание – процесс, в котором сущность, «логика предмета» становится достоянием человека как деятеля, точкой приложения для его способностей.

Система – целое, представляющее собой единство закономерно расположенных и находящихся во взаимной связи частей, объединяющая в себе формы этих связей, а также порядок взаимодействия соподчиненных элементов.

Система сетевая – форма системной организации, при которой все элементы имеют исходно равную значимость, и между ними потенциально могут возникнуть любые формы связей.

Структура – внутренняя организация системы; совокупность внутренних ограничений, обуславливающих возможные формы внутрисистемной активности.

Субмиссивный уровень – уровень в моноиерархии, который выполняет обслуживающие, подчиненные функции по отношению к высшему уровню. Может быть образован путем отделения от высшего уровня в иерархии на правах обретшего относительную самостоятельность служебного подразделения.

Субъект противоречия – компонент системы, одна из сторон, вступающих в противоречие с другой стороной; носитель свойств, противоречащих свойствам некоторого другого

субъекта в рамках данной системы, обладающий собственной идентичностью.

Супрематический уровень – наивысший в настоящее время уровень в саморазвивающейся иерархической системе, занявший свое место в иерархии вследствие перемещения с подчиненной на главенствующую позицию.

Сюжет – событийный ряд, служащий исходным материалом для создания художественного произведения; может быть либо сформирован автором, либо взят в готовом виде из жизненных ситуаций или других художественных произведений.

Фабула – последовательный ряд событий, представленный в художественном произведении, который может быть передан путем словесного изложения.

Холлархия – форма системной организации, в которой каждый элемент имеет собственную индивидуальную ценность.

Эмерджентность – наличие у какой-либо системы особых свойств, не присущих ее компонентам, а также простой сумме элементов, не образующих систему; несводимость свойств системы к сумме свойств элементов.

Эпигенез – учение о развитии путем последовательного приобретения новообразований, разработанное английским медиком Уильямом Гарвеем (1578-1667). Противоположно концепции преформизма, согласно которой в развивающейся системе (зародыше) уже заранее, в зачаточной форме, представлены все будущие структуры.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Адорно, Т. В.* Негативная диалектика / Т. В. Адорно. – М.: Научный мир, 2003. – 374 с.
2. *Адэишвили, Ш. Г.* Логика, диалектика и реальное мышление / Ш. Г. Адэишвили. – Тбилиси: Мецниереба, 1984. – 148 с.
3. *Аксеновская, Л. Н.* Ордерное понимание организационной культуры / Л. Н. Аксеновская // Психологический журнал. – 2009. – Т. 30, №4. – С. 25-32.
4. *Анисов, А. М.* Апории Зенона и проблема движения / А. М. Анисов // Тр. н.-и. семинара логического центра Ин-та философии РАН / РАН. Ин-т философии, Обществ. ин-т логики, когнитологии и развития личности. — М.: ИФРАН, 2000. – Вып. 14. – С. 139-153.
5. *Аристотель.* Вторая аналитика / Аристотель // Соч.: в 4 т. – М.: Мысль, 1978. Т.2. – С. 255-346.
6. *Аристотель.* Категории / Аристотель // Соч.: в 4 т.– М.: Мысль, 1978. – Т. 2. – С. 51-90.
7. *Аристотель.* Метафизика / Аристотель // Соч.: в 4 т. – М.: Мысль, 1976. – Т.1. – С. 63-368.
8. *Аристотель.* О душе / Аристотель // Соч.: в 4 т. – М.: Мысль, 1976. – Т. 1. – С. 369-450.
9. *Аристотель.* О небе / Аристотель // Соч.: в 4 т.– М.: Мысль, 1979. – Т.3. – С. 263-278.
10. *Аристотель.* Об истолковании /Аристотель // Соч.: в 4х т. – М.: Мысль, 1978. – Т.2. – С. 91-116.
11. *Аристотель.* Физика / Аристотель // Соч.: в 4х т. – М.: Мысль, 1979. – Т.3. – С. 59-262.
12. *Артюхов, В. В.* Общая теория систем: Самоорганизация, устойчивость, разнообразие, кризисы / В. В. Артюхов. – М.: ЛИБРОКОМ, 2009. – 224 с.
13. *Аугустинавичюте, А.* Соционика: Введение. / А. Аугустинавичюте; сост. Л. Филиппов. – М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 1998. – 448 с.
14. *Балашов, Л. Е.* Мир глазами философа (Категориальная картина мира) / Л. Е. Балашов. – М.: АCADEMIA, 1997. – 293 с.

15. *Балашов, Л. Е.* Противоречие (категориально-логический портрет) / Л. Е. Балашов // Полигнозис. – 1998. – № 3. – С. 3-33.
16. *Барт, Р.* Введение в структурный анализ повествовательных текстов / Р. Барт; пер. Г. К. Косикова // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX-XX вв.: трактаты, статьи, эссе. – М.: МГУ, 1987. – С. 387-422.
17. *Батищев, Г. С.* Противоречие как категория диалектической логики / Г. С. Батищев. – М.: Высшая школа, 1963. – 120 с.
18. *Бахтин, М. М.* Автор и герой в эстетической деятельности / М. М. Бахтин. – М.: Искусство, 1979. – С. 7-180.
19. *Бахтин, М. М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса / М. М. Бахтин. – 2-е изд. – М.: Художественная литература, 1990. – 543 с.
20. *Белинский, В. Г.* «Горе от ума». Комедия в 4-х действиях, в стихах. Сочинение А. С. Грибоедова / В. Г. Белинский. [Электронный ресурс]. – URL: http://az.lib.ru/b/belinskij_w_g/text_0020.shtml (дата обращения 15.08.2015).
21. *Белянин, В. П.* Психологическое литературоведение. Текст как отражение внутренних миров автора и читателя / В. П. Белянин. – М.: Генезис, 2006. – 320 с.
22. *Бем-Барвек, Е.* Основы теории ценности хозяйственных благ / Е. Бем-Барвек. – М.: Директмедиа Паблишинг, 2008. 190 с.
23. *Бернштейн, Н. А.* Физиология движений и активность / Н. А. Бернштейн. – М.: Наука, 1990. – 496 с.
24. *Брунер, Дж.* Психология познания / Дж. Брунер. – М.: Прогресс, 1977. – 412 с.
25. *Бруно, Дж.* Изгнание торжествующего зверя / Дж. Бруно. – Самара: АГНИ, 1997. – 296 с.
26. *Бруно, Дж.* Философские диалоги: О Причине, Начале и Едином; О бесконечности, вселенной и мирах / Дж. Бруно. – М.: Алтейа, 2000. – 320 с.
27. *Витгенштейн, Л.* Избранные работы / Л. Витгенштейн; пер. с нем. и англ. В. Руднева. – М.: Территория будущего, 2005. – 440 с.
28. *Витгенштейн, Л.* Философские работы. / Л. Витгенштейн; составл., вступ. статья, примеч. М. С. Козловой; пер. с нем.

- М. С. Козловой и Ю. А. Асеева. – М.: Гнозио, 1994. – Ч. 1. – 521 с.
29. *Вольф, К. Ф.* Предметы размышлений в связи с теорией уродов / К. Ф. Вольф. – Л.: Наука, 1973. – 315 с.
30. *Воронин, А. А.* Оптимальные иерархические структуры / А. А. Воронин, С. П. Мишин. – М.: ИПУ РАН, 2003. – 214 с.
31. *Гегель, В. Ф. Г.* Наука логики / В. Ф. Г. Гегель // Энциклопедия философских наук. – М.: Мысль, 1974. – Т. 1. – 452 с.
32. *Гегель, В. Ф. Г.* Эстетика / В. Ф. Г. Гегель. – М.: Искусство, 1971. – Т.3. – 623 с.
33. *Гераклит Эфесский*: все наследие: на языках оригинала и в рус. пер.: крат. изд. / подгот. С. Н. Муравьев. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2012. – 416 с.
34. *Гилев, С. Е.* Распределенные системы принятия решений в управлении региональным развитием / С. Е. Гилев, С. В. Леонтьев, Д. А. Новиков. – М.: ИПУ РАН, 2002. – 52 с.
35. *Грачев, Г. В.* Манипулирование личностью / Г. В. Грачев, И. К. Мельник. – М.: Эксмо, 2003. – 384 с.
36. *Даль, В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка / В. И. Даль. – М.: ГИХЛ, 1935. – Т. III. – С. 132.
37. *Демин, М. Р.* Еще раз об основном вопросе философии: мышление и бытие в немецкой философии середины XIX в. / М. Р. Демин // Эпистемология и философия науки. – 2011. – Т. XXIX, №3. – С. 133-147.
38. *Диалектическая логика* / под ред. З. М. Оруджева, А. П. Шептулина. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1986. – 298 с.
39. *Довлатов, С.* Зона / С. Довлатов // Соч. в 3х т. – СПб.: Лимбус-Пресс, 1995. – Т.1. – С. 152.
40. *Довлатов, С.* Ремесло / С. Довлатов // Соч. в 3х т. – СПб.: Лимбус-Пресс, 1995. – Т.2. – С.145.
41. *Друкер, П. Ф.* Задачи менеджмента в XXI веке / П. Ф. Друкер; пер. с англ. Н. Макаровой. – М.: Вильямс, 2007. – 286 с.
42. *Дьякова, В. В.* Противоречие между социальной справедливостью и экономической эффективностью в современном публичном управлении / В. В. Дьякова // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. – 2009. – Вып. 106. – С. 225-230.

43. *Дюркгейм, Э.* Самоубийство / Э. Дюркгейм. – СПб.: Союз, 1998. – 496 с.
44. Зощенко, М. М. О комическом в произведениях Чехова (Вступ. статья, публ. Г. А. Белой) / М. М. Зощенко // Вопросы литературы. – 1967. – № 2. – С. 150-155.
45. *Иванов, С. А.* Социальное партнерство как феномен цивилизации / С. А. Иванов // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2005. – Том VIII, № 3. – С. 79-99.
46. *Ильенков, Э. В.* Проблема противоречия в логике / Э. В. Ильенков // Философия и культура. – М.: Политиздат, 1991. – С. 308-320.
47. *Ильф, И.* Одноэтажная Америка. Письма из Америки / И. Ильф, Е. Петров. – М.: Текст, 2004. – 511 с.
48. *Имянитов, Н. С.* Взаимная обусловленность развития и деградации. Принцип сопряженного изменения свойств / Н. С. Имянитов [Электронный ресурс]. – URL.: <http://filosofia.ru/70522/> (дата обращения 10.08.2015).
49. *Каган, М. С.* Морфология искусства / М. С. Каган. – Л.: Искусство, 1972. – 440 с.
50. *Калман, Р. Э.* Очерки по математической теории систем / Р. Э. Калман, П. Л. Фалб, М. А. Арбиб; под ред. З. Я. Цыпкина; предисл. Э. Л. Наппельбаума. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 400 с.
51. *Кант, И.* Единственно возможное основание для доказательства бытия бога / И. Кант // Собр. соч.: в 8 т. – Т. 1. – С. 383-498.
52. *Кант, И.* Ложное мудрствование в четырех фигурах силлогизма / И. Кант // Собр. соч.: в 8 т. – Т. 2. – С. 23-40.
53. *Кант, И.* Опыт введения в философию понятия отрицательных величин / И. Кант // Собр. соч.: в 8 т. – Т. 2. – С. 41-84.
54. *Касаткина, Н. Э.* Противоречие как источник развития творческого потенциала студентов / Н. Э. Касаткина, Е. Е. Адакин // Вестник ТГПУ. – 2005. – Выпуск 2 (46). Серия «Педагогика». – С. 11-15.
55. *Келли, Дж. А.* Теория личности: психология личностных конструктов / Дж. А. Келли. – СПб.: Речь, 2000. – 249 с.
56. *Кемпинский, А.* Экзистенциальная психиатрия / А. Кемпинский. – М.: Совершенство, 1998. – 320 с.

57. *Кессиди, Ф. Х.* Гераклит / Ф. Х. Кессиди. – М.: Мысль, 1982. – 200 с.
58. *Князева, Е. Н.* Мыслить синергетически значит мыслить диалектически / Е. Н. Князева. [Электронный ресурс]. – URL: <http://spkurdyumov.narod.ru/MISLSIN.htm> (дата обращения 15.08.2015).
59. *Комарова, В. Я.* Учение Зенона Элейского: попытка реконструкции системы аргументов / В. Я. Комарова. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1988. – 264 с.
60. *Коренкова, Н. Е.* Психомоторика в структуре интегральной индивидуальности / Н. Е. Коренкова, Ю. Н. Олейник // Психологический журнал. – 2006. – Т.27, №1. – С. 54-66.
61. *Кулаков, И. Д.* Контрарность суждений и «контрадикторность» / И. Д. Кулаков. [Электронный ресурс]. – URL: <http://sibac.info/index.php/2009-07-01-10-21-16/1364----lr> (дата обращения 12.08.2015).
62. *Кумпф, Ф.* Диалектическая логика: основные принципы и проблемы / Ф. Кумпф, З. Оруджев. – М.: Политиздат, 1979. – 286 с.
63. *Куценков, П. А.* Психология первобытного и традиционного искусства / П. А. Куценков. – М.: Прогресс-Традиция, 2007. – 232 с.
64. *Кьеркегор С.* Беседы / пер. с датского А. В. Лызлова; предисл. протоиерея А. Уминского. – М.: Свято-Владимир. изд-во, 2009. – 288 с.
65. *Кязимов, Г. Ш.* Теория комического: проблемы языковых средств и приемов / Г. Ш. Кязимов. – Баку: Асполиграф, 2004. – 266 с.
66. *Ларичев, В. Е.* Астроархеология: «Сквозь тернии – к звездам!» Начало непопулярной научной традиции / В. Е. Ларичев // Астроархеология – естественно-научный инструмент познания протонаук и астральных религий жречества древней Хакасии. – Красноярск: Город, 2009. – С. 7-35.
67. *Ларичев, В. Е.* Только со смертью догмы начинается наука / В. Е. Ларичев // Наука в Сибири. – 2009. – 24 дек.
68. *Лессинг, Г. Э.* Лаокоон, или о границах живописи и поэзии / Г. Э. Лессинг. – М.: ГИХЛ, 1957. – 520 с.

69. *Лефевр, В. А.* Конфликтующие структуры / В. А. Лефевр. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – М.: Советское радио, 1973. – 158 с.
70. *Лич, Э.* Культура и коммуникация: Логика взаимосвязи символов. К использованию структурного анализа в социальной антропологии: пер. с англ. / Э. Лич; – М.: Вост. лит. РАН, 2001. – 142 с.
71. *Лосев, А. Ф.* История античной эстетики. Аристотель и поздняя классика / А. Ф. Лосев. – М.: Искусство, 1975. – Т.IV. – 672 с.
72. *Лосев, А. Ф.* История античной эстетики. Ранняя классика / А. Ф. Лосев. – М.: Ладомир, 1994. – 544 с.
73. *Лосев, А. Ф.* История античной эстетики. Софисты. Сократ. Платон / А. Ф. Лосев. – М.: Ладомир, 1994. – 716 с.
74. *Лосев, А. Ф.* Проблема символа и реалистическое искусство / А. Ф. Лосев. – М.: Искусство, 1995. – 320 с.
75. *Лосев, А. Ф.* Эстетика Возрождения / А. Ф. Лосев. – М.: Мысль, 1982. – 623 с.
76. *Луковкин, С. Б.* Идеи постнеклассической науки и социально-философские проблемы современности / С. Б. Луковкин // Вестн. МГТУ. – 2006. – Т. 9, №1. – С. 63-69.
77. *Луллий, Р.* Краткое искусство / Р. Луллий //, Антология средневековой мысли. Теология и философия европейского средневековья / ред. С. С. Неретина – СПб.: Изд-во РХГИ, 2002. – Т.2. – С. 188-199.
78. *Майданов, А. С.* Проблемы контражности и их решение в чань-буддизме / А. С. Майданов. [Электронный ресурс]. – URL: <http://iph.ras.ru/uplfile/evolep/majdanov-kontrarnost.pdf> (дата обращения 12.08.2015).
79. *Мао Цзэдун.* Относительно противоречия (1937 г.) / Мао Цзэдун. [Электронный ресурс]. – URL: http://library.maoism.ru/on_contradiction.htm (дата обращения 12.08.2015).
80. *Маркс, К.* Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. – 2-е изд. – Т. 19-26. – М.: ГИПЛ, 1960-1964.
81. *Маслоу, А.* По направлению к психологии бытия / А. Маслоу. – М.: Эксмо-Пресс, 2002. – 272 с.

82. *Маяковский, В. В.* Неоконченное / В. В. Маяковский, // Соч.: в 2 т. – М.: Правда, 1988. – Т. 2. – С. 432.
83. *Медавар, П.* Наука о живом: пер. с англ./ П. Медавар, Дж. Медавар: – М.: Мир, 1983. – 207 с.
84. *Мелетинский, Е. М.* Культурный герой / Е. М. Мелетинский // Мифы народов мира: энциклопедия / под ред. С. А. Токарева. — М.: Рос. энцикл.1997. – Т.2. – С.25-28.
85. *Мудрагей, Н. С.* Концепция трагической диалектики А. Либерта / Н. С. Мудрагей // Современные зарубежные концепции диалектики. Критические очерки / под ред. В. А. Лекторского. – М.: Наука, 1987. – С.11-45.
86. *Нарский, И. С.* Диалектическое противоречие и логика познания / И. С. Нарский. – М. : Наука, 1969. – 246 с.
87. *Николай Кузанский.* О неинном / Николай Кузанский // Соч.: в 2 т.– М.: Мысль, 1980. – Т.2. – С. 183-248.
88. *Новиков, Д. А.* Сетевые структуры и организационные системы / Д. А. Новиков. – М.: ИПУ РАН, 2003. – 102 с.
89. *Нуаре, Л.* Элементарные формы орудий и утвари / Л. Нуаре // Роль орудия в развитии человека. – Л.: Прибой, 1925. – С. 21-168.
90. *Огурцов, А. П.* Новый поворот к объекту в современном мышлении / А. П. Огурцов // Постнеклассика: философия, наука, культура. – СПб.: Мирь, 2009. – С. 46-70.
91. *Оруджев, З. М.* К. Маркс и диалектическая логика / З. М. Оруджев. – Баку: Азербайдж. гос. изд-во, 1964. – 196 с.
92. *Оруэлл, Дж.* Политика против литературы. Взгляд на «Путешествия Гулливера» / Дж. Оруэлл // Скотный двор. – М.: Известия, 1989. – С. 153-175.
93. *Оссовская, М.* Рыцарь и буржуа. Исследование по истории морали / М. Оссовская. – М.: Прогресс, 1987. – 528 с.
94. *Платон.* Евтидем / Платон // Собр. соч.: в 4 т. – М.: Мысль, 1990. – Т.1. – С. 158-202.
95. *Платон.* Лисид / Платон // Собр. соч.: в 4 т. – М.: Мысль, 1990. – Т.1. – С. 314-340.
96. *Платон.* Протагор / Платон // Собр. соч.: в 4 т. – М.: Мысль, 1990. – Т.1. – С. 418-476.
97. *Полуян, П. В.* О применимости логики противоречия в физической теории / П. В. Полуян // Проблема диалектиче-

- ского противоречия (методологический аспект). Межвуз. сб. – Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1987. – С. 22-35.
98. *Попов, В. В.* Переходные состояния в контексте социальных противоречий / В. В. Попов, Ю. Н. Усатова, Б. С. Щеглов. [Электронный ресурс]. – URL: <http://sisr.nkras.ru/issues/2011/3/popov.pdf> (дата обращения 23.08.2015)
99. *Попов, И. Ю.* Идея направленной эволюции: история и современность / И. Ю. Попов // Вестн. СПбГУ. Сер. 7. – 2006. – Вып. 4. – С. 13-19.
100. *Поппер, К. Р.* Логика и рост научного знания. Избр. работы: пер. с англ / К. Р. Поппер. – М.: Прогресс, 1983. – 605 с.
101. *Пропп, В. Я.* Морфология сказки / В. Я. Пропп. – Л.: Academia, 1928. – 152 с.
102. *Райбекас, А. Я.* К вопросу о природе диалектического противоречия / А. Я. Райбекас // Проблема диалектического противоречия (методологический аспект): межвуз. сб. – Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1987. – С. 5-14.
103. *Райх, В.* Анализ характера / В. Райх; пер. с англ. Е. Поле. – М.: Апрель Пресс; ЭКСМО-Пресс, 2000. – 528 с.
104. *Раутиан, А. С.* Букет законов эволюции / А. С. Раутиан // Эволюция биосферы и биоразнообразия. К 70-летию А. Ю. Розанова. – М.: КМК, 2006. – С. 20-38.
105. *Ростовцева, Т. А.* Об основном содержательном противоречии социального познания / Т. А. Ростовцева // Проблема диалектического противоречия (методологический аспект): межвуз. сб. – Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1987. – С. 53-62.
106. *Саати, Т.* Аналитическое планирование. Организация систем: пер. с англ. / Т. Саати, К. Кернс. – М.: Радио и связь, 1991. – 224 с.
107. *Саати, Т.* Принятие решений. Метод анализа иерархий / Т. Саати; пер. с англ. Р. Г. Ванчадзе. – М.: Радио и связь, 1993. – 316 с.
108. *Сагатовский, В. Н.* Основы систематизации всеобщих категорий / В. Н. Сагатовский. – Томск: Изд-во ТГУ, 1973. – 432 с.

109. *Свинцов, В. И.* Основной вопрос философии: миф или реальность? / В. И. Свинцов // *Общественные науки и современность.* – 1995. – № 4. – С. 95-104.
110. *Севостьянов, Д. А.* Героическая коллизия: иерархия и инверсия / Д. А. Севостьянов // *Вестн. Воен. ун-та.* – 2009. – № 3. – С. 57-64.
111. *Севостьянов, Д. А.* Иерархическая модель противоречий / Д. А. Севостьянов, Е. В. Лисецкая // *Обсерватория культуры.* – 2013. – №6. – С. 19-23.
112. *Севостьянов, Д. А.* Инверсивное тело (философский анализ) / Д. А. Севостьянов. – Новосибирск: Реклам.-издат. фирма «Новосибирск», 2009. – 186 с.
113. *Севостьянов, Д. А.* Инверсивные отношения парных персонажей в художественной литературе / Д. А. Севостьянов // *Гуманитарные и социально-экономические науки.* – 2010. – № 3. – С. 137-141.
114. *Севостьянов, Д. А.* Инверсия в социальной иерархии как трагическая коллизия / Д. А. Севостьянов // *Вопросы культурологии.* – 2010. – №3. – С. 12-16.
115. *Севостьянов, Д. А.* Исследование активности человека: инверсивный анализ в контексте постнеклассической рациональности / Д. А. Севостьянов // *Вопросы философии.* – 2013. – №9. – С. 105-112.
116. *Севостьянов, Д. А.* Комическая коллизия: исследование инверсивных отношений / Д. А. Севостьянов // *Вопросы культурологии.* – 2010. – №10. – С. 35-40.
117. *Севостьянов, Д. А.* Креативность в инверсивной модели человеческой активности: эволюционные аспекты / Д. А. Севостьянов // *Обсерватория культуры.* – 2013. – №2. – С. 4-10.
118. *Севостьянов, Д. А.* Плутовство как элемент культуры / Д. А. Севостьянов, А. Ю. Марин // *Обсерватория культуры.* – 2012. – №2. – С. 84-89.
119. *Сетон-Томпсон Э.* Рассказы о животных / Э. Сетон-Томпсон. – Мн.: Мастацкая литература, 1980. – 352 с.
120. *Словарь русского языка /* сост. С. И. Ожегов. – М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1952. – С. 475.

121. *Солоневич, И. Л.* Диктатура сволочи / И. Л. Солоневич. [Электронный ресурс]. – URL: <http://bookz.ru/authors/solonevi4-ivan/diktatura2/1-diktatura2.html> (дата обращения 21.08.2015).
122. *Солсо Р. Л.* Когнитивная психология / Р. Л. Солсо. – СПб.: Питер, 2002. – 592 с.
123. *Сорокин, П. А.* Социальная стратификация и мобильность / П. А. Сорокин // Человек. Цивилизация. Общество. – М.: ИПЛ, 1992. – С. 295-424.
124. *Сорокин, П. А.* Социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали / П. А. Сорокин // Человек. Цивилизация. Общество. – М.: ИПЛ, 1992. – С. 32-155.
125. *Софокл.* Трагедии / Софокл (Пер. С. В. Шервинского). – М.: Художественная литература, 1988. – С. 357-358.
126. *Социальные технологии управления обществом: региональный уровень* / под ред. Я. А. Маргуляна. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. акад. управления и экономики, 2010. – 436 с.
127. *Степин, В. С.* Классика, неклассика, постнеклассика: критерии различия / В. С. Степин // Постнеклассика: философия, наука, культура. – СПб.: Мирь, 2009. – С. 249-295.
128. *Столяр, А. Д.* Происхождение изобразительного искусства / А. Д. Столяр. – М.: Искусство, 1985. - 300 с.
129. *Сухов, Э. В.* Правовые коллизии и способы их разрешения: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Э. В. Сухов. – Нижний Новгород, 2004. – 148 с.
130. *Тимофеев-Ресовский, И. В.* Структурные уровни биологических систем / И. В. Тимофеев-Ресовский // Системные исследования. – М.: Наука, 1970. – С. 80-113.
131. *Тихонов, А. В.* К вопросу о познании внутренней противоречивости живой природы в формировании теории естественного отбора / А. В. Тихонов // Проблема диалектического противоречия (методологический аспект): межвуз. сб. – Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1987. – С. 45-52.
132. *Тренделенбург, А.* Логические исследования / А. Тренделенбург; пер. с нем. Е. Корша. – М.: Изд-во К. Солдатенкова, 1868. – Ч. 1. – 362 с.
133. *Троцкий, Л. Д.* Сервантес и Свифт / Л. Д. Троцкий // Наше слово. –1916. – 16 мая.

134. *Турчин, В. Ф.* Феномен науки: Кибернетический подход к эволюции / В. Ф. Турчин. – Изд. 2-е – М. : ЭТС, 2000. – 368 с.
135. *Тэн, И.* Философия искусства / И. Тэн. – М.: ОГИЗ ИЗОГИЗ, 1933. – 360 с.
136. *Уоддингтон, К. Х.* Основные биологические концепции / К. Х. Уоддингтон // На пути к теоретической биологии. I. Прологомены. – М.: Мир, 1970. – С. 11-38.
137. *Успенский, Б. А.* Антиповедение в культуре древней Руси / Б. А. Успенский // Избранные труды. Т.1: Семиотика истории. Семиотика культуры. – М.: Гнозис, 1994. – С. 320-332.
138. *Ушаков, Д. Н.* Толковый словарь современного русского языка / Д. Н. Ушаков. – М.: Аделант, 2013. – 800 с.
139. *Феоктистова, С. С.* Парные персонажи в русском фольклорном театре / С. С. Феоктистова // Изв. Рос. гос. пед. ун-та имени А. И. Герцена. СПб., 2009. – № 96. – С.224-228.
140. *Философский* энциклопедический словарь. / Редкол.: С. С. Аверинцев, Э. А. Араб-Оглы, Л. Ф. Ильичев и др. – 2-е изд. – М.: Советская энциклопедия, 1989. – 815 с.
141. *Фома Аквинский.* О смешении элементов. / Фома Аквинский. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.odinblago.ru/zapadnoe_bogoslovie/akvinsky/ (дата обращения 19.08.2015).
142. *Фома Аквинский.* Онтология и теория познания (фрагменты сочинений) / Фома Аквинский; перевод, вступит. ст., коммент. В. П. Гайденко. – М.: ИФРАН, 2001. – 206 с.
143. *Франчук, В. И.* Основы общей теории социального управления / В. И. Франчук. – М.: Ин-т организацион. систем, 2000. – 180 с.
144. *Фюзели, Г.* Афоризмы / Г. Фюзели // Мастера искусства об искусстве. – М.: Искусство, 1967. – Т. 4. – С. 297-299.
145. *Хайдеггер, М.* Гераклит / М. Хайдеггер. – СПб.: Владимир Даль, 2011. – 512 с.
146. *Хакен, Г.* Информация и самоорганизация: Макроскопический подход к сложным системам / Г. Хакен. – М.: Мир, 1991. – 240 с.
147. *Харун Яхья.* Крах теории эволюции и ее идеологическая подоплека / Харун Яхья. – М.: Культура, 2002. – 200 с.

148. *Хейзинга, Й.* Homo ludens / Й. Хейзинга // Homo ludens. В тени завтрашнего дня. – М.: Прогресс, Прогресс-Академия, 1992. – С. 5-240.
149. *Хекхаузен, Х.* Экстринсивная и интринсивная мотивации / Х. Хекхаузен // Мотивация и деятельность: в 2 т. – М.: Педагогика, 1986. – Т. 2. – С. 234-248.
150. *Чернышевский, Н. Г.* Эстетические отношения искусства к действительности (Диссертация) / Н. Г. Чернышевский // Соч.: в 2 т. – М.: Мысль, 1986. – Т. 1. – С. 71-173.
151. *Шеллинг, Ф. В. Й.* Система трансцендентального идеализма / Ф. В. Й. Шеллинг // Соч.: в 2 т. – М.: Мысль, 1987. – Т. 1. – С. 227-489.
152. *Шишкин, М. А.* Эволюция как эпигенетический процесс / М. А. Шишкин // Современная палеонтология. – М.: Недра, 1988. – С. 142-169.
153. *Шмальгаузен, И. И.* Факторы эволюции. Теория стабилизирующего отбора / И. И. Шмальгаузен. – М.: Наука, 1968. – 451 с.
154. *Штракс, Г. М.* Социальное единство и противоречия социалистического общества / Г. М. Штракс. – М.: Изд-во МГУ, 1966. – 144 с.
155. *Щедровицкий Г. П.* Деятельность проектирования и социальная система / Г. П. Щедровицкий. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.fondgp.ru/gp/biblio/rus/60> (дата обращения 10.08.2015).
156. *Эльканович, В. А.* Противоречие / В. А. Эльканович. [Электронный ресурс]. – URL: <http://elkanovich.ucoz.ru/index/0-19> (дата обращения 12.08.2015).
157. *Юнг, К. Г.* Психологические типы / К. Г. Юнг. – М.: Университ. книга, АСТ, 1996. – 717 с.
158. *Юрков, С. Е.* Антиповедение – гротеск – антимир / С. Е. Юрков // Под знаком гротеска: антиповедение в русской культуре (XI-начало XX вв.). – СПб.: Летний сад, 2003. – С. 15-35.
159. *Bergman, J.* The Rise and Fall of the Orthogenesis Non-Darwinian Theory of Evolution / J. Bergman // Creation Research Society Quarterly, , Fall 2010. – Vol. 47. – P. 139-145.

160. *Chattopadhyay, G. P.* Hierarchy and modern organisation: a paradox leading to human wastage / G. P. Chattopadhyay, A. Malhotra // *Indian Journal of Social Work*. – 1991. – Vol. 52(4). – P. 561-584.
161. *Conze, E.* The Objective Validity of the Principle of Contradiction / E. Conze // *Philosophy*. – 1935 – Vol. 10, No 38. – P. 205-218.
162. *Dean, C. L.* Absurdities or meaninglessness or irrationality is no hinderance to something being ‘true’: rationality: or freedom from contradiction or paradox is not a necessary and/or sufficient condition for ‘truth’: mathematics and science examples / C. L. Dean. – Australia, West Geelong: Gamahucher Press, 2003. – 22 p.
163. *Graham, D. W.* Heraclitus’ criticism of Ionian philosophy / D. W. Graham // *Oxford Studies in Ancient Philosophy* / Ed. by C. C. W. Taylor. Oxford: Clarendon Press, 1997 – Vol. XV. – P. 1-50.
164. *Heylighen, F.* Complexity and Self-organization / F. Heylighen. – URL: <http://pespmc1.vub.ac.be/Papers/ELIS-Complexity.pdf> (дата обращения 16.08.2015).
165. *Jameson, K.* Finding an appropriate order for a hierarchy based on probabilistic Dominance / K. Jameson, M. C. Appleby, L. C. Freeman // *Animal Behaviour*. – 1999. – №57. – P. 991-998.
166. *Kaplan, H. S.* The evolutionary and ecological roots of human social organization / H. S. Kaplan, P. L. Hooper, M. Gurven. – URL: <http://www.anth.ucsb.edu/faculty/gurven/papers/kaplanetal2009.social%20organization.pdf> (дата обращения 16.08.2015).
167. *Popov, I.* Man and Law in Evolution / I. Popov // *Ludus Vitalis*, 2007. – Vol. XV, num. 27. – P. 225-228.
168. *Proudhon, P.-J.* Système des contradictions économiques. Philosophie de la misère / P.-J. Proudhon – URL: http://classiques.uqac.ca/classiques/Proudhon/systeme_contr_eco/systeme_contr_eco.pdf (дата обращения 16.08.2015).
169. *Putnam, H.* Pragmatism and realism / H. Putnam. – Edited by James Conant and Urszula M. Zeglen. – London and New York: Routledge, Taylor & Francis e-Library, 2005. – 242 p.

170. Sayers, S. Contradiction and Dialectic / S. Sayers. – URL: http://www.academia.edu/3035424/Contradiction_and_Dialectic (дата обращения 12.08.2015).
171. *The Need to Belong: Rediscovering Maslow's Hierarchy of Needs* / N. Kunc [et al.], 1992. – URL: <http://broadreachtraining.com/articles/armaslow.htm> (дата обращения 10.08.2015).
172. *The Traditional Square of Opposition* // Stanford Encyclopedia of Philosophy. – URL: <http://plato.stanford.edu/entries/square/> (дата обращения 19.08.2015).
173. *Van Der Meer, J. M. Order* / J. M. Van Der Meer. – URL: <http://www.enotes.com/science-religion-encyclopedia/order> (дата обращения 12.04.2013).
174. *Weston, T. The Concept of Non-Antagonistic Contradiction in Soviet Philosophy* / T. Weston // *Science & Society*, October 2008. – Vol. 72, №4. – P. 427-454.
175. *Whitmer, J. K. The emergence of social hierarchies, or “how to win fights and influence people”* / J. K. Whitmer. – URL: http://guava.physics.uiuc.edu/~nigel/courses/569/Essays_Fall2006/files/whitmer1.pdf (дата обращения 23.08.2015).

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
1. ИНВЕРСИВНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ИЕРАРХИЯХ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ПРОТИВОРЕЧИЙ	12
1.1. Определение инверсий	12
1.2. Инверсивные связи	22
2. ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ПРИНЦИПЫ И ПРОТИВОРЕЧИЯ..	29
2.1. Что такое организационные принципы	29
2.2. Сущностные и атрибутивные принципы	32
2.3. Краткий перечень организационных принципов.....	36
2.4. Свойства организационных принципов в иерархии.....	41
3. ПРОТИВОРЕЧИЕ. ОПРЕДЕЛЕНИЕ И ПОСТАНОВКА ВОПРОСОВ	51
3.1. Краткая историческая справка.....	51
3.2. Внутренняя и внешняя сторона противоречия	59
3.3. Формально-логическое и диалектическое противоречие	61
3.4. Л. Е. Балашов. Попытки моделирования	71
3.5. Многоуровневая модель противоречий	75
4. СВОЙСТВА ПРОТИВОРЕЧИЙ	89
4.1. Свойства субъектов противоречия	89
4.2. Антагонистические и неантагонистические противоречия	100
4.3. Разрешение противоречий	106
ПРОТИВОРЕЧИЕ В ЛИТЕРАТУРНОМ ДИСКУРСЕ.....	114
5.1. Фабула и литературная коллизия.....	114
5.2. Героическая коллизия.....	127
5.3. Трагическая коллизия.....	137
5.4. Комическая коллизия	143
5.5. Плутовство как форма литературной коллизии.....	159
5.6. Парные персонажи как олицетворение противоречий.....	169
6. ПРОТИВОРЕЧИЯ В САМОРАЗВИВАЮЩИХСЯ СИСТЕМАХ.....	179
6.1. Актуальность темы саморазвития	179
6.2. Саморазвитие и концепция эпигенеза	188
6.3. Значение промежуточных уровней и внутрисистемной мобильности.....	196
6.4. Движение и развитие	198
6.5. Развитие активности человека: перемещение субмиссивных уровней.....	203

6.6. Общенаучное и философское значение модели «развития через ступеньку».....	213
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	222
ГЛОССАРИЙ.....	224
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК.....	229

Севостьянов Дмитрий Анатольевич

ПРОТИВРЕЧИЕ И ИНВЕРСИЯ

Монография

Редактор *Т. К. Коробкова*

Компьютерная верстка *В.Н. Зенина*

Подписано в печать 25 ноября 2015 г. Формат 60×84¹/16.
Объем 11,8 уч.-изд. л., 15,2 усл. печ. л. Тираж 500 экз.
Изд. №98. Заказ № 1478.

Отпечатано в Издательском центре НГАУ «Золотой колос»
630039, Новосибирск, ул. Добролюбова, 160, каб. 106.
Тел. (383) 267-09-10. E-mail: 2134539@mail.ru